

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ
КЭТИ РЕГНЕРИ

*Красавица
и
Ветеран*

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Глава 1

– Саванна Калхун Кармайкл, ты меня вообще слушаешь?

Скарлет, сидевшая на садовых качелях на веранде родительского дома, наградила свою старшую сестру Саванну сердитым взглядом. Ее надутые губки идеально совпадали по цвету с ярко-алой геранью, которая пышно развесилась в горшках у нее над головой. Может, Саванне и досталось больше мозгов, зато Скарлет определенно получила

большую долю красоты.

– Слушаю. – Вздохнув, Саванна поерзала на перилах веранды, потом взглянула на увесистый свадебный журнал в руках у сестры и покорно повторила информацию, которой Скарлет только что с ней поделилась: – Двенадцать главных вех в развитии отношений. Первое: когда вам впервые уютно вместе молчать. Второе: когда ты впервые понимаешь, что быть в его компании приятней, чем с кем-либо другим. Третье...

Скарлет вызывающе приподняла брови, и Саванна усмехнулась.

– Ладно, сдаюсь. На третьем ты меня потеряла.

– Саванна, ты невыносима. Это крайне важная информация. Тебя не беспокоит, что твоя младшая сестра окажется у алтаря первой?

Саванна, старушка двадцати шести лет в сравнении с очаровательными двадцати двумя годами сестры, склонила голову набок и пристально всмотрелась в ее лицо, но никаких следов

ехидства там не нашла, только искреннее беспокойство. Скарлет так и не смогла понять решения Саванны променять Дэнверс, Виргиния, на Нью-Йорк и стать журналистом. В тот единственный раз, когда Скарлет приезжала к ней в гости, она – несмотря на попытки Саванны вывести ее в город – просидела все выходные в относительной безопасности гостиничного номера.

– Я никогда и не стремилась к браку, Скарлет. Это твоя

территория.

– Разве ты не хочешь быть женщиной, у которой есть все? И увлекательная работа, и сексуальный муж, который встречает тебя в постели по вечерам?

Саванна закатила глаза. Работа журналиста, вопреки представлениям ее сестры, мало походила на просиживание штанов с девяти утра до пяти вечера. Сама Кэти Скарлет Кармайкл, окончив школу, сменила подработку в цветочном

магазинчике на полный рабочий день и каждые выходные, когда Трент Гамильтон приезжал из Университета Западной Виргинии домой, нацепляла на лицо жизнерадостную улыбку. Ну а он, само собой, напрочь потерял от нее голову, несмотря на все искушения колледжа. Через четыре года, когда обучение Трента закончилось, терпение Скарлет было вознаграждено: в день выпуска он сделал ей предложение. Прошел год – и вот она, Скарлет, сидит и

листает свадебный журнал,
готовясь к июльской свадьбе.
Саванна в общем-то не
испытывала к ней зависти – они
выбрали слишком разные
жизненные пути; чему она порой
завидовала, так это
целеустремленности сестры,
которая с юных лет мечтала
только об одном: стать миссис
Трент Гамильтон, любящей
женой, матерью и столпом
общества. И – вуаля – ее мечта
сбылась.

Саванна смягчила выражение

лица.

– Ну, сексуальный мужчина пусть будет, я вовсе не возражаю.

– Муж, – поправила ее Скарлет. – Муж. Из плоти и крови. А не герой сериалов, которые ты смотришь по НВО. Ладно, слушай. Номер три. Когда ты впервые выглядишь адски, а он и не замечает.

– И какой такой мужчина этого не заметит? – Уж конечно не один из тех типов, с которыми Саванна встречалась в Нью-Йорке. Она поморщилась, когда в

памяти всплыло лицо Патрика. Чертов Патрик Монро. Ловко же он ее обработал.

– Тот, кто влюблен в тебя по уши. Номер четыре... О-о... – пробормотала Скарлет со вздохом. – Вот это хорошее. Когда вы впервые разговариваете всю ночь до рассвета.

Ну да, подумала Саванна. Хорошее... если только всю ночь до рассвета тебя не кормят враньем, а ты не понимаешь этого, потому что ослеплена страстью – она отказывалась

признавать, что это была любовь,
– и веришь всему, что он говорит,
ведь мужчина, который
обращается с твоим телом так,
словно обучался эротическим
искусствам, вряд ли способен
лгать.

– Номер пять. Когда ты
впервые приводишь его домой и
знакомишь с семьей.

Саванна взглянула на
свежевыкрашенное белой
краской крыльцо, потом на
потолок веселого голубого
оттенка, где под дуновением

вечернего майского ветерка
покачивались горшки с ярко-алой
геранью. У последней ступеньки
крыльца начиналась кирпичная
дорожка, которая делила
аккуратный газон надвое и
упиралась в заросли азалии у
белой калитки, выходящей на
обсаженный деревьями тротуар.
Их дом был воплощением
американского Юга, но она так и
не набралась храбрости
пригласить сюда Патрика и
познакомить его со своими
родителями. Он рос в Верхнем

Вест-Сайде, учился в частных школах, а летние каникулы проводил на острове Нантакет. Дэнверс, Виргиния, был простоват для его вкуса. Увидеть насмешку в его глазах при виде столь любимого ею дома было бы невыносимо. И потому она решила не рисковать.

– Номер шесть... – Саванна взглянула на сестру – та сидела с мило порозовевшими щечками и обмахивалась ладонью. – О-ох. Когда вы впервые обнажаетесь друг перед другом и не

испытываете ни тени смущения.
О боже...

Саванна усмехнулась.

– Только не говори, что вы с
Трентом никогда не занимались
этим средь бела дня.

– Это мое личное дело. –

Скарлет зарделась еще сильнее. –
А-а ты? Занималась?

– Был ли у меня секс при
свете? Естественно.

– С этим твоим Патриком?

Скарлет невзлюбила Патрика
после их совместного ужина во
время ее катастрофического

визита в Нью-Йорк. По ее мнению он весь вечер посмеивался над ней, и, по правде говоря, она не ошиблась. Позже, оставшись с Саванной наедине, Патрик назвал акцент Скарлет «монументальным» и добавил: «хорошо, твоя сестра симпатичная, иначе кому бы она сдалась». Когда он спросил, почему у Саванны такого акцента нет, она объяснила, что за четыре года в Нью-Йорке хоть и с трудом, но сумела от него избавиться. К тому времени, как она пришла в

«Сэнтинел», он почти не ощущался в ее речи, разве что иногда, когда она перебарщивала с алкоголем.

– Не выношу я его, Вэн. Знаю, тебе он нравился, и мне жаль, что у вас не сложилось, но я уверена: где-то там тебя ждет кто-то лучше. Кто-то настоящий.

– Все нормально. Он оказался предателем.

Скарлет кивнула.

– Мягко говоря.

– Я сама виновата, что не разглядела в нем то, что увидела

тогда за ужином ты. Что под номером семь?

– О!

Скарлет вновь уткнулась в журнал, а Саванна наклонилась за своим стаканом холодного чая. Стекло вспотело, покрывшись прохладными капельками, и когда она сделала глоток, одна упала в ложбинку между ее грудями.

– Номер семь. Когда ты впервые понимаешь, что тебе не нужен никто, кроме него.

Ну, до этой стадии она точно

дошла, когда перестала замечать кого-либо, кроме Патрика. В сравнении с ним – с его родословной, аристократической внешностью и связями в высших кругах – все прочие мужчины бледнели. Жаль, что Патрик на ответную преданность не подписывался. После того, как она узнала, что он в одиночку уничтожил ее профессиональную репутацию и карьеру, ее добила новость о том, что все время, пока она с ним спала, он встречался с другой.

– Дальше, – потребовала Саванна.

– Вот это мое любимое. Когда ты впервые видишь с ним свое будущее. – Скарлет вздохнула. – Первый класс. Детская площадка. Трент качал меня на качелях, хоть другие мальчишки над ним и смеялись.

Саванна любила сестру, но не представляла, как можно думать о будущем с кем-то, кто в первом классе качал тебя на качелях. Ей всегда было невдомек, как Скарлет может довольствоваться

идеей о том, чтобы родиться, вырасти, выйти замуж и умереть, не покидая родного городка, когда за его пределами лежит целый огромный мир.

– Что там под номером девять?

Мечтательная улыбка на лице Скарлет сменилась усмешкой.

– Когда вы впервые отправляетесь вместе в путешествие.

– Дурацкий пункт.

– Почему?

– По утрам сложно выглядеть идеально. Плюс любая поездка –

это стресс.

– Сестренка, я думала, ты обожаешь путешествовать! – воскликнула Скарлет.

– О, обожаю. Одна. В погоне за сюжетом. С какой стати мне хотеть брать с собой кого-то еще?

– Потому что ты его любишь? Потому что на Гавайях куда веселее с... – Она порозовела и отвела глаза в сторону.

– Не припоминаю, чтобы вы с Трентом ездили на Гавайи, – поддразнила ее Саванна.

– Медовый месяц, –

театральным шепотом пояснила Скарлет.

– А, значит, ты наконец-то определилась. Что ж, говорят, там очень романтично.

Нежный румянец Скарлет разлился до самой шеи.

Саванне стало смешно. Какая она все-таки чопорная, ее младшая сестричка.

– Скарлет, бога ради, можно подумать, ты никогда не целовалась с мальчиком. Что дальше?

– Номер десять. Первая

серьезная ссора. – Скарлет фыркнула. – Ну, надеюсь, *этого* мне пережить не придется. – Она постучала по деревянному подлокотнику качелей, блеснув розовым маникюром в теплом свете вечернего солнца.

– Хочешь сказать, вы с Трентом никогда крупно не ссорились?

– Вэн, ради всего святого, зачем мне ссориться с женщиной, которого я люблю? Немного поспорить – это можно, конечно, но для меня важнее всего, чтобы он чувствовал себя любимым,

счастливым и чтобы со мной ему было хорошо. К тому же Трент очень умный, очень добрый и почти всегда прав.

– А когда нет?

– Пчелы, знаешь ли, слетаются на мед, а не на уксус.

Саванна рассмеялась.

– А, то есть добиваешься своего хитростью?

– Все лучше, чем ссориться.

– Судя по всему, у тебя никогда не было примирительного секса. Многое теряешь, Скарлет.

Уклоняясь от ответа, Скарлет

пожала плечами.

– Нет такой вещи, которая стоила бы ссоры с Трентом. Ни одной.

– Ладно, дело твое. Давай дальше.

– Номер одиннадцать. Когда ты впервые понимаешь, что он твоя половинка. – Скарлет вздохнула. – Ну разве не чудесно?

При всем своем цинизме Саванне пришлось признать, что фраза и впрямь звучит чудесно. Когда она влюбилась в Патрика, то начала понимать, насколько

это прекрасно – дарить свое сердце другому, насколько потрясающе знать, что он всегда на твоей стороне, и, да, насколько чудесно понимать, что с ним ты как за каменной стеной, что ваши судьбы переплелись, что отныне вы неразрывно связаны.

Она заставила себя вспомнить жестокое ликование в его взгляде, когда он признался, что скормил ей дезинформацию в попытке извратить историю с хищениями в финансовой фирме своего отца. И Саванна – глупая Саванна,

которая думала, что у них любовь – была для него не более, чем способом достижения цели, после чего оказалась ему не нужна.

– Прости, малыш, – произнес он с интонацией, которая, видимо, в его мире считалась сожалением. – С тобой было весело. И статья вышла просто блеск. С твоей помощью вся вина легла на отцовских партнеров.

– Когда всю дорогу виноват был только твой отец?

– Для суда важнее всего

общественное мнение. И ты
проделала отличную работу для
нашего... дела.

– Но он обманул столько
людей... – Она осеклась, поняв,
какими будут последствия. – А
«Сэнтинел» напечатала эту чушь.
Эту клевету. О боже. Моя
карьера...

– Ничего. Ты крепкий орешек.
Черт, да ты пробилась в Нью-
Йорке после виргинской дыры,
малыш. Приземлишься на ноги.

Но этого, увы, не произошло.
Как только начали поступать

гневные письма, ее уволили. Было напечатано опровержение, и тем не менее партнеры отца Патрика подали иск за клевету и отсудили у газеты свыше трех миллионов долларов.

Деваться Саванне было некуда. Пришлось сложить вещи и опозоренной уехать домой – с отговоркой об отпуске, который она якобы взяла на все лето, чтобы помочь Скарлет со свадьбой. Ее семья, разумеется, знала правду, но реакция прочих жителей Дэнверса, этого

маленького сонного городка, была такой: «Хорошо, что ты вернулась, дорогая. И как вовремя – прямо к сестриной свадьбе!»

– Кэти Скарлет, от такого количества сладкого у меня сейчас появится диабет. Пожалей меня, закругляйся. Что там двенадцатое?

– Номер двенадцать. Когда ты впервые понимаешь, что он любит тебя так же сильно, как ты любишь его.

– И что потом? – полушутя спросила Саванна.

– Потом ты готова любить его вечно, – ответила Скарлет совершенно серьезно.

Саванна невесело усмехнулась, а ее сестра с шумом захлопнула свой толстенный журнал.

– Так, мне пора собираться в клуб. Вэн, ты точно не хочешь с нами? Трент мог бы устроить тебе свидание.

– С одним из своих дружков по колледжу? Которые на пять лет меня младше? Или, еще хуже, со своим братом Лэнсом? Нет, Скарлет, спасибо. Но тебе желаю

повеселиться.

Когда сестра ушла в дом, Саванна позволила себе мысленно повторить – *он любит тебя так же сильно, как ты любишь его*. Сердце ее сжалось от тоски, которой она старалась не поддаваться. Она дала любви шанс, и что в итоге? Ей нанесли удар в спину, обманули и уничтожили. Она потеряла работу и все, ради чего упорно трудилась. По улице пронеслись на велосипедах, украшенных к завтрашнему Дню памяти, двое

белобрысых мальчишек, и Саванна, глядя на них, попыталась найти проблеск надежды. Но не смогла. Она всю жизнь положила на то, чтобы выбраться из Дэнверса. И вот опять вернулась сюда, в самое начало.

Внезапно она почувствовала, как в заднем кармане завибрировал телефон. Раньше, когда она считалась восходящей звездой «Нью-Йорк Сэнтинел», телефон был центром ее вселенной – бесконечные звонки,

сообщения... – но за последние две-три недели он просыпался всего пару раз. Она достала телефон из кармана и задумалась при виде незнакомого кода. 602. Финикс. Хм. Кого она знает в Финиксе?

– Саванна Кармайл, *Нью-Йорк Сэн...* Саванна Кармайл.

– Привет, Саванна. Это Дерби Джонс.

Это имя ни о чем Саванне не говорило.

– Хм. Чем могу быть полезна, Дерби?

– Для начала можешь меня вспомнить, – сказала женщина бодрым, многозначительным голосом. – Мы пересекались прошлой осенью в Нью-Йорке, на конференции. Я работала над статьей о...

– О медобслуживании пенсионеров!

– Точно! Я знала, что, вспомнив статью, ты и меня вспомнишь.

– Я как те чудаковатые дамы на собачьих площадках, которые запоминают людей по кличкам собак. Мама Спота. Папа Рекса.

Статья о пенсионерах.

Дерби рассмеялась.

– Не знаю, помнишь ли ты, как я с ней намучалась. Никак не могла подобрать правильную подачу, но ты села со мной и сидела полночи, просматривая мои записи и проговаривая то, что я хотела сказать. И когда взошло солнце, я поняла, как подать материал.

– Да. – Саванна улыбнулась. – Мне было приятно помочь. Как статья, удалась?

– Еще как. Я получила за нее

награду от SPJ.

– В Финиксе?

– Ага. А еще рекламу и повышение.

– Здорово, Дербби. Вижу, твоя карьера пошла на взлет. – Она постаралась вложить в голос побольше энтузиазма, хоть и ощутила себя несколько уязвленной.

– А твоя – на спад.

Упс.

– Ну... – замялась Саванна, не зная, что и ответить.

– Господи, что я несу. Я точно

не самый тактичный человек на свете.

– И не говори.

– Слушай, скажу прямо. После той конференции я не выпускала тебя из виду, читала твои статьи, смотрела, какие сюжеты ты выбираешь. Ты написала просто революционный текст о нью-йоркском метро и целиком и полностью заслужила награду за статью о делишках адвокатов с окружным прокурором. Я еще молчу о том, как ты неделю провела на заднем сиденье

полицейской машины, собирая информацию для той великолепной статьи о наших доблестных стражах порядка. Ты очень талантливая, Саванна. Много талантливей большинства. Не знаю, что там приключилось с Монро, но похоже, тебя подставили.

Саванна проглотила выросший в горле ком.

– Я сама виновата. Не заметила, что...

– Бывает. Нам всем порой не везет с источниками.

Саванна поморщилась, гадая, когда Дерби доберется до сути и перестанет тыкать ее носом в сделанную промашку. Она и так каждый день просыпалась с камнем на сердце, оплакивая свои разрушенные мечты. Лишние напоминания были ей не нужны.

– В общем, так, – продолжала Дерби. – Я еще в те выходные поняла, что журналист ты отличный. Высший класс. Держу пари, ты никогда больше не напортачишь с источниками, и заполучить такой талант будет

удачей для абсолютно любой газеты.

– Ну... хм... очень мило, что ты...

– Короче, дело такое. «Финикс Таймс» ищет обозревателя для рубрики «образ жизни». Я понимаю, это не Нью-Йорк и не «Сэнтинел». Но для человека с амбициями, который хочет снова встать на ноги... – Дерби оставила мысль висеть в воздухе, и Саванну охватили противоречивые эмоции.

Образ жизни?! Она занималась

расследованиями для самой уважаемой газеты Америки, а теперь ей придется обозревать кулинарные конкурсы, благотворительные мероприятия, показы мод и светскую хронику? Не говоря уже о том, что «Финикс Таймс» стоит в лучшем случае на второй строчке. И находится... в Финиксе. В раскаленном, сухом Финиксе. Черт знает где.

С другой стороны Финикс был шестым по величине городом в стране и центром всего юго-востока. Он располагался

достаточно далеко от Нью-Йорка, чтобы не напоминать о ее грандиозном провале в «Сэнтинел», однако относительно близко к Лос-Анджелесу и Сан-Франциско, чтобы через несколько лет, хорошенько потрудившись, можно было перебраться в город побольше. Конечно, обозревать рубрику «образ жизни» не являлось работой мечты, но то был ее шанс вернуться, разве нет? А через несколько месяцев – максимум через год – можно

попросить о переводе в другой отдел.

– Дерби, – сказала она решительно. – Что я должна сделать, чтобы оно случилось?

– Наш главный редактор знает, кто ты такая. Он готов нанять тебя и предоставить полную свободу действий, но сперва ты должна поразить его материалом в стиле «образа жизни».

– О, я могу переслать ему тонну всего...

– Нет, Саванна. Не можешь. Я пыталась найти среди твоих

статей что-нибудь – что угодно, – что могло бы сойти за подходящий материал. Впустую.

Помрачнев, Саванна кивнула. Дерби была права. У нее ничего не было.

– Но Мэддокс Макнаб, наш редактор, он помешан на горячих репортажах, и ему нравится, что за плечами у тебя есть Нью-Йорк. Он, бывает, довольно сильно правит, но лично я не жалуюсь. Он умеет сделать хороший текст еще сочнее, и по меньшей мере четверть из них попадает в

национальную ленту новостей.

– Ого. Отличные цифры. Да он, похоже, настоящий кудесник.

– Повторюсь: лично я не жалуюсь. В общем, ему нужен материал. Большой, личный, берущий за душу материал к Четвертому июля. Которое... м-м... через пять недель. Ветераны. Папа-солдат, вернувшийся домой к большому барбекю в честь праздника. Все, что присуще американскому Югу и его маленьким городкам, чтобы читатели рыдали, перед тем как

запеть «Америка, прекрасная».
Как писать – твое дело, но
Мэддокс хочет получать апдейты
каждую пятницу, начиная со
следующей. Если ему
понравится, он поставит
материал на первую полосу и,
скажем так, наверняка и
немедленно захочет увидеть тебя
в Финиксе.

Мысль Саванны лихорадочно
заработала, и она ощутила
внутри нарастающее волнение.
Да, такие темы не были ее
коньком, но она это изменит.

Разобьется в лепешку, но напишет лучшую статью, которая когда-либо публиковалась в «Финикс Таймс».

– Я в деле. Скажи Мэддоксу, что к пятнице он получит идею и первый набросок. Через шесть дней.

– Я знала, что ты согласишься, – сказала Дерби с одобрением в голосе. – Контакты Мэддокса я тебе скину, а дальше сама.

Саванна тряхнула головой, улыбаясь в трубку, удивляясь тому, из каких неожиданных мест

приходят порой вторые шансы, и твердо настроилась не упускать этот шанс.

– Дерби, не знаю, как и благодарить тебя. Честно. У меня просто нет слов.

– Эй, я не мать Тереза. Как приедешь, будешь должна мне еще несколько ночных посиделок. Я не прочь получить вторую награду.

– Заметано, – с чувством ответила Саванна. – Сделаю для тебя все, что угодно. Только скажи.

– Надеюсь, ты не забудешь о своем обещании, – сказала Дерби, – потому что уж я-то запомню.

Хихикнув, Саванна еще раз поблагодарила своего ангела-хранителя за звонок и попросила передать Мэддоксу спасибо за предоставленный шанс. Когда она повесила трубку, солнце висело совсем низко, заливая горизонт и холмы на окраине их маленького городка ярким золотистым светом.

Она прищурилась, и ее взгляд сам собой обратился на

огромный старинный особняк в викторианском стиле, стоящий на склоне холма в паре миль от их дома.

Дом Ашера Ли.

Дверь за ее спиной отворилась, и появилась Скарлет в прелестном леденцово-розовом сарафане, со скромно прикрытыми мятно-зеленой кофтой плечами.

– Слушай, Скарлет, – промолвила Саванна, по-прежнему глядя на громоздкий силуэт особняка. – А что нам

известно об Ашере Ли?

– Ашер Ли? – Скарлет, обмахиваясь ладонью, тоже устремила глаза вдаль. – Некоторые зовут его Ли-отшельник. Бедняга. В школе считался звездой футбола, но потом на какой-то войне ему снесло поллица и оторвало руку. Его миллион лет никто не видел. И он так странно повел себя, когда вернулся. Заперся дома, нанял мисс Поттс экономкой. Он не выходит уже лет десять, и никто не знает, чем он там

занимается. Ну, ходят, конечно, слухи о чудище на холмах и всем таком прочем. Серьезно, проще забыть о нем. Уж слишком это грустно и неприятно.

– Ты когда-нибудь видела его?

Скарлет покачала головой и, поджав губы, отвернулась от темнеющего вдалеке особняка.

– А почему ты спрашиваешь?

Обернувшись к сестре, Саванна склонила голову набок.

– Думаю, не пора ли кому-то показать нашему израненному ветерану немного знаменитого

южного гостеприимства.

– Вэн, что ты замыслила?

– Ничего дурного, сестренка, не беспокойся. Просто стало любопытно, не хочет ли он поделиться своей версией истории.

– Оставь его. Он хочет только одного: уединения.

– Только не в том случае, если ему есть о чем рассказать, мисс Скарлет. И есть что поведать миру.

Глава 2

Ашер Ли не ждал и не любил посетителей. Дэнверс встретил его не особенно радушно, когда он вернулся домой, однако местные жители считали нужным уважать его уединение.

Вот поэтому, когда в воскресенье днем неожиданно звякнул старинный дверной звонок, он так и подскочил в своем удобном кресле для чтения, которое стояло у западного окна его огромного кабинета. Раньше эта комната называлась библиотекой. По внушительному

объему хранившихся здесь книг она до сих пор могла поспорничать с дэнверской публичной библиотекой, и Ашер за годы после возвращения только увеличил коллекцию, время от времени приглашая плотников из соседнего штата, чтобы они добавили к стеллажам новые полки – для все новых и новых книг. Книги были его спасением, единственным доступным ему удовольствием.

В настоящее время он был увлечен романами Дженнифер

Крузи, автора с великолепным слогом и чувством юмора. Шесть ее книг он уже прочитал.

Осталось три – и можно браться за следующего автора. Но на сей раз пишущего в другом жанре – он не мог читать слишком много романов о чужом счастье без боли в сердце, ведь впереди у него самого маячила длинная жизнь и ни малейшей надежды на «жили долго и счастливо».

Иногда Ашер корил себя – зачем мучиться, читая о том, что ты никогда, никогда не получишь? –

но проходило несколько недель, и после тайн детективов, вуайеризма автобиографий и приключений триллеров он ловил себя на том, что его тянет к романам. В который раз.

Стесняться ему было некого. Кроме мисс Поттс, которая вела его хозяйство – готовила, делала уборку, стирала, ходила по магазинам, – и рабочих, периодически приходявших подлатать машину его особняка, он никого не видел. Несмотря на полученные увечья, в свои

тридцать четыре он был физически крепким мужчиной и мог дожить хоть до ста. Короче говоря, перед ним лежал долгий и одинокий путь, и читать ему было позволено все, что захочется.

Когда звонок прозвучал во второй раз, Ашер встал. Его мускулистое тело двигалось с удивительной грацией, когда он обошел письменный стол вишневого дерева – красивый, но совершенно бесполезный, ведь он не писал писем, а все его счета

оплачивались автоматически
через лэптоп, одиноко лежащий
по центру – и направился к двери
библиотеки. Он приоткрыл ее
ровно настолько, чтобы слышать
легкие шаги мисс Поттс по
мраморным полам холла, а после,
стараясь двигаться как можно
тише, поспешил по коридору к
месту, откуда через
установленные под хитрыми
углами зеркала можно было
увидеть заходящих в дом. Там он
и встал, приклеившись к зеркалу
взглядом, когда мисс Поттс

отворила дверь.

Он простил себе быстрый вздох.

Прошли годы с тех пор, как он находился так близко от женщины. Молодой женщины. Молодой и очень красивой. Сердце в его груди подскочило, глаза распахнулись, и он, вытянув шею, приник к лестнице как можно ближе, чтобы услышать ее голос.

– Мисс Поттс! – воскликнула она, и он увидел, как они с пожилой женщиной обнялись.

– Саванна Кармайкл! Кого-кого, а тебя я узнаю всегда!

Саванна Кармайкл. Саванна Кармайкл. Фамилия показалась ему смутно знакомой, однако с Саванной Кармайкл он точно был не знаком. Иначе он запомнил бы ее имя. Оно звучало как музыка и напоминало героинь слезливых исторических романов, которые он почитывал.

Ее каштановые волосы, собранные на затылке в хвостик, были прямыми и блестящими, а карие глаза – серьезными и

упрямыми. Губы у нее были пухлыми, розовыми, и хотя ее всю в зеркале видно не было – только грудь, которую туго облегал сарафан, – его сердце вновь зачастило. Он уставился на запретную ложбинку в треугольном вырезе ее сарафана. Белая, чуть веснушчатая кожа увела его взгляд вниз, к налитым грудям, и внизу у него самого налилось кое-что совершенно другое. Со свистом втянув в себя воздух, он отвернулся. Нет ни единого шанса, что когда-нибудь

ему доведется снова навестить этот уголок рая. И нечего мучить себя, пялясь на недоступное.

– Мисс Поттс, выходит, вы работаете у Аш... у мистера Ли. Так здорово повидаться с вами!

Ее плавная, чистая речь удивила Ашера. Мисс Поттс явно знала ее, но жители Дэнверса разговаривали с тяжелым акцентом, а у нее он был почти неощутим. В какой-то момент уехала и теперь вернулась?

– Ну а ты, дорогая? Слышала, на лето ты вернулась домой.

Помогаешь сестре со свадьбой?

– Да, представляете, Скарлет выходит замуж.

– Еще как представляю, дорогая. Она строила глазки Тренту со второго класса, так что в конце концов мне пришлось их рассадить. Некоторые, бывает, с колыбели предназначены друг для друга.

Хм, подумал Ашер. У нее есть сестра, и обе они учились у мисс Поттс. Значит, несмотря на отсутствие акцента, она местная, из Дэнверса.

Следуя его указаниям, мисс Поттс не пригласила ее войти. Никому нельзя было заходить в дом. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

– Приятно видеть тебя, дорогая, но у меня много дел по дому. Мистер Ли не дает мне скучать. Я могу чем-то тебе помочь?

Она откашлялась, и он снова бросил в зеркало быстрый взгляд.

– Не знаю, слышали вы или нет, – начала она, – но после колледжа я занялась

журналистикой и работала в «Нью-Йорк Сэнтинел». Сейчас я в отпуске, но мне поручили написать статью для одной очень популярной газеты, «Финикс Таймс». Им нужен большой материал к Четвертому июля, и я подумала... может быть, мистер Ли...

Он смотрел на ее хорошенькое лицо, на пылающие щеки. Любопытно. Она настроилась взять у него интервью, однако спрашивать, можно ли, ей было неловко.

– Ох, дорогая моя. Увы, но об этом не может идти и речи. Видишь ли, мистер Ли ни с кем не общается. Совсем. И тем более с репортерами.

Она расправила плечи.

– Но ведь ему наверняка есть о чем рассказать. И я очень хочу выслушать его историю и поделиться ею – вместе с ним и ради него.

– Дорогая, боюсь, это совершенно невозможно.

Он впервые заметил в руках Саванны Кармайкл накрытую

фольгой тарелку, которую она протянула мисс Поттс.

– Я испекла брауни. Очень вкусные, по рецепту Скарлет. И вот тут, сверху, прикрепила свою визитку. Вы не могли бы передать ему все это и просто спросить, быть может, он обдумает мое предложение и перезвонит мне?

Брауни. У Ашера потекли слюнки. Он и не помнил, когда в последний раз пробовал домашние брауни. Интересная тактика, чтобы получить интервью. Умнее, чем явиться

сюда напичканной сведениями о его послужном списке и возомнившей, будто она знает его, в то время как она ни черта не знала ни о нем, ни о его жизни.

– Боюсь, ничего не выйдет.

– То есть, вы отказываетесь?

Мисс Поттс вздернула подбородок, и хотя Ашер видел только ее спину, он точно знал, какого взгляда удостоилась сейчас Саванна. Строгого взгляда учительницы младших классов, которая видит Саванну насквозь и которой надоели ее уловки.

– Почему же. Я передам ему
брауни. Но ответом все равно
будет «нет». Точнее, ответом
будет молчание. Надеюсь,
дорогая, я выразилась предельно
понятно.

– Более чем, – сказала Саванна,
и Ашер стиснул челюсти,
услышав в ее голосе храброе
разочарование. – Я ничего и не
ожидаю. Но вы обещаете
передать ему?

– Обещаю. – Она забрала
тарелку, и Саванна, робко
улыбнувшись, кивнула.

– Спасибо.

– Не за что. Ну, беги, дорогая.

И передай сестре наилучшие пожелания от мисс Поттс.

Он увидел, как Саванна подняла глаза к зеркалу на верхней площадке лестницы. И не сразу нашел в себе силы отвернуться, когда ее взгляд моментально отразился в пяти зеркалах, чтобы в конце концов столкнуться с его взглядом. Глаза ее распахнулись, и Ашер, перед тем как отшатнуться, услышал, как она ахнула. Он прижался

лбом к темному дереву коридора, ругая себя за идиотизм. Она увидела его. По меньшей мере, его глаза. Проклятье. Теперь она знает, что он был дома. И знает, что он подслушивал. Проклятье номер два.

Не дожидаясь, когда они обменяются прощальными любезностями, Ашер прошагал к себе в кабинет и рывком распахнул дверь, так что она врезалась в стену, а потом с грохотом, который эхом отозвался в тишине коридора, захлопнул ее.

Он быстро подошел к окну, откуда можно было, оставаясь незамеченным, наблюдать за подъездной дорожкой, и увидел, как Саванна Кармайл остановилась и, обернувшись, взглянула на дом.

Она была милой и нарядно одетой. Лет двадцати с лишним. С умными, пытливыми глазами цвета ореха и вдумчивым лицом. Она склонила голову набок и прищурилась, словно гадая, действительно ли увидела его в зеркале или то была игра ее

воображения. Наконец ее взгляд переместился вправо, на окно, за которым прятался Ашер, и, хотя она вряд ли могла разглядеть его через стекло и полумрак комнаты, он задержал дыхание и не отпускал его, пока она не развернулась и не пошла вниз по дорожке к своей машине.

***

В особняке, судя по тому немногому, что разглядела Саванна за спиной охранявшей порог мисс Поттс, витал почти

потусторонний дух элегантности и чего-то еще, жутковатого до мурашек. Красивые мраморные полы контрастировали с когда-то гранатовой, но теперь выцветшей ковровой дорожкой, которая покрывала лестницу; сияющую деревянную обшивку стен украшал богатый орнамент – если закрыть глаза, можно было представить, что она перенеслась в 1890-е и пришла с визитом в самый великолепный дом города. Внутри пахло чистотой и древностью, лимонной

полиролью и книгами в кожаных переплетах, и по дороге домой Саванне открылось, что теперь она еще больше заинтригована затворником-ветераном, живущем в полном одиночестве на окраине их провинциального южного городка, окруженного запахами барбекю и костров.

Но самое странное впечатление произвели на нее глаза, которые она, как ей показалось, увидела в зеркале на верхней площадке лестницы перед самым своим уходом. Была

ли это игра света, или она и
впрямь мимолетно увидела карие
глаза наблюдавшего за ней
Ашера Ли? Саванна не знала.
Ахнув, она моргнула – и видение
пропало. Если то были все-таки
его глаза, то они пленили ее, едва
она столкнулась с ним взглядом.
По ее венам заструилось
странное, неожиданное тепло, и
она снова всмотрелась в зеркало,
но в отражении было пусто.

Игра света, сказала себе
Саванна. А мисс Поттс, вероятно,
уже выбросила ее брауни в

мусорное ведро.

Кто он такой, этот Ашер Ли?

Притормозив на первом из светофоров Главной улицы, она мысленно отчитала себя. С каких это пор Саванна Кармайл стала являться на интервью с тарелкой брауни вместо старой доброй собранной информации? Она даже не удосужилась заглянуть в библиотеку, чтобы изучить историю семьи Ли и в частности Ашера Ли. Он всегда существовал за пределами ее радара – будучи значительно старше и прослав

после своей трагедии местным
чужаком, – и тем не менее
Саванна не находила своим
непрофессиональным действиям
никаких оправданий. Сделав
после третьего светофора резкий
разворот, она припарковалась на
Кленовой улице возле
маленького кирпичного здания
библиотеки с твердым
намерением выяснить про Ашера
Ли все, что только возможно, а
после вернуться и, как подобает
настоящему профессионалу,
добиться-таки своего. На сей раз

она не примет отказа, что бы там ни говорила мисс Матильда Джей Поттс.

***

Ашер был сыт по горло добрыми намерениями мисс Поттс. Он знал, как сильно ей хочется, чтобы он вернулся в людское общество, но она, похоже, не понимала, насколько его раздражает ее давление, насколько оно усугубляет разочарование от того, что вместо благодарности за службу

отечеству его вынудили
проживать свою жизнь в
заточении, словно в тюремной
камере-одиночке.

Выместить злость у него не
вышло ни на беговой дорожке, ни
разрабатывая до жжения в
мышцах свою здоровую руку. Он
в сотый раз взглянул на визитку,
снова прокручивая в голове
уничтожающий аргумент,
который привела сегодня его
экономка – она же приемная
бабушка и назойливая опекунша.

После ужина, ни словом не

обмолвившись о визите Саванны Кармайкл, она убрала посуду и села напротив него за массивный стол красного дерева, который его дед выписал из Англии в 1925 году. Потом подняла с коленей завернутую в фольгу тарелку с аккуратно прикрепленной сверху визитной карточкой, поставила ее на стол – вне его досягаемости – и посмотрела ему в глаза.

– Я знаю, что вы подсматривали через зеркало. Она перехватила ваш взгляд.

Он сердито воззрился на нее, и

мисс Поттс, неуловимо улыбаясь, откинулась на спинку стула.

– Она всегда была амбициозной штучкой, Саванна Кармайкл. Но из хорошей семьи. Родители ее каждое воскресенье ходят на собрание в церковь, а сестра хоть и кокетка ужасная, но сердце у нее золотое. Лужайка у них аккуратно подстрижена, мусорные баки они на ночь на тротуаре не оставляют, и я ни разу не слышала, чтобы Фрэнк Кармайкл не смог вернуться от Эрни на своих двоих. Славные

они люди, эти Кармайклы. Но Саванна... она девочка особенная.

Не прекращая нахваливать идеальных до совершенства Кармайклов, мисс Поттс принялась аккуратно отворачивать фольгу от краев тарелки.

– Как и вам, в Дэнверсе ей показалось тесно. Она захотела повидать мир. Через шесть лет после того, как вы записались в армию, она поступила в Нью-Йоркский университет. В итоге все закончилось тем, что вам

оторвало руку, а ее уволили из самой престижной газеты в стране. И вы оба вернулись домой зализывать раны.

Ашер поморщился, когда мисс Поттс со своей обычной беспощадной прямоотой сравнила их судьбы. Он стиснул челюсти. Коротко взглянул на тарелку и снова поднял глаза на нее. Вот уже восемь лет, с тех пор, как он, получив «значительные» увечья, вернулся домой, мисс Поттс была самым близким его другом и единственным человеком,

которому он доверял.

– Вот только моя жизнь закончилась, когда ее только началась, – заметил он ровным голосом, приправленным доброй порцией гнева. Служа отечеству, он оказался искалечен, но по возвращении домой люди встретили его так, что первые пять лет он топил свою боль в алкоголе и бушевал круглые сутки. На протяжении всех этих мрачных лет верная и заботливая мисс Поттс не покидала его ни на день, пока он не увлекся чтением,

что в буквальном смысле спасло ему жизнь.

– Ну, вы сами этого захотели.

Положив локти на стол, он подался вперед и ткнул указательным пальцем себе в лицо.

– *Сам* захотел? Вот этого?

Выражение ее лица осталось невозмутимым.

– Нет. Разве я про ваши увечья? Я про то, что жить отшельником вы решили сами. Это был *ваш* выбор.

Ему не нужно было вставать и

смотреться в зеркало, висевшее над камином в позолоченной раме, чтобы понять: слово «значительные», применительно к его лицу, это еще мягко сказано. Веко его правого глаза обвисло, а вся правая половина лица представляла собой сплошное месиво шрамов. С той же стороны у него не хватало маленького кусочка ноздри, и ему приходилось не стричься, чтобы взлохмаченными волосами скрывать шрам, оставшийся на месте его правого уха. Однако

никакой стрижкой было не скрыть тот факт, что его правая рука ниже локтя отсутствовала. А правая нога, тоже поврежденная взрывом, приговорила его к небольшой, но пожизненной хромоте. Когда-то красивый молодой человек превратился в монстра. В чудовище.

– Вы забыли, что произошло, когда я вернулся.

– Может быть, – сказала она, приподнимая фольгу и наклоняясь поближе к покрытым шоколадной глазурью брауни. –

М-м-м...

– Вы не видели их лица, – отрывисто произнес он. – Мои друзья, люди, которых я знал всю свою жизнь, которые знали моих родителей и приглядывали за мной после их смерти... они не могли смотреть на меня. Они ахали и с отвращением отворачивались.

Все его надежды на воссоединение с обществом рассыпались в прах за пару недель. Люди повернулись к нему спиной, и Ашер, сломавшись,

решил поступить по отношению к ним точно так же.

– Хм. Да, я слышала. – Она вытащила один брауни и, попробовав его, одобрительно выдохнула. – О-ох...

– Никто из них не пришел меня навестить. Им было удобнее сделать вид, что я умер, и я пошел им навстречу. Тоже притворился, что меня нет. Поэтому я хочу одного: чтобы меня оставили в покое.

Откусив еще кусочек, мисс Поттс подняла взгляд на Ашера.

– Дорогой, вы что-то сказали?

Он ударил ладонью по столу с такой силой, что стоящая напротив нее тарелка со звоном подпрыгнула.

– Не смейте надо мной насмехаться!

Мисс Поттс и бровью не повела.

– И не думала. Просто отвлеклась на вкуснейшие брауни Саванны Кармайкл.

Он наставил на нее палец.

– Вы пытаетесь меня спровоцировать.

– Даже и не мечтаю, – сказала она, продолжая лакомиться брауни.

– Вы хотите, чтобы я позвонил ей, да? Чтобы разрешил прийти и под прикрытием интервью поглазеть на уроды? Может пусть еще и камеру принесет?

– Если желаете.

Ноздри Ашера раздулись, и он сложил здоровую руку в кулак.

– Но сперва лучше бы состричь эти ваши лохмы. Так оно попрезентабельней будет, а?

– Нет, – отрезал он. – Я едва

похож на человека. И не гожусь на то, чтобы воссоединиться с человеческим родом. – *Они меня и не примут.*

Терпение мисс Поттс лопнуло. Она отложила брауни на тарелку и вперилась своими небесно-голубыми глазами в карие, разъяренные глаза Ашера.

– Ашер Шерман Ли! Да вы больше человек, чем все они вместе взятые. Как и Саванна. Ей сейчас туго. Уж могли бы протянуть девушке руку помощи. Или вам каждый день предлагают

сыграть героя?

Он стиснул зубы от такой прямоты, а мисс Поттс неожиданно подтолкнула тарелку, и та, скользя по столу, остановилась напротив него.

– Ашер, вы хотите, чтобы ваша жизнь стала другой? Так измените ее.

Он сердито взглянул на нее.

– О, по-вашему все так просто, да?

– Только не раздумывайте слишком долго. Она девушка упорная. Не поможете вы – так

она найдет кого-то другого, тут уж не сомневайтесь.

Она встала, вытерла уголки рта подушечкой большого пальца и вышла из комнаты.

Не меньше часа Ашер кипел гневом, то и дело отвлекаясь на шоколадное лакомство мисс Неудачливой Журналистки и на воспоминания о ее прекрасных карих глазах. Они округлились, когда перехватили его взгляд. И Ашер, не удержавшись, представил, как они распахиваются, но не от

удивления, а от страсти, когда он...

Нет. Не смей думать о ней в таком духе. Не терзай себя. Это невозможно.

С чувством вины – он ведь не согласился на интервью, но как устоять перед домашней выпечкой, так похожей на мамину? – Ашер съел один из ее брауни. Один превратился во второй, второй в третий, после чего он, по-прежнему ощущая себя несчастным, встал на беговую дорожку. С хромой ногой

было не набрать высокую скорость и темп, но упражнения, как правило, помогали ему сбросить напряжение и успокоить вызванный собственным бессилием гнев.

Но сегодня этого не произошло. Сегодня он хотел сорваться на бег, но не мог, и это его убивало. Он мечтал о девушке – такой, как Саванна Кармайл, – изнывал от желания иметь семью и друзей, но у него никого не было. Всеми фибрами своей сломленной души он хотел снова

стать нормальным человеком. Но этой мечте не сбыться. Никогда.

Он жил в изоляции, почти полностью лишенный людского общества, не по собственной прихоти, а потому что так сложилась жизнь. Верно? Верно. И никакие увещевания мисс Поттс этого не изменят.

С болью в ноге он сошел с беговой дорожки, дохромал до стола и опустился на жесткое кресло. По его лицу катились капельки пота, спутанные волосы взмокли от тренировки. Он

взглянул на телефон, потом на визитку Саванны и снова на телефон.

Из всего, что наговорила сегодня мисс Поттс, больше всего Ашера ужалил ее вопрос о том, хочет ли он, чтобы его жизнь стала другой. Проклятье, еще бы. Но он не представлял, что и каким образом изменится от интервью с Саванной Кармайкл. Такая красавица никогда не увидит в нем нечто большее, чем сюжет. И все же... почему бы не помочь ей? Он не ощущал себя

нужным уже очень, очень давно, так что можно прислушаться к совету мисс Поттс и прийти к ней на помощь. И, быть может, взамен она напомним ему, каково это – вновь оказаться в компании хорошего человека.

– К черту. – Он взял телефон и набрал указанный на визитке номер. – Надеюсь, вы счастливы, – буркнул он в потолок, за которым мисс Поттс наглаживала и складывала белье со своим любимым ситкомом на фоне.

– Да? Это Саванна Кар...

– Это Ашер Ли. – Он поморщился от того, с какой резкостью перебил ее, но, черт побери, он больше десяти лет не звонил девушке.

– Мистер Ли! – От тепла в ее голосе его сердце забилося быстрее, и он поежился. – Какой сюрприз!

– Вы испекли вкусные брауни. – Зажав телефон между щекой и плечом, он хлопнул себя по лбу. *Вы испекли вкусные брауни?*
Блестяще, Ашер!

– Что ж... Рецепт мне

подсказала сестра. Я обязательно передам ей, что вам понравилось.

Повисло неловкое молчание, и он понял, что она ждет, когда же он объяснит причину своего звонка. Он откашлялся и сглотнул.

– Вы хотите взять у меня интервью?

– Да! Да, мне поручили сделать к Четвертому июля большой материал, и я подумала, что ничего лучше истории местного героя...

Ашер фыркнул, и она

осеклась. Он снова поморщился. Местный герой? Местному герою машут флагами, он марширует на парадах, а не живет обезображенным в горьком затворничестве.

– У меня есть условия.

– Говорите, – ответила она таким ровным и профессиональным голосом, что он задумался: неужели она нисколько не нервничает?

– Никаких фотографий.

– Принято.

– Встречаемся у меня дома.

– Принято.

Ашер сделал глубокий вдох.

Он не знал, как она отреагирует на его последнее условие, но если встрече с Саванной Кармайл суждено стать его первым шагом на пути к возвращению в люди, то ему необходимо увидеться с нею больше, чем один раз.

– И мы разобьем интервью на несколько частей.

– Хм, – сказала она. – Хорошо.

– Приходить будете по понедельникам, средам и пятницам. В четыре часа дня. В

течение месяца.

Она колебалась с ответом.

Раздумывала, как половчее увильнуть от стольких встреч с отшельником Ли, загадочным чудовищем Дэнверса?

– А нам будет, чем занять такой большой объем времени? – спросила она. – По моим подсчетам хватит часов двенадцати.

– Вам нужна полная история о том, как я стал городским фриком, или нет? – выпалил он, запаниковав.

– Мистер Ли, я... я оскорбила вас. Я вовсе не собиралась... То есть, прошу прощения, что...

– Не оскорбили. Так мы договорились?

– Да, – ответила она тихо и уверенно.

Он прикрыл глаза, его плечи расслабились, а сердце, которое и так лихорадочно билось о ребра, застучало еще чаще. *Завтра.*

– Хорошо, – проговорил он.

– Хорошо.

– Мисс Кармайкл?

– Да, мистер Ли?

– Я... Я провел в одиночестве много лет. И с манерами у меня беда.

– Что ж, – сказала она, и он, расслышав в ее теплой интонации веселую нотку, представил, как приподнимаются уголки ее нежных розовых губ, – тогда вы будете в хорошей компании.

Его рот непривычно дернулся – в попытке улыбнуться, осознал Ашер. Прошли недели, если не месяцы, с тех пор, как он улыбался в ответ на чьи-то слова.

Это открытие настолько поразило его, что улыбка сразу исчезла.

– Увидимся завтра, – проговорил он.

– В четыре часа, – сказала она, а потом отключилась.

Положив телефон на стол, Ашер ошарашено уставился на него и простоял так целую минуту, прежде чем упасть в стоящее у стола кресло.

О черт.

Глава 3

Когда вам впервые уютно

вместе молчать

Сидя на веранде, Саванна изучала разложенные на кофейном столике карточки со своими заметками. Поменяв пару из них местами, она бросила взгляд на часы. Двадцать минут четвертого. Ей не хотелось опаздывать, ведь еще надо было успеть переодеться во что-то более женственное, чем все то черное, что она привыкла носить. Вчера, чтобы завершить образ деревенской девчонки, она одолжила у Скарлет тесный,

даже чересчур, сарафан с глубоким вырезом и сегодня решила поступить так же. Чего только не сделаешь ради сюжета, верно? Эта статья была ее шансом на возвращение, и Саванна не собиралась его упускать. Если Ашеру Ли нравятся деревенские девчонки и домашняя выпечка, значит именно такой она к нему и придет.

Она снова перенесла внимание на длинный ряд карточек. Вчерашнее посещение библиотеки не прошло впустую:

она почерпнула массу сведений о предмете своего интереса и воссоздала непрерывный таймлайн всех событий его жизни.

Ашер Ли, единственный сын Памелы и Такера Ли, рос в состоятельной семье. Чуть ли не с рождения ему прочили большое будущее. Он посещал местную школу, где блестяще учился по всем предметам и – как в младших, так и в старших классах – был звездным квотербеком школьной

футбольной команды. За год до окончания школы он потерял родителей, которые погибли в авиакатастрофе, разбившись во время перелета на арендованном самолете, после чего его опекуницей была назначена Матильда Джей Поттс, близкая подруга его покойной бабушки. Несмотря на тяжесть утраты, его успеваемость не снизилась, и после школы он поступил в Виргинский университет, где прослушал подготовительные медицинские курсы. И вот тут

начинался туман. Саванна
выяснила, что Ашера приняли в
Школу медицины при
университете Джона Хопкинса,
но потом он – то ли отложив
поступление, то ли совсем от него
отказавшись – записался военным
врачом в армию. Ради чего?
Почему он сначала не доучился?
Захотел получить врачебный
опыт на передовой? Задался
целью послужить родине?
Подсознательно стремился к
смерти? Саванна пометила
карточку звездочкой в знак того,

что этот период его жизни нуждается в прояснении.

В следующий раз имя Ашера Ли всплыло в «Дэнверс Газетт» в заметке о тяжелых ранениях, которые он получил в Афганистане через четыре года после начала службы. За месяц до своего двадцатипятилетия он подорвался на самодельном взрывном устройстве, когда пытался вынести раненого солдата в укрытие. Согласно заметке, взрывом ему серьезно повредило правую сторону лица

и оторвало правую руку;
пострадала и его правая нога. Он
перенес обширные операции
сначала в Кандагаре, затем в Сан-
Антонио и спустя без малого год
вернулся домой в Дэнверс.

В местной газете вышло
короткое сообщение о его
возвращении, но потом... ничего.
Тишина. Ни единого
упоминания. Ни единого слова.
За все восемь лет. Он словно
исчез с лица земли.

Почему? Что случилось, когда
он вернулся? Почему он не смог

адаптироваться к гражданской жизни? Саванна не припоминала, чтобы в детстве часто слышала о семье Ли, хотя ее родители наверняка хоть отдаленно, но были с ними знакомы, а к тому времени, как Ашер Ли возвратился домой, она уехала в колледж. И все же она никак не могла взять в толк, каким образом капитан футбольной команды, отличник – настоящий золотой мальчик, иначе не скажешь – превратился в отшельника? И как, черт возьми, он жил один все

эти годы?

Она снова проверила время. Три сорок. Сложив карточки в аккуратную стопку, она перевязала их резинкой и проскользнула в дом.

– Скарлет?

– Мама, это я, Саванна.

Ее мать выглянула из кухни. Вокруг ее полной талии был повязан передник в цветочек, а на кончике носа белело пятнышко муки.

– Я пеку маффины. Давай дам немного с собой? Не идти же к

этому несчастному парню с пустыми руками.

Сердце у Джуди Кармайкл было поистине золотое. Она с одинаковой радушностью относилась ко всем, невзирая на характер и внешность, и потому, когда Саванна сообщила, что на протяжении нескольких недель будет интервьюировать Ашера Ли, она только улыбнулась и похлопала дочь по руке, будто та была ангелом, ниспосланным с небес с миссией милосердия.

– С бананами и орехом?

– Мои фирменные!

По правда говоря, ее мать могла назвать «своей фирменной» абсолютно всю известную человечеству выпечку, о чем красноречиво свидетельствовали синие ленточки на стенах кухни – по одной за ежегодное участие в кулинарной ярмарке штата.

– Я возьму три?

– Четыре, – сказала мать, суется на кухне. – Ты такая худышка, кожа да кости.

Саванна усмехнулась, потому что это было неправдой, а потом,

перепрыгивая через ступеньки, поспешила наверх, чтобы перед назначенной на четыре встречи стащить из гардероба Скарлет какое-нибудь симпатичное платье пастельных тонов.

***

Беспокойно расхаживая по кабинету, Ашер вновь остановился у высокого зеркала, чтобы взглянуть на свое отражение. Начал он снизу.

Черные мокасины выглядели удобными, но элегантными.

Проследовав глазами по своим облаченным в темно-синие джинсы ногам, он вынужден был признать, что пока все смотрелось неплохо. Ноги у него были длинными, шрамы скрывала ткань, а талия оставалась все такой же стройной, как в былые времена, когда он занимался футболом. Строгая голубая рубашка была заправлена в джинсы, подпоясанные черным кожаным ремнем. Из правого рукава рубашки свисал неудобный, а

потому редко используемый протез – давно устаревшая, совершенно неподвижная модель, покрытая латексом телесного цвета. Ашер знал о существовании современных моделей, но он настолько привык обходиться одной конечностью, что и не задумывался о поездке в медцентр Уолтера Рида за новой бионической рукой. Может, как-нибудь в будущем. А пока, если держать свою так называемую руку на колене, этот его изъян будет не слишком заметен.

Удерживая взгляд на теле, которое казалось поразительно нормальным, он заставлял себя не смотреть выше шеи. В конце концов, готовый узреть неизбежное, он кивнул. Вдруг все будет не так уж и плохо. Вдруг время сотворило чудо, и он пусть и не стал красивым, но уже не выглядит таким... таким... Он поднял глаза и резко выдохнул, а потом поморщился.

Время не пощадило его, но это было уже неважно. Раздался звонок в дверь. Пришла Саванна

Кармайкл, а значит идти на попятную было поздно.

***

На сей раз Саванну не оставили стоять за порогом, будто продавца вакуумных пылесосов. Распахнув дверь, мисс Поттс гостеприимно ей улыбнулась.

– Саванна! Как приятно видеть тебя, да еще так скоро! И опять с гостинцами.

– Мама передает вам привет, мисс Поттс. Сегодня она пекла

свои знаменитые маффины с бананами и орехом и настояла, чтобы я угостила вас... и мистера Ли.

– Ах! Как мило. Кстати о мистере Ли... – Мисс Поттс указала взглядом на лестницу.

Висевшее на верхней площадке зеркало отражало послеполуденный свет, льющийся из расположенных по обеим его сторонам окон, и распускало во все стороны солнечные блики, которые мешали как следует рассмотреть

стоящего перед ним человека. Саванна уставилась на него, привыкая к свету, и ее дыхание мало-помалу успокоилось. Ну что. Оказывается, он вовсе не монстр. Даже глядя против света было понятно, что за его джинсами скрываются длинные ноги, а за наглаженной голубой рубашкой – широкий торс. С того места, где стояла Саванна, его лицо, перекрытое яркими пятнами бликов, выглядело силуэтом, но это не имело значения. Он был высоким,

стройным и сильным. И никаким не горбатым огром, которого она ожидала увидеть, наслушавшись сплетен сестры.

Она сделала шаг вперед. И, чувствуя, как на лице сама собой распускается улыбка, проговорила:

– Мистер Ли.

Медленно, с хорошо контролируемой, но все же заметной хромотой, он начал спускаться вниз. Его лицо и фигура постепенно проявлялись все четче, и Саванна, собираясь с

духом, отправила тысячу мысленных спасибо журналисту, который дал ей возможность подготовиться, во всех подробностях описав характер его увечий.

О господи. О господи.

Она нервно облизнула губы, но как только нашла его глаза, уже не отводила от них взгляда. Словно ребенок на карусели, которому, чтобы не стошнило, наказали смотреть в одну точку, она смотрела в его яркие карие глаза – так, словно от этого

зависела ее жизнь. Ее взгляд даже не дрогнул в сторону изрезанной шрамами правой щеки, обвисшего века и обгоревших участков кожи от скулы и до шеи. Она читала, что он лишился уха, и боковым зрением видела, что это место прикрыто длинными, взлохмаченными прядями волос. Она зацепилась за его глаза, точно отвечала на брошенный вызов, и наконец, удерживая на лице улыбку, подала ему ладонь – левую, чтобы они смогли пожать друг другу руки.

– Мисс Кармайкл, – произнес он тем самым низким, глубоким и благородным голосом, что так смутил ее по телефону, и взял ее протянутую руку.

Его рука оказалась крепкой и теплой, и, когда он осторожно сжал ее пальцы, она ощутила под его кожей упругость мышц. *Еще бы его рука не была сильной. Она ведь у него одна.* И все же ее сила и тонус удивили Саванну, и когда он заглянул ей в глаза, она почувствовала, как к ее щекам приливает кровь.

– Большое спасибо за то, что согласились со мной встретиться, – сказала она. Ни разу в жизни у нее не бывало такого интенсивного зрительного контакта с героями своих сюжетов, и, хотя она понимала всю его необходимость, для первой встречи оно казалось чересчур интимным.

– Не за что. Спасибо, что согласились на мои условия.

Голос его звучал ровно, но несколько неестественно, словно он тщательно выбирал слова.

– Конечно.

– И спасибо за брауни. Пусть из-за них мне и пришлось провести на беговой дорожке дополнительные полчаса.

Он по-прежнему держал ее за руку, и Саванна, оказавшись между жаром его прикосновения и жаром его глаз, поняла, что вот-вот превратится в кисель. Она опустила голову и забрала руку, а когда вновь подняла глаза, увидела, что он стоит со вздернутым подбородком, словно подготавливая себя к

придирчивому осмотру.

Она не стала его рассматривать, но судя по тому, что увидела боковым зрением, его лицо было в точности таким изуродованным, как описывалось в газете. Снова опустив голову, Саванна притворилась, будто копается в сумочке, разыскивая блокнот и ручку, и, найдя к своему облегчению и то, и другое, предъявила ему.

– Давайте начнем? – спросила она, глядя прямо ему в глаза.

Левой рукой он сделал жест в

сторону лестницы.

– После вас.

***

Так-так. А Саванна Кармайкл оказалась намного смелее, чем он ожидал. И профессиональнее. А еще, понял Ашер, с печалью гадая, где она добывала информацию, она подготовилась: подала ему левую руку, смотрела строго в глаза, не позволяя себе гулять взглядом по его истерзанному лицу. Он шел следом за ней по лестнице, и все

его тело откликалось на ее близость – на легкую сладость ее духов, на то, как нежно покачивались ее бедра под сарафаном цвета лаванды...

– Налево или направо, мистер Ли?

– Ашер, – ответил он. – Налево. За первой же дверью – мой кабинет.

Напротив двери она остановилась, словно рассчитывая, что та чудесным образом отворится сама собой. Потянувшись через ее плечо, он

толкнул дверь и вдохнул аромат
ее шампуня или духов – черт, что
бы там ни было, пахла она
поистине волшебю. Его кровь
устремилась в южном
направлении, и Ашер мысленно
выругался. Он ведь даже не знал
ее. Она наверняка с кем-то
встречается или помолвлена. Он
не имеет права думать о ней
такие... и вообще никакие вещи.
И точка.

– Вы замужем, мисс Кармайкл?

– Саванна, – сказала она,
присаживаясь на стоящий

напротив его стола стул. – Нет. У меня никого нет.

Он проигнорировал скачок в животе от этого простого признания.

– Я подумал, нам будет лучше расположиться возле окна, – сказал он и шагнул к паре кресел, повернутых к витражному окну, которое расцвечивало деревянный пол радужными пятнами света, затем быстро вернулся обратно и, придерживав спинку стула, помог ей встать. Раз уж он согласился на интервью, то

по крайней мере будет следить за тем, чтобы, глядя на него, она видела только его неповрежденную сторону.

Когда она устроилась в кресле, он занял соседнее и вытянул ноги, расслабленно скрестив их в лодыжках. Саванна поставила сумочку на пол и положила ногу на ногу.

– Я боюсь, как бы не утомить вас, – мягко промолвила она, поворачиваясь к нему лицом.

– Не бойтесь.

– Должна признать, вы и

впрямь кажется неуютным.

Проклятье. Он не хотел, но невольно воспринял ее слова так, словно в них заключался сексуальный подтекст, и представил, как всю ночь напролет доказывает ей свою неуютность. И, видимо, покраснел, поскольку она, удивленно раскрыв глаза, отвернулась.

– Я имела в виду, что вы производите впечатление физически крепкого человека, – поправилась она с дразнящими

нотками в голосе.

– Я такой и есть.

Настал ее черед залиться краской, и он, отвыкший от компании – и в особенности от компании красивой женщины, – откашлялся.

– Я предупреждал вас, что несколько неотесан. Много лет я общался только с мисс Поттс, и мне не хотелось бы отпугнуть вас каким-нибудь глупым высказыванием.

– Ничего. Я не из пугливых, – сказала она с улыбкой.

– Не возражаете, если перед интервью я задам вам пару вопросов? – спросил он и немного развернулся в ее сторону, не забывая, однако, следить за тем, чтобы не показывать ей правую сторону своего лица.

– Спрашивайте. – Она поерзала на сиденье, и ее прелестный зад уткнулся в самый дальний от него угол кресла, а маленькая розовая балетка качнулась, чуть не задев его ногу.

– Кто заказал эту статью?

– «Финикс Таймс».

– Вы там работаете?

– Это фриланс, – ответила она слегка оборонительным тоном.

Он не обиделся. С какой стати ей делиться своей недавней неудачей в «Нью-Йорк Сэнтинел» с почти незнакомым человеком?

– Статья для широкого круга читателей?

– Угу. – Она уставилась в пол. Ашер прищурился.

– Но вы явно не в восторге от этого заказа.

Она вся подобралась, и их глаза встретились. Она впервые

оказалась перед ним без защиты,
и у него перехватило дыхание,
когда ее глаза вспыхнули.

– Я этого не говорила.

– Сказали ваши глаза.

Она раздосадовано вздрогнула,
а потом – к его удивлению и
восхищению – кивнула.

– В прошлом я вела
журналистские расследования.
Такие темы не совсем мой жанр.

– И тем не менее статья обо
мне представляется вам чем-то
важным. Личный визит, брауни...

– Мне нужно зацепиться за эту

историю, – признала она. – Мне нужна берущая за душу история об американском герое.

– Откуда вы знаете, что моя история возьмет кого-либо за душу?

Ее глаза распахнулись, и Ашер мельком увидел кончик ее розового языка, быстро облизнувшего губы. Это был нервный тик, но он солгал бы себе, если б сказал, что это никак на него не повлияло. Повлияло. И еще как. Он придвинулся к ней чуть-чуть поближе.

– Вы были воплощенным
золотым мальчиком. А теперь...

– А теперь он Ашер Ли,
бездельник, – раздался в тишине
комнаты бодрый голос мисс
Поттс, и она, нарушая
интимность момента, водрузила
на столик между ними
серебряный поднос.

Только Ашер насупился, как
его внимание отвлек аромат
домашних маффинов.

Он повернулся к Саванне.

– На сей раз вы испекли
маффины?

Саванна начала было что-то говорить, но мисс Поттс ее перебила:

– Именно. Нет, ну какая умница! И красавица. Саванна, если что, здесь парочки не хватает. Не смогла устоять.

Саванна опять покраснела, а затем взглянула на него... и произошло чудо. Истинное чудо, сравнимое с преломлением хлебов, и Ашер поклялся помнить его всю жизнь до последнего вздоха. Потому что Саванна Кармайкл, самая

красивая девушка из виденных им
вживую, смотрела ему в лицо. И
улыбалась.

***

Мисс Поттс поболтала с ними
немного, пока разливала по
чашкам горячий кофе, а они
жевали испеченные матерью
Саванны маффины, а потом
оставила их наедине для
продолжения разговора.

– Бездельник. Что это значит?

Положив в рот последний
кусочек маффина, он пожал

плечами.

– Большую часть времени я читаю.

– Что именно? Прозу?

Поэзию? Научную литературу?

– Все понемногу, – сказал он. –

Вам разве не нужно вести заметки?

Саванна опустила взгляд на его длинные ноги. *Да* – было ответом на его вопрос. *Естественно, нужно.* Но этот визит с самого начала носил скорее социальный, нежели профессиональный характер, и она так втянулась в

уютную, остроумную беседу, что не хотела нарушать создавшуюся атмосферу, раскладывая ноутбук или делая заметки. У нее была вся ночь впереди на то, чтобы записать свои мысли и соображения, а факты всегда можно проверить и позже. Самое главное, установить с героем сюжета эмоциональную связь, ведь так? Так. Затем и нужна первая встреча. Нет, она все делает правильно.

– В следующий раз. Сегодня мы просто знакомимся. – Она

улыбнулась ему. – А что вы сейчас читаете?

– Сейчас? О... хм... одну очень содержательную книгу о... о человеческих взаимоотношениях.

Отвечая, он покраснел, и она задумалась, что же его смутило, но допытываться не стала. У него был такой глубокий, такой теплый и умиротворяющий голос, что она могла бы слушать его рассказы о книгах часами. Он поведал ей о своем детстве, которое оказалось поистине идиллическим, и перечислил

главные события своей жизни, чтобы, опираясь на них, можно было выстроить основу статьи. И, не успела Саванна оглянуться, как в ее сумочке зазвонил колокольчик таймера на телефоне, оповещая о том, что отведенный на интервью час подошел к концу.

Смущенно улыбнувшись, она отключила таймер.

– Пожалуй, хватит на сегодня донимать вас вопросами.

Показалось ли ей, или при этих словах он и впрямь немного

расстроился? Как бы то ни было, пришла пора уходить. Весь час она только и делала, что отвлекалась, поэтому ей было необходимо поскорее засесть дома и составить план игры на среду.

Больше всего ее удивило то, насколько легко с ним стало общаться, как только они устроились возле окна, и он повернулся к ней своей неповрежденной стороной. Ее не отвлекал ни его протез, что лежал вне поля ее зрения на

дальнем подлокотнике кресла, ни шрамы и отсутствующее ухо. Она видела только суровую, закаленную красоту левой стороны его лица, нос с небольшой горбинкой, карий глаз, где иногда загорались искорки, и длинные ноги, которые он свободно вытянул и скрестил перед собой.

Он был умным и начитанным, и, несмотря на его предупреждения, она не заметила у него и намека на дурные манеры. На самом деле,

если бы не покрытая шрамами
правая половина лица, Ашер Ли
мог бы считаться
соблазнительным мужчиной.
Причем очень.

Но увы. Хоть она и заставляла
себя не отводить взгляда от его
глаз, смотреть на его лицо было
невыносимо. Никогда в жизни
Саванна не видела ничего более
страшного и изуродованного, и,
глядя на него, едва сдерживалась,
чтобы не поморщиться и не
показать, какую она испытывает
жалость и, к своему стыду,

дискомфорт.

Что было призвано служить ей напоминанием: она пришла сюда не в поисках друга, а за сюжетом. Одно с другим лучше не смешивать. *Это работа, Саванна, а не дружеские посиделки. Не забывай об этом.*

Уже приготовившись встать и попрощаться, она оглянулась на Ашера и, то, с какой молчаливой покорностью, с каким терпением он смотрел на витражное окно, заставило ее остановиться. Она опустила сумочку на пол,

откинулась в кресле и тоже устремила взгляд на радужное стекло, за которым медленно, омывая их обоих искристым светом, плыло к горизонту вечернее солнце. Не мигая и не дыша, она смотрела на красоту перед собой, замороженная игрой красных и синих красок, и боялась шевельнуться, чтобы не спугнуть совершенную тишину момента.

И только позднее, дома, она с изумлением поняла, что так долго и так уютно сидела в

полном молчании с совершенно
незнакомым ей человеком.

Глава 4

**Когда ты впервые
понимаешь, что быть в его
компании приятней, чем с кем-
либо другим**

Несмотря на пережитое с ним
вместе мгновение на закате,
Саванна настроилась целиком
сосредоточиться на статье и вести
себя более профессионально.
Поэтому в среду, прибыв с
тарелкой печенья ровно в

назначенный час, она
отправилась напрямик к Ашеру в
кабинет, не дожидаясь, пока он
встретит ее у входа. Когда она
поднялась наверх, он с
удивленным видом стоял в дверях
кабинета. Заставив себя
посмотреть прямо ему в лицо, она
с деловым профессионализмом
отметила, что, пусть вид
обвисшего века и был
малоприятным, его шрамы в
принципе выглядят не настолько
жутко, как отложилось у нее в
памяти. Она улыбнулась ему

быстро и вежливо,
промаршировала через кабинет,
а затем устроилась в левом из
кресел, стоящих напротив
витражного окна.

– И вам здравствуйте, –
проговорил он, садясь с нею
рядом.

– Добрый день, – сказала она,
устанавливая на столике
маленький диктофон и попутно
обещая себе не отвлекаться на
привлекательную сторону его
лица. На самом деле, лучше всего,
наверное, вообще на него не

смотреть, а просто задавать вопросы и делать по мере ответов заметки. Да, так будет лучше. Она выключила диктофон и, засунув его обратно в сумочку, достала блокнот и ручку. – Ну что, приступим?

Заметно похолодевшим голосом он ответил:

– Не смею мешать вам.

– Но ведь так лучше, разве нет?

Чтобы мы сконцентрировались на интервью.

– Разумеется, – произнес он, скрещивая свои длинные ноги в

лодыжках.

Никаких длинных ног. Никаких лодыжек.

Интервью. Первый черновик к пятнице. Прекращай заниматься ерундой.

– Итак, мистер Ли...

– Ашер.

– Ашер, – повторила она, потеряв ход мыслей, как только его имя очутилось у нее на языке. Было в нем что-то сексуальное. Вероятно, из-за буквы «ш». – Какое необычное у вас имя.

– Уже забыли, чему вас учили

в воскресной школе, мисс Кармайкл? Ай-яй-яй. А мне-то заявляли, что вы из семьи строгих методистов.

– В воскресной школе? – пробормотала она, окончательно теряясь и опуская блокнот на колени.

– Ашером звали сына Иакова и Зелфы, служанки его жены Лии.

– Уродливой старшей сестры, которую он не хотел, – выпалила она, вспоминая.

Он приподнял бровь.

– Похоже, вы все-таки ходили в

воскресную школу.

– Я так и знала, что где-то слышала это имя. Но почему ваши родители его выбрали? Он ведь был незаконнорожденным.

В ответ он улыбнулся.

– Из-за его значения. *Ашер* означает *счастье*.

Не стоило ей этого делать. Не стоило смотреть на красивую половину его лица да еще в момент, когда, возрождая волшебство, его озарило низкое, теплое солнце. Но Саванна черт знает сколько времени не

чувствовала себя счастливой. А именно такой – счастливой – она ощутила себя сейчас, когда посмотрела на него и улыбнулась.

***

Невероятно, но чудо произошло снова. Саванна Кармайкл смотрела на его уродливую физиономию и улыбалась. Его сердце кувыркнулось, как сумасшедшее, и он задержал дыхание, молясь о том, чтобы это мгновение

продлилось дольше пары секунд. Но увы. В комнату с радостным щебетом влетела мисс Поттс, предлагая им выпить горячего кофе и полакомиться печеньем, которое, видите ли, тает во рту. Нет, с нею точно надо поговорить. Ашер, конечно, ценил ее заботу, но все свое время с Саванной хотел оставаться с нею наедине.

И это при том, что они были едва знакомы. Они обменялись парой фраз по телефону и в понедельник провели вместе чуть

больше часа, однако Саванна полностью оккупировала его мысли с тех пор, как уехала сорок восемь часов назад. Кое-как пережив мучительно долгий вторник и половину среды, он не смог сдержать разочарования, когда по приезду она повела себя деловито и сухо. Единственным светлым моментом был ее взгляд при встрече. Она посмотрела ему в лицо, и Ашер к своему удивлению не заметил ни жалости, ни отвращения. Она быстро оглядела его, после чего

направи́лась к креслу́ с таким
видом, словно́ брала интервью́ у
мутантов каждый́ день. И Ашер
прокля́л себя́ за то, что это
подари́ло ему надежду́.

А затем, не успел он уговорить
себя́ переста́ть надеяться́, как она
спроси́ла о его имени́ и ода́рила
ослепите́льно прекра́сной
улы́бкой. Улы́бкой, от кото́рой
хотелось пла́кать. Писа́ть стихи.
Сказа́ть спа́сибо ми́сс Поттс за то,
что она́ подтолкну́ла его
согласи́ться. Чем бы все ни
закончи́лось, он бу́дет ве́чно

благодарен ей за то, что она уговорила его вернуться в этот укромный и уютный уголок мира.

– Шоколадная крошка и орехи макадамия? – воскликнул он с полным ртом. – О боже, Саванна!

– Ну что, умеет наша девочка готовить или как? – спросила мисс Поттс, подмигивая Саванне.

– Умеет, – слабо пробормотала Саванна и одернула бледно-розовую кофточку, надетую поверх топики в тон, который бросился ему в глаза, как только

она появилась. Топик преступно тесно облегал ее груди, и... да, он жадно смотрел на них всякий раз, когда она наклонялась к блокноту. Невзирая на свою внешность, он, в конце концов, был всего лишь человек.

– И о чем мы сегодня беседуем? – спросила мисс Поттс.

– О годах становления мистера Ли... то есть, Ашера, и о школьном периоде, – отрапортовала Саванна, откладывая недоеденное печенье на тарелку.

– Божечки... кажется, где-то тут у меня лежали его детские медицинские карты, – пошутила мисс Поттс, но Ашер заметил, что Саванна залилась краской. Плечи ее поникли и она, вздохнув, откинулась в кресле.

– Я веду себя невежливо, – сказала она.

– Ничуть, дорогая, – заверила Саванну мисс Поттс и потрепала ее по плечу. – Затем ты и пришла сюда – делать свою работу. И я восхищаюсь тобой за это.

Когда мисс Поттс вышла,

Саванна вновь повернулась к нему.

– Простите, Ашер. Я ворвалась к вам, как на пожар. Забыла, что это статья о человеке. Полагаю, мне не помешало бы вести себя человечнее.

В его памяти эхом отозвались слова, сказанные им в воскресенье. *Я едва похож на человека. И не гожусь на то, чтобы воссоединиться с людским родом. А следом – наблюдение мисс Поттс о сходстве их судеб. Вам оторвало руку, а ее уволили из самой*

престижной газеты в стране. И вы оба вернулись домой зализывать раны.

Он увидел, как уголки ее прелестных губ опустились вниз, а ближайшая к нему рука стиснула подлокотник кресла. Она всеми силами старалась оправиться от своей собственной боли. Пережить свое собственное жестокое разочарование. И он согласился помочь ей.

Недолго думая, Ашер дотянулся до ее ладони и накрыл ее своей. И только тогда,

пораженный теплой нежностью ее кожи, с ужасом осознал, какую вольность себе позволил. Она прекрасная, талантливая девушка. Ей не нужны прикосновения жалкого изуродованного калеки. Он начал было убирать руку, но она, шокировав его до глубины души, быстро переплелась с ним пальцами и поймала его в ловушку. Не найдя в себе смелости взглянуть ей в лицо, он с ощущением чуда уставился на их руки, осторожно поглаживая большим пальцем ее кожу, пока

по его венам струилось
долгожданное, давно забытое
тепло, пробуждая его, заставляя
каждое его нервное окончание,
каждую клетку фокусировать
внимание на мягком давлении ее
пальчиков, сжимающих его
пальцы.

Спустя несколько мгновений
он поднял голову и увидел, что
Саванна смотрит на их руки, как
только что смотрел он. Она
перехватила его взгляд. В ее карих
глазах светилось счастье и
смятение, вызов и беспокойство.

– Все нормально, –
прошептала она так, словно
убеждала в этом скорее себя,
нежели его. – Мы становимся
друзьями.

...И все удивительное тепло в
один миг превратилось в лед. Он
отдернул руку. Друзьями. Ну
конечно. В таком, как он, она
никогда не увидит мужчину. Его
сердце, клацнув, сжалось от этого
неожиданного удара. Он
натянуто улыбнулся ей и
положил руку на колено.

– У вас были вопросы о годах

моего становления, – сказал он тихо, стараясь не выдать свое горькое разочарование. –
Задавайте.

***

Саванна заметила, что, стоило ей произнести слово «друзья», как настроение Ашера резко переменилось, и мысленно отругала себя за трусость. Его жест был неожиданным, и она испытала шок оттого, как заколотилось ее сердце от простого соприкосновения с его

рукой, накрывшей ее ладонь. В грудь ей ударил ветер, а в животе обосновался миллион бабочек. Сила своей реакции застала ее врасплох. И встревожила. И перепугала до чертиков. Они едва знакомы. Не может быть, чтобы она так быстро им увлеклась. И тогда Саванна, спеша остудить свои чувства, трусливо назвала его другом.

– Расскажите немного об истории своей семьи, – сказала она тщательно модулированным голосом.

С сумбуром в голове она записывала его ответы, пытаюсь утихомирить свое смятение. *Так будет лучше. Впереди еще десять встреч, и тебе, идиотке, нельзя западать на него, как на Патрика. Вспомни, что из этого вышло. Да и как может нравиться некто с лицом Фредди Крюгера?*

Шокированная низостью собственных мыслей, она тем не менее знала, что их подпитывает: отчаянное желание не смешивать работу и удовольствие. И, сделав это открытие, Саванна

всполошилась еще сильнее.

– Можно сказать, в Дэнверсе всегда жили Ли, но я, подозреваю, буду последним. – Он взял чашку и, сделав глоток кофе, устремил взгляд на окно, словно ему стало с нею скучно.

Саванна уставилась на слова, которые только что записала в блокнот. *Я буду последним.*

– Какие глупости, – вырвалось у нее.

– Прошу прощения?

– Г-глупости, – повторила она уже тише.

– Я так не считаю, – ответил он, снова прихлебывая кофе.

– Вы не будете последним Ли в Дэнверсе.

– Следующий вопрос, – потребовал он глухим, усталым голосом. – Или на сегодня хватит?

Она отложила блокнот.

Нужно немедленно все исправить. И не только оттого, что, задев его, она почувствовала себя ужасно, но и потому, что ее слова были искренними. Они *действительно* становились друзьями. Откровенно говоря, она

не могла припомнить, чтобы перед встречами с Патриком испытывала такой радостный подъем, как сегодня, когда она собиралась к Ашеру после двух томительно долгих дней, прошедших в воспоминаниях об их скомканном разговоре и чудесном моменте единения на закате. Кроме Скарлет у нее не было в Дэнверсе настоящих друзей, но Скарлет все свое время проводила с Трентом, планируя свадьбу и фантазируя об их будущем. Знакомство с Ашером

стало для нее особенным, многообещающим событием, и, хотя он был очень нужен ей для статьи, она, кажется, была бы не против стать его другом.

– Дружба может быть лишь начальной ставкой, – прошептала она, ощущая, как к щекам приливает тепло. Да, она забежала вперед, но ей не хотелось, чтобы он думал, будто она провела между ними черту из-за его внешности. Черт, ей всегда было нелегко объясняться.

– Прошу прощения? –

произнес он надменным,
отстраненным тоном, который,
вероятно, отточил в
университете.

– Я не уравниваю на дружбе.

Он слегка развернулся к ней.

– Вы заговорили покерными
метафорами, или я потихоньку
схожу с ума?

Ее губы подрагивали, пока она
усиленно пыталась не захихикать.
Беседа принимала абсурдный
поворот.

– Мне что, повысить ставки? –
поддразнил ее он.

– Главное, не сбрасывайте, –
ответила она, открыто
заулыбавшись, и вдруг поняла,
насколько ей приятно с ним
рядом – несмотря ни на его
внешность, ни на восьмилетнее
затворничество. Ашер нравился
ей.

Со смущенным, озадаченным,
но приятно удивленным видом он
поставил чашку на блюдце и чуть
повернул лицо, чтобы поймать ее
взгляд.

– Ни за что.

За час он поведал ей все

покерные хитрости, которым научился, пока служил, и к тому времени, как в ее сумочке звякнул колокольчик таймера, она не разузнала почти ничего о годах его становления... но выяснила все о семикарточном стаде.

– В следующий раз оставьте будильник дома, – посоветовал он, бросив взгляд на ее сумочку, но вставать не стал, а лениво потянулся в радужном свете и провел рукой по своим взлохмаченным волосам.

– Почему вы не подстригаете

волосы? – спросила она и сразу пожалела об этом.

Выражение его лица, ленивое и довольное, стало напряженным.

– Чтобы не было видно.

Подвинувшись на краешек кресла, она повернулась к нему лицом, а он остался сидеть к ней в профиль.

– Ашер, – мягко проговорила она. – Все не так плохо, как вам кажется.

– Саванна, – ответил он, не глядя на нее, и левая сторона его лица обратилась в сердитый

гранит. – Все именно так плохо, как мне кажется. Я имею удовольствие наблюдать это каждый день.

Она протянула руку – сперва нерешительно, а затем с большей уверенностью – и положила ее на теплую джинсовую ткань, закрывающую его бедро.

– Взгляните на меня.

– Нет, – сказал он, искоса бросив взгляд на ее ладонь, и у него вырвался тихий, горловой вздох, похожий на стон.

– Прошу вас. Мы же друзья,

помните?

– Время вышло, – произнес он тихо, но твердо и полностью от нее отвернулся.

Сглотнув, Саванна убрала руку и подняла с пола сумочку. Но когда она начала уходить, он поймал ее за запястье, сильно и яростно, чуть смягчив хватку, когда она не стала забирать руку.

– Вы вернетесь в пятницу?

– Конечно.

Его пальцы немного расслабились, пока большой медленно, гипнотически

поглаживал внутреннюю сторону ее запястья.

– Хорошо, – проговорил он, отпуская ее.

И только на середине лестницы Саванна поняла, что все это время сдерживала дыхание.

***

– Ну? Как идут дела? – спросила Скарлет в пятницу утром, усаживаясь напротив сестры завтракать. – С этим твоим отшельником Ли.

– Не называй его так. – Саванна

подняла на нее выразительный взгляд.

– Какие мы обидчивые.

– Не обидчивые. Просто поимей немного уважения. Он ветеран войны.

– Ой-ой, посмотрите-ка.

Похоже, кто-то влюбился.

– Заткнись, Скарлет.

– Саванна и Ашер на травке валялись и ц-е-л-о-в-а-л-и-с-ь...

– Какая же ты вреди́на. –

Саванна потянулась за бутербродом и заодно сбросила вилку Скарлет на пол.

– Ну и ну! – вздохнула Джуди.

– Мои взрослые дочери ссорятся
будто две школьницы.

– Она первая начала, – сказала
Скарлет и показала старшей
сестре язык. – Когда кинулась
защищать своего нового кавалера.

– Кэти Скарлет, если память
мне не изменяет, ты сегодня
собиралась в свадебный салон за
покупками.

Скарлет взглянула на
кухонные часы и, вскочив со
стула, выхватила у Саванны из
рук бутерброд.

– Ай! Я уже опаздываю!

Спасибо, мам!

Проводив ее взглядом, Саванна с матерью переглянулись и закатили глаза.

– Ты же понимаешь, – сказала Джуди, усаживаясь на место младшей дочери, – она просто дразнится.

– Понимаю. Просто... он хороший человек. А люди с ним нехорошо обошлись.

– Ну, если кому-то под силу это изменить, то я поставлю на свою девочку. – Она отвела с лица

дочери прядь волос и ласково накрыла ее щеку ладонью, а потом отошла от стола проверить тесто. Лимонно-имбирные булочки. У Саванны потекли слюнки.

– Знаешь, а я ведь знала его мать. Памелу Ли.

Саванна медленно опустила чашку с кофе на стол и удивленно обернулась к матери.

– Правда?

– Ну, не близко, естественно.

Она была Памела Ли, а я – просто Джуди Калхун Кармайкл, только

что приехавшая сюда из западновиргинского захолустного городка.

Саванна благоразумно воздержалась от замечания о том, что для большинства Дэнверс, по сути – такое же захолустье.

– Она что, была снобом?

– Ничуть. Она была очаровательной. Настоящей леди. Просто у нас были разные круги общения, пуговка.

– Как вы с ней познакомились?

Джуди кивнула на стену со своими наградными синими

ленточками – туда, где между 1995 и 1997 годами висел простой, покрашенный белой краской деревянный крест.

– Ты никогда не задумывалась, почему здесь пропущен 1996 год?

– Задумывалась.

– Но ни разу не спрашивала.

– Решила, что у тебя были свои причины.

– Я соревновалась с Памелой Ли за эти ленточки начиная с 1987 года, когда мы с твоим отцом перебрались в Дэнверс. Ярмарка находилась близко, мою выпечку

всегда хвалили, и я решила попробовать. В первый год одна из участниц шепнула мне, что Памелу Ли никому не победить. Она спонсор этого конкурса, предупреждали меня. Смотри, чтобы твои маффины не вышли лучше, чем у нее. Но знаешь, что? – Джуди улыбнулась Саванне. – Они-таки оказались лучше. Я не могла иначе.

Она указала на синюю ленточку в самом дальнем углу.

– В тот год Памела Ли впервые получила красную ленточку,

которую вручали за второе место.
Но она была истинной леди,
Саванна. И наутро отправила мне
дюжину белых, подкрашенных
синим роз с короткой запиской:
«Победил лучший».

– Она никогда не сдавалась. Из
года в год мои булочки
побеждали ее булочки, мое
печенье побеждало ее печенье, а
мои маффины побеждали ее
маффины. И каждый год на моем
крыльце всенепременно
появлялись синие розы и
короткое поздравление, чтобы я

могла насладиться своей победой.
Вот такая она была, Памела Ли.

Улыбаясь, Джуди осторожно, с
нежностью тронула
обрамляющие ленточки рамки.

– Девяносто шестой, –
пробормотала Саванна
дрогнувшим голосом. – Год, когда
Памела Ли погибла в
авиакатастрофе.

Когда мать, повернувшись,
кивнула, в глазах ее блеснули
слезы.

– В тот год я не смогла
заставить себя печь. Не смогла, и

все. Зная, что бедный парень остался в своем большом доме один-одиношенек, без мамы и папы. Я пропустила тот год и в память о Памеле Ли, самой благородной леди из всех, что я знала, повесила этот маленький белый крест. Она научила меня, как с достоинством принимать поражение. Я никогда не забуду ее доброту, Саванна. – Джуди вытерла лицо уголком передника.

– Ох, мама, – произнесла Саванна сквозь слезы. – Я столько лет смотрела на этот крест и не

знала.

Ее мать отщипнула кусочек теста, ловко слепила из него треугольник и уложила на разогретый и смазанный маслом противень.

– Ну, а теперь знаешь. Так что, пуговка, не обижай этого парня. Ты меня поняла?

– Конечно, мама.

– И сегодня отнеси ему мои булочки.

– Да, мэм.

Мать улыбнулась Саванне, а после вернулась к тесту.

– А когда будешь готова, – добавила она через плечо, – приведи его к нам на ужин.

***

Через несколько часов, разобрав свои заметки, Саванна отправила черновик в «Финикс Таймс». Не прошло и пятнадцати минут, как зазвонил телефон.

– Алло? Это Саванн...

– Кармайкл? Мэддокс Макнаб.

Ничего не выйдет.

Моргнув, Саванна вышла на веранду и с упавшим сердцем

присела на качели.

– Не выйдет?

– Я знаю, раньше ты

занималась расследованиями, так что скажу прямо. То, что ты мне прислала – читателю неинтересно.

– Это история о том, как город отверг вернувшегося героя.

– Это депрессивная тягомотина. Людям будет неприятно читать и вспоминать, сколько раз им следовало быть добрей к ветеранам.

Саванна мысленно хмыкнула.

И что в этом плохого?

– Кому охота читать такое? Да никому. Четвертого июля мы хотим гордиться собой и своей страной. Нам нужен секс, нам нужен американский дух, а не разоблачительная статейка о том, как люди дерьмово обошлись с каким-то воякой.

Саванна толкнула кроссовком пол, и качели уныло скрипнули.

– Не знаю, – проговорила она.
– Мне кажется, я подняла важную проблему.

– Для скандальной заметки –

да. Для душещипательной истории – нет. – Он вздохнул. – Мне жаль, Кармайкл. Даже не знаю, можно ли...

Стоп. Паника подстегнула ее, снимая немоту, и она быстро заговорила:

– Я поняла вас, мистер Макнаб. Секс и американский дух. И я обеими руками за, сэр. Я все перепису, только дайте мне время до завтра. Тема останется прежней, но подача будет другой.

– Тебе, наверное, стоит поискать другую работу,

Кармайл. Я не знаю, получится ли у тебя...

– *Получится.* Сэр, я себя знаю, и мне нужна *эта* работа. Я сделаю все, как надо. Ждите письма. Завтра.

И она поскорей отключилась, пока он не успел сказать что-то еще.

***

Ашер расхаживал по кабинету, точно зверь в клетке, убивая время до следующего визита Саванны Кармайл. Дело в

том, что он больше не мог уйти с головой в свои любимые книги. Даже Дженнифер Крузи подвела его, потому что все героини были Саванной, а все герои-красавцы были... нет, не им.

В среду, когда она тихим, настойчивым голосом попросила взглянуть на нее, он поймал себя на том, что готов согласиться. Своими сарафанами в цветочек и яркими улыбками она искушала его поверить в то, что он мужчина, а он не чувствовал себя мужчиной уже очень давно.

Потому что он им не был. Ну, был, но только формально. У него остались все мужские желания. Он твердел, едва завидев ее, оживал от ее хрипловатого смеха и ослепительных улыбок, мечтал ощутить под собой ее мягкое тело, касаться ее, ласкать, входить в нее так глубоко, чтобы забыть об Афганистане, о взрыве, о гибели родителей, о годах одиночества... забыть, словно всего этого никогда не было.

Но он не был *полноценным* мужчиной. Он не мог выходить

из дома. Он до сих пор просыпался, крича и обливаясь холодным потом, потому что будто наяву чувствовал, как отделяется от руки его кисть, а рядом взлетает на воздух тело капрала Лагерти. У окна, в защищенном мыльном пузыре удобных кресел и солнечного света, он мог разговаривать с ней, узнавать ее, даже брать за руку. Но его жизнь была не жизнью, а существованием, тогда как она принадлежала внешнему миру. Она жила на свету, а не

скрывалась в тени.

И все-таки, несмотря на все эти мысли, и, видимо, оттого, что у него много лет не было друга – не говоря уже о красивой, юной подруге, – Саванна Кармайкл казалась ему особенной. Более того. Она казалась ему чудом. Прекрасной девой, попавшей в замок к чудовищу затем, чтобы за монстром узнать человека.

Вот только у меня нет заколдованной розы, которая превратит меня обратно в принца, как только мы поцелуемся. Я

останусь таким на всю жизнь.

Ашер зашел в ванную и, включив свет, уставился на себя в зеркало. Она спросила, почему он не стрижется. Он отвел волосы в сторону. Там, где раньше у него было ухо, теперь бугрилась воспаленная кожа.

– В Мэриленде сейчас делают изумительные операции, – слышался сзади негромкий голос мисс Поттс, которая, проскользнув в ванную, принялась развешивать у раковины свежие полотенца. –

Всего-то и нужно: позвонить да записаться к ним на прием.

– Ничего уже не исправить, – сказал он.

– Полностью – нет. Но вы бы взглянули на фотографии. Вам могут сделать новое ухо.

Пересадить кожу с вашей...

– Довольно.

Она опять завела этот разговор, хоть и знала, что, если не остановиться, то в конце они неминуемо поссорятся. Ничто так не выводило Ашера из себя, как обсуждение своих увечий с теми,

кто хотел опять положить его под нож – будь то врач или Матильда Джей Поттс. Это должно быть *его* решение. Его и больше ничье.

Сдаваясь, мисс Поттс подняла руки.

– Хорошо, хорошо. Когда будете готовы.

– Никогда.

– Не верю, – сказала она, уходя.

– И не смотрите на меня так.

Нравится вам это или нет, но вы вернулись с того света живым. И назад пути нет.

Хлопнув дверью в ванную, он

медленно, стараясь не хромать, дошел до стола и опустился в кресло.

С одной стороны: *Я останусь таким на всю жизнь.*

И с другой: *В Мэриленде делают изумительные операции. Вы бы взглянули на фотографии.*

Он уставился на лэптоп, точно в насмешку лежащий перед ним на столе, затем открыл его и включил – впервые за долгие годы.

Глава 5

Когда ты впервые

выглядишь адски, а он и не замечает

Проблема была в том, что, сколько бы она ни крутила в голове историю Ашера, ей никак не удавалось придумать, как подать ее иначе. В 15:55, шагая по дорожке к парадному входу его дома, она продолжала перебирать идеи. Ладно. Допустим, она не станет заикливаться на том, как принял его Дэнверс, а расскажет, к примеру, историю о взрыве. Вот почему они не протралили

мины? Или почему на такое опасное задание отправили врача? Или...

Она остановила себя, поймав на том, что снова ударилась в экстремальный журнализм, тогда как от нее требовалось совсем другое. Проклятье.

Мисс Поттс, как обычно приветливо улыбаясь, отворила ей дверь и опустила взгляд на завернутую в фольгу тарелку, о которой Саванна забыла, но продолжала держать в руках.

– Ох. Чем же ты будешь

искушать нас на сей раз?

– Булочками с имбирем и лимоном, – ответила Саванна, запоздало поднимая голову и натянуто улыбаясь пожилой женщине.

– Прости за прямоту, дорогая, но ты сегодня сама на себя не похожа.

Саванна увидела, как мисс Поттс оглядела ее с головы до пят. О черт! Она настолько ушла в мысли о переделке статьи, что забыла переодеться в одно из кукольных платьиц Скарлет и

осталась в белых кроссовках, обрезанных джинсовых шортах и черной футболке с низким вырезом и пятном горчицы над левой грудью. И со спутанными волосами, наспех завязанными в пучок. Она выглядела кошмарно. Самой собой.

– И все-таки это я, – сказала она со смущенной улыбкой, заправляя выбившиеся пряди своих каштановых волос обратно в пучок.

– А я все гадала, когда же твоя сестра прикроет лавочку со

своими запасами розового.

– Вы ничего не упустили, мисс Поттс?

– Вряд ли, моя дорогая. Я живу на белом свете лет сто, не меньше.

– Ну, тогда вас не слишком шокирует новость о том, что я не умею печь. Нет, если я буду ежесекундно коситься в кулинарную книгу, попутно устраивая на кухне бардак, то моя выпечка может получиться относительно съедобной – если вдруг повезет. Моя мать, с другой

стороны, признанный пекарь. Сестра тоже неплохо готовит. Ну а я? Меня лучше не пускать на кухню, так что давайте больше не будем называть меня «нашей маленькой изумительной кулинаркой»? А то я чувствую себя какой-то обманщицей.

Глаза мисс Поттс широко распахнулись, но затем она усмехнулась и поплыла на кухню, бросив напоследок через плечо:

– Дорогая, как скажешь.

Саванна взглянула на себя в зеркало около вешалки. Без

макияжа ее лицо смотрелось простовато, а волосы... Она распустила их, перевязала поаккуратней, потом подтянула футболку ко рту и принялась слизывать желтоватый потек, но добилась только того, что на ткани появилось большое, мокрое и еще более заметное пятно. Раздосадованно закатив глаза, она повернулась к лестнице, чтобы поплестись наверх, и тут увидела на верхней площадке Ашера. В брюках цвета хаки и заправленной за ремень строгой

рубашке он выглядел
воплощением светской
элегантности, тогда как она...

– Я услышал звонок. Подумал,
не заблудились ли вы.

Саванна замерла внизу
лестницы в ожидании, когда он
изучит ее внешний вид и,
обнаружив полное отсутствие
цветочков и южного шарма,
назовет притворщицей и
попросит уйти.

– Я не умею печь, – сказала
она.

– Я слышал.

– А вот ваша мама умела. Я только сегодня узнала.

По-прежнему стоя на верхней площадке в ярких лучах полуденного солнца, он распахнул глаза.

– Вы дочка Джуди Кармайл.

Кивнув, она вдруг испытала абсурдное желание извиниться за все синие ленточки, которые выиграла ее мать.

– Неудивительно, что все ваши гостинцы такие вкусные.

– Мама передает вам привет. Ей нравилась ваша мама. Очень.

– А моя мать восхищалась
вашей.

– И я терпеть не могу
сарафаны в цветочек.

– Я тоже. Покрой совсем не
годится для моей хромоты. – Он
начал осторожно, по ступеньке,
спускаться вниз, и ей стало ясно,
что, когда он передвигается
медленно, его хромота становится
не слишком заметна.

– Вот. Это я, – сказала она и
развела руками, когда он,
приблизившись, оглядел ее
неопрятный наряд.

– И вы нравитесь мне, – сказал он, – такой, какая вы есть.

Она фыркнула.

– В драных шортах, испачканной футболке и с вороньим гнездом на голове?

– Меня устраивает.

– Моя сестра...

– Я не знаком с вашей сестрой, но пусть она оставит все свои сарафаны себе, если они не в вашем стиле.

– Я выгляжу адски.

Он встал напротив нее и отклонился назад. Обожженная

сторона его лица была по-прежнему обращена к лестнице, а взгляд здорового глаза скользил по ее фигуре – медленно, лениво... почти эротично.

– Если ад выглядит именно так, то мне стоит пересмотреть свое представление о рае. Потому что я, похоже, серьезно его недооцениваю.

Она не собиралась делать то, что сделала следом. Она не думала, просто действовала, когда мягко приложила ладонь к гладкой коже его левой щеки и

всмотрелась в его глаза. *Ты должен был стать всего лишь статьей.*

– Спасибо, Ашер, – сказала она.

***

Мир вокруг него закружился безумной каруселью, и Ашер на секунду прикрыл глаза, привыкая к прикосновению другого человека, который касался его добровольно, с лаской и нежностью. За исключением редких случаев, когда мисс Поттс клала руку ему на плечо, и еще

более редких врачебных осмотров, к нему много лет никто не притрагивался. Тепло ее ладони, ее кожи, ласково прижатой к его лицу, было настолько неожиданным, настолько невероятным, что щеку начало покалывать от сладости этого ощущения.

Она убрала руку, и он открыл глаза.

– П-простите... Я не имела права...

– Я не жаловался, Саванна.
Ее брови сошлись на

переносице, и он уловил в ней внутреннюю борьбу.

– Это было непрофессионально.

– Мне казалось, мы установили, что становимся друзьями. Я, конечно, давно не практиковался, но друзьям вроде разрешено время от времени прикасаться друг к другу.

Ее плечи расслабились.

– Я сегодня ходячая катастрофа.

– Хотите, поговорим об этом?

– Предполагалось, что я буду

интервьюировать *вас*.

– Сначала дружба. Потом дела.

Он протянул ей руку и, когда она рассеянно приняла ее, потянул за собой наверх, в кабинет. Заметила ли она, что пропустила свои пальцы сквозь его пальцы, как только их руки нашли друг друга? Забилось ли ее сердце, как сумасшедшее, как у него?

– Им не понравилась моя подача, – проговорила она.

– Ваша подача?

– Мэддоксу Макнабу,

редактору «Финикс Таймс», не понравилось, как я подала материал. Я хотела рассказать историю о том, как неприветливое отношение города повлияло на душевное состояние вернувшегося домой солдата.

– Веселенькая вышла бы статья, – сказал он, втайне радуясь тому, что ее жалостливый, пусть и правдивый текст завернули.

– Они сочли, что это недостаточно секси.

Ашер остановился и с

недоверчивым выражением на лице повернулся к ней, стоящей на две ступеньки ниже.

– Недостаточно *секси*? Вы что, не сказали им о... *обо мне*?

Закатив глаза, она усмехнулась.

– Чтобы выглядеть сексуально, необязательно быть писаным красавцем. Вы очень даже секси, Ашер.

И его мир перевернулся во второй раз за две минуты. Он с подозрением всмотрелся в ее лицо, но не нашел ни следа

насмешки. Она сказала это таким простым, таким искренним тоном, словно это на самом деле могло быть правдой. Его сердце нещадно заколотилось о ребра, и он, польщенный, почувствовал, что краснеет. Развернувшись, он увел ее в кабинет, где неохотно выпустил ее руку, чтобы притворить дверь.

Секси.

– Ну конечно.

– У вас бесконечные ноги, – сказала Саванна мягко, повернувшись к нему лицом.

Он прошелся взглядом вниз по ее телу, рассматривая *ее* ноги. Длинные, загорелые, в потертых шортиках, они напоминали о летних ночах в старшей школе, когда его в то время безупречные ноги переплетались с ногами какой-нибудь симпатичной девчонки на покрывале для пикника.

– У вас тоже, – ответил он.

И с безграничным удовольствием увидел, как она покраснела и тряхнула головой.

– Вы прочитали все эти книги?

Меняем тему. Ладно.

– Да.

– Все-все?

– Да. Саванна, вы мой первый гость за восемь лет.

Сцепив руки за спиной, она подошла к полкам, на которых стояли книги с особенно цветастыми корешками. *Романы. Как назло.* Ему пришло в голову отвлечь ее своей обширной коллекцией научной литературы и поразить своими познаниями в области всемирной истории, но, увы, было поздно. Она уже

догадалась, на что смотрит, и Ашер приготовился к шуточкам на этот счет.

– Вы сказали *все*, верно? – спросила она, бросив на него лукавый взгляд.

Вот ведь какая!

– Что я могу сказать? Романы – моя слабость.

– Ну... по-моему, это секси, – проговорила она, поворачиваясь обратно к книгам. – Возможно, мне стоит написать об израненном ветеране, который, вернувшись с войны, увлекся

чением дамских романов.

Он пожал плечами. Все лучше, чем жалостливая статья.

Саванна заметила у стены лестницу, с помощью которой он добирался до верхних полок, и, поднявшись на пару ступенек, вытащила томик с невероятно кричащей обложкой. Прочитав аннотацию, она повернула обложку к нему лицом.

– *Дева туманных топей?*

Он попытался выхватить у нее книгу, но она подняла руку над головой и заговорила голосом из

киношных трейлеров:

– Сумрачный чужеземец из далеких краев... пышногрудая красавица с зеленых берегов Англии...

– Дайте сюда, – потребовал он. Она захихикала.

– ...противостоят непримиримой страсти... – непримиримой страсти, Ашер! – в то время, как...

Он снова попробовал отобрать у нее роман, и когда она, отклонившись назад, потеряла равновесие и начала падать, его

рука словно тиски обвилась вокруг ее талии, притягивая ее к его груди. Он крепко прижимал ее к себе, пока ее ноги не коснулись пола. Но и тогда не отпустил ее.

Она часто задышала, толкаясь грудями в его грудь, пока ее глаза всматривались в его лицо.

– Я с-сожалею.

– А я нет, – промолвил он, стараясь не обращать внимание на то, как закружилась голова, когда вся кровь в его теле хлынула к другому месту. Его грудь

тяжело вздымалась, но не от напряжения, а от того, что она оказалась так близко, в его руках, в его крепких объятьях. Умри Ашер в этот момент, он умер бы счастливым.

– Ашер, – выдохнула она, облизнув губы. – Уже все нормально.

Когда ее слова дошли до него, он расслабил руку, отступил назад и отдал ей книгу, а она принялась рассеянно листать ее, склонив голову набок.

– Когда вы меня подхватили, то

сделали это левой рукой.

Он кивнул.

– Я заметила, что правой вы почти не пользуетесь.

– Потому что у меня ее...
потому что не пользуюсь.

– Тогда зачем вам протез?

– Я надеваю его только когда приходите вы, – сказал он.

– Зачем?

– Чтобы лишний раз не смущать вас.

– Не надо.

– Что?

– Снимите его.

– Что? Почему?

– Потому что я не умею печь и не ношу сарафаны в цветочек.

Две вещи произошли одновременно в его теле: его сердце взорвалось, а разум забил тревогу. Показать ей свою культю, гладкий овальный обрубок, которым заканчивалась его рука сразу после локтя? Это было рискованно. Очень рискованно. Он избегал показывать его даже мисс Поттс.

– Это всего лишь я, – промолвила она, а затем

повторила его слова, сказанные в приходе: – Вы нравитесь мне таким, какой вы есть.

***

Не сводя взгляда с ее лица, Ашер здоровой рукой начал расстегивать манжету, плотно прилегающую к силиконовому запястью телесного цвета. Пуговица поддалась со щелчком. – Моя мама называет меня пуговкой, – глядя ему в глаза, нервно пробормотала Саванна. Далее он поднес руку к

воротнику и одну за другой расстегнул пуговицы, пока рубашка, распахнувшись, не открыла его широкий торс с агрессивно проступающими под белым хлопком футболки мышцами. Саванна сделала глубокий вдох, приказывая себе успокоиться.

– Помогите мне, – произнес он, протягивая к ней свою здоровую руку.

Она шагнула к нему и, пока расстегивала манжету, ощущая исходящий от его запястья жар,

неожиданно осознала, кто он. Не просто раненый ветеран. Не просто изуродованный солдат. Не просто человек, добровольно изолировавший себя от мира. Но живой, теплый, дышащий и совершенно реальный мужчина, от близости которого ей стало жарко, а в голове закружился вопрос: *каково это было бы – быть с ним?*

Когда она вновь подняла глаза на его лицо, то уголки его губ оказались приподняты, а левый глаз поблескивал удивлением и

озорством. Он сбросил с плеч рубашку, и она увидела ремни, которые тянулись от протеза вверх и перекрещивались у него на спине.

Она слотнула.

– Не носите его больше ради меня. Никогда.

– Хорошо, – ответил он тихо.

Она смотрела, как он отстегивает ремни, замороженная тем, как перекатываются на его груди и руках мышцы. Он потянул за протез и, когда тот с тихим хлопком отделился,

положил его вместе с ремнями на стол. Потом взялся за белый матерчатый чехол, прикрепленный к руке, и убрал на стол и его тоже. И повернулся к ней, чувствуя себя голым как никогда, пока она осматривала овальный обрубок плоти под его правым локтем.

Она потянулась было к нему, но потом ее взгляд вновь взметнулся к его глазам.

– Можно?

В изумлении глядя на нее, он кивнул, и она дрожащими

пальцами дотронулась до
обрубка под его локтем,
осторожно исследуя поверхность
искалеченной плоти.

– Такая гладкая, – произнесла
она.

Он с шумом втянул в себя
воздух.

– Я делаю вам больно? –
спросила она.

– Нет, – пробормотал он. –
Ничуть.

– Здесь сохранилась
чувствительность?

– Отчасти, – признался он

честно. – В основном фантомные ощущения.

Пока она продолжала осторожно гладить его культию, ее груди вздымались все выше и чаще. Он опустил на них свой голодный взгляд, а когда она заметила, куда он смотрит, вновь заглянул ей в глаза, и она приподняла брови, остро чувствуя его близость и ощущая, как под его взглядом в животе разливается сладкое тепло.

Дверь отворилась, и она отпрянула.

– О, вижу, мы решили устроиться по-домашнему, – сказала мисс Поттс, ворвавшись в кабинет с булочками и кофе. – Замечательная идея.

Саванна торопливо отошла от Ашера и шагнула к креслам возле витражного окна, по пути восстанавливая дыхание. Сев, она приложила к своим горячим щекам ладони, пытаясь понять, что между ними происходит, пытаясь убедить себя, что, чем бы оно ни оказалось, это очень, очень плохая мысль. Ашер

плюхнулся в соседнее кресло, явно расстроенный несвоевременным вторжением мисс Поттс – в отличие от Саванны, которая вынуждена была признать, что испытала облегчение.

Дело было даже не в том, что Ашер был на несколько лет ее старше – разница в возрасте не имела для Саванны особенного значения, – но он был отшельником с внушительным багажом прошлого за спиной и, что важнее всего, он был

объектом ее статьи. Господи,
Саванна. Сперва источник, теперь
объект. Бога ради, попытайся
выжать из себя хоть каплю
профессионализма.

Онемело приняв поданную
мисс Поттс чашку кофе, она
твердо настроилась больше не
отвлекаться на потрясающий
торс Ашера Ли, на его
потрясающий голос,
потрясающее чувство юмора,
потрясающее... Все, хватит. Она
будет тем, на кого училась –
беспристрастным журналистом.

К тому времени, как в шесть вечера Саванна засобиралась домой, ей стало намного лучше. Остаток дня прошел без происшествий. Ашер отвечал на ее вопросы, не делая попыток дотронуться до ее руки или пойти на какой-то иной физический контакт. Их пальцы мимолетно соприкоснулись лишь однажды, когда они одновременно поставили свои чашки на стол, но заминки в разговоре не произошло. Более того, интервью получилось

крайне информативным. Они успели обсудить не только школьные годы Ашера, но и его детские воспоминания о Дэнверсе, его отношение к принадлежности к семье Ли и трагическую гибель его родителей.

Когда он рассказывал об этом периоде своей жизни, она испытала сильное искушение взять его за руку, но сдержалась. Если они будут без конца отвлекаться на свои расцветающие личные

отношения, то она никогда не напишет статью.

Стоп, подумала она, поворачивая ключ в замке зажигания. *Или напишет?*

Статья, интересная широкому кругу читателей, так? Что может быть интересней истории, рассказанной от первого лица, о том, как неудачливая репортерша неожиданно-негаданно подружилась с нелюдимым ветераном войны? Ликую, она ударила по рулю. Точно. Статья будет о том, как она из-за

ненадежного источника потеряла работу. О том, как он потерял руку и оказался изуродован. О том, как они, двое неудачников, вернулись домой и подружились, как ощутили друг к другу нечто, отозвавшееся в каждом из них обоих.

Интуиция подсказывала ей, что такая подача редактору понравится, и она, едва добравшись до дома, быстро напечатала письмо с описанием своей идеи и в придачу приложила к нему черновик с

покерными хитростями под названием «Ашер Ли: Всеамериканская история».

Следующий час Саванна, расхаживая по своей маленькой детской спальне, провела в безуспешных попытках отвлечься в ожидании ответа от мистера Макнаба. В какой-то момент в комнату заглянула Скарлет.

– Пошли вечером в клуб? Поужинаем, а потом потанцуем.

Саванна отрицательно покачала головой.

– Я жду одно очень важное

письмо, Скарлет.

– Я отменю свои планы с Трентом. Кино и ужин. Только ты и я, а?

– Давай завтра? – спросила Саванна, зная, что не сможет сосредоточиться на фильме, пока новая подача материала не будет одобрена.

– Ловлю на слове. Между прочим, ты подружка невесты, а мы так и не начали обсуждать подготовку к свадьбе. Я знаю, это не твое, но по крайней мере проводи со мной чуть-чуть

времени, пока я не стала миссис.

Саванна раскрыла сестре объятья.

– Прости, сладкая, что я отвлекаюсь. Просто если статью одобрят, то она станет для меня новым началом.

– Угу, в Финиксе, – ответила Скарлет хмуро.

– Финикс, Нью-Йорк. Какая разница? Ты по-прежнему останешься первой красавицей Дэнверса, а я обещаю приезжать почаще и нянчить на своих коленках старой девы моих

будущих маленьких
племянников.

Высвободившись из ее
объятий, Скарлет присела на
кровать.

– Знаешь, я впервые с момента
твоего приезда вижу тебя
настолько счастливой.

В сознании Саванны
промелькнуло воспоминание о
том, как Ашер поймал ее, и ее
щекам стало горячо.

– Я не хотела за завтраком
смеяться над Ашером, – сказала
Скарлет.

– Все нормально. Просто не делай так больше, и все. Он, вообще-то, потрясающий парень.

– Серьезно? – спросила Скарлет с ноткой настороженности в голосе, но у Саванны перед глазами стоял Ашер, и потому она ее не расслышала.

– Да. Он умный, интересный и очень начитанный. И настоящий герой. И рядом с ним я чувствую себя такой... такой...

– Какой? – спросила Скарлет.

– Не знаю. Другой. Лучше, чем

есть. Его имя, кстати, означает «счастье».

– Вэн, он живет в своем старом доме, сколько я себя помню. И никогда не выходит в город. И не пускает к себе никого, кроме тебя. Люди болтают о нем всякое. – Она замялась. – Его рука... и его лицо...

Саванна прищурилась и закусила нижнюю губу, сдерживаясь, чтобы не обвинить сестру в узости мышления.

– Я была у него три раза. *Три* раза, Скарлет. И клянусь, уже

почти ничего не замечаю.

Красиво ли это? Нет. Но он много больше, чем человек со шрамами на лице. Он... он удивительный.

Зажужжал телефон, и Саванна, перегнувшись через сестру, подхватила его с кровати.

– Мистер Макнаб?

– Кармайкл. Шикарный материал.

– Правда? – Она подняла голову и поймала Скарлет стоящей в дверях с обеспокоенным выражением на лице. Прикрыв трубку ладонью,

Саванна прошептала: «Завтра смотрим кино и ужинаем», и Скарлет, кивнув, ушла.

– Правда. Мне очень понравилось. Не говоря уже о том, что сегодня вечером я планирую неплохо подняться в покер. – Он засмеялся. – Когда я получу следующий кусок?

– Я вижусь с ним по понедельникам, средам и пятницам.

– Присылай в пятницу продолжение, и тогда я решу, печатать материал по частям или

придержать и выпустить
целиком. Ты хорошо пишешь,
Кармайкл. Джонс оказалась
права.

– Огромное вам спасибо, сэр! Я
вас не подведу!

– Уж постарайся. Счастливо.

– Всего хорошего, сэр.

Отключившись, Саванна
бросилась на кровать и задргала
в воздухе ногами, крича:

– Я вернулась, вернулась,
вернулась!

Наконец успокоившись, она
уставилась в потолок. На душе у

нее впервые за много недель было легко. Сделать ее настроение еще лучше можно было только одним способом: поделившись радостной новостью с Ашером. И увидеть, как просветлеет его лицо, когда она расскажет о том, что придумала нужную подачу.

И только в этот момент, не раньше, Саванна поняла, что перед тем, как увидеть его снова, ей предстоит провести целые выходные и половину понедельника в одиночестве.

Глава 6

Перспектива провести целые выходные без Саванны привела Ашера в состояние куда более тягостное, чем то, из которого он принудил себя выйти два-три года назад. Его так и подмывало напиться, как раньше, и провести выходные в алкогольном забытии, но затем он рассудил, что не для того столько тренировался, возвращаясь в форму, чтобы одним махом все испортить из-за тоски по девушке. И поэтому, как только она ушла, он завязал волосы в хвостик, переоделся и

спустился в свой оборудованный по последнему слову техники домашний спортзал, где провел два часа, поднимая тяжести для поддержания мышечной массы груди, левой руки и левой ноги. Затем он проделал полный комплекс восстанавливающих упражнений для правой ноги. Дважды. К восьми часам вечера он вспотел и выбился из сил, но тосковать по ней ни чуточки не перестал.

– Ужин готов, – сообщила ему мисс Поттс, когда он вышел на

лестницу.

– Я только приму душ.

– Все остынет, – сказала она. –

И с каких это пор вы стали принимать душ перед ужином?

Одна-единственная неделя в обществе Саванны – и его былые, присущие нормальному человеку привычки возвратились как по щелчку. Но мисс Поттс была совершенно права. Поужинать лучше сейчас, а душ принять перед сном, когда воспоминания о Саванне и его острое влечение к ней можно будет унять только

холодной водой.

Он сел за обеденный стол в столовой и улыбнулся мисс Поттс, взглянув на нее поверх ломтиков мясного рулета и горки картофельного пюре с подливой и стручками фасоли на краю тарелки.

– Мое любимое, – сказал он. – Спасибо.

– Рада, что вы рады, Ашер, – ответила она, и он усмехнулся, услышав старую присказку своей бабушки. Беспокойно потирая руки, она села напротив него. –

Мне нужно сказать вам одну вещь.

Он узнал этот исповедальный тон, и его усмешка исчезла, а вилка остановилась на полпути ко рту.

– Я записала вас на прием. Но вы можете все отменить, если хотите.

– Куда? К кому?

– В центр Уолтера Рида.

Его вилка звякнула о тарелку.

– Я никуда не поеду.

– Ладно. Хозяин – барин.

– Клянусь, мисс Поттс...

– Прием назначен на завтра. –
Она пожала плечами. – Я
подумала, вдруг вам захочется
чем-то занять себя. Ну, чтобы
скоротать время.

Хитрая лиса. Она знала, что
следующие три дня он будет
слоняться по дому в ожидании
понедельника и визита Саванны.
Черт бы ее побрал, но она,
изучив его слабые места,
попадала в цель, словно
тактическая ракета.

– Но опять же, ничто не
мешает вам позвонить ей и

спросить, не хочет ли она встретиться в выходные. Вовсе не обязательно ждать понедельника.

– Это будет нахальством. Она согласилась на понедельники, среды и пятницы. Я не имею права просить о большем. – *Пока что.*

– Тогда вы свободны и можете съездить в Мэриленд. Я забронировала вам номер в отеле Naval Bridge Inn & Suites с субботы по понедельник.

Мисс Поттс было отлично известно, что он никогда не

согласится жить в обычном отеле, где все будут пялиться на его увечья. А вот в военно-морском Naval Bridge никто и глазом не моргнет, когда он будет регистрироваться на стойке или в тихом одиночестве ужинать в ресторане. Там он столкнется не с любопытными взглядами, а с другими военными – такими же искалеченными или же благополучно пережившими службу, которые при встрече уважительно отдадут ему честь.

– Но почему по *понедельник*?

– Первая консультация – в субботу днем насчет вашей руки, а вторая – в понедельник утром. Насчет ноги и лица.

– Черт, мисс Поттс.

– Не чертыхайтесь тут мне, Ашер Шерман Ли, – сказала мисс Поттс, багровея. – Не нравится? Отмените. – И она, негодуяще фыркнув, встала и вышла из комнаты.

Ашер вздохнул, потом снова взялся за вилку и отправил в рот кусочек мясного рулета.

Бетесда. Он не был там пять

лет. С тех пор, как получил свой нынешний, безнадежно устаревший протез. На днях он читал о новых моделях, которые каким-то образом улавливают мозговые волны и передают сигналы кисти руки.

Бионические протезы. Он не мог отрицать, что новые разработки если и не привели его в неописуемый восторг, то заинтриговали.

Я заметила, что вы почти не пользуетесь правой рукой.

Он, может, и пользовался бы,

не будь она бесполезным куском
силикона. Иначе он смог бы
держать ее за руку, пока
искусственной рукой открывал
бы дверь.

Ашер, хватит!

Но его мозг уже оценивал
открывающиеся возможности.

Он смог бы взять ее на руки и
отнести в постель, ласкать ее
здоровой рукой, а второй,
искусственной, раздеваться. Он
смог бы крепко прижать ее к себе,
здоровой рукой очерчивая
контуры ее лица. Он смог бы

обнять ее обеими руками, когда...

В подвале зашумел масляный обогреватель, и Ашер, увлеченный своими фантазиями, подпрыгнул от неожиданности. Черт, он должен прекратить эти мысли. Между ним и Саванной ничего нет. Она не принадлежит ему. Они просто дружат. И все.

Но потом он вспомнил, как ее тело прижалось к нему в библиотеке, и его сердце снова забилося чаще.

– Хорошо, мисс Поттс! – рывкнул он. – Я съезжу в

Мэриленд.

В ту же секунду она выглянула из кухни с довольной улыбкой на морщинистом лице.

– Чудесно. Я знала, что вы согласитесь.

***

К середине воскресенья Саванну начала одолевать мысль, не прогуляться ли ей к дому Ашера, но сочинить подходящий предлог она, увы, не смогла. Кроме того, он ведь согласился давать интервью только по

понедельникам, средам и
пятницам, а воскресные часы
были его личным временем для
чтения или тренировки своего
удивительно мощного, крепкого
тела, с некоторым восторгом
напомнила она себе, пока сидела
на качелях, отталкиваясь носком
кроссовка от пола и поглядывая
на кувшин с лимонадом, стоящий
на столике напротив нее.

На тротуаре припарковался
отполированный темно-зеленый
«ягуар», и она увидела светлые,
тщательно уложенные кудри

Трента Гамильтона. Он подмигнул Саванне, открывая калитку, и небрежной походкой поднялся на крыльцо.

– Угостишь стаканчиком? – спросил он, прислоняясь к перилам.

– Конечно, – ответила она и, взяв чистый стакан, налила своему будущему зятю лимонада.

– Как продвигается статья? О старине Ашере Ли, нашем герое со странностями.

Саванна закатила глаза.

– Он ветеран, Трент. Поимей

уважение.

– Для города нехорошо, что здесь живет отшельником какой-то подозрительный чудик.

– Расслабься. Он очень приятный парень. И придает Дэнверсу шарм.

– *Шарм.* Скажешь тоже.

– Ты хоть знаешь, как он получил свои увечья? Его отправили в зону боевых действий, чтобы он вынес раненого солдата в укрытие. И рядом с ним взорвалась самодельная мина. Ему оторвало

руку и изуродовало лицо. – Она не хотела говорить так резко, но не смогла сдержаться. – А что *ты* сделал полезного для человечества, Трент?

Он допил свой лимонад и стукнул стаканом о стол чуть громче, чем нужно.

– И вы со Скарлет родные сестры...

– Ей досталось что помягче, мне – что потверже.

– Да уж. Ладно, давай так: я больше не шучу над Ашером Ли, а ты не рассказываешь Скарлет,

что я тебя разозлил.

То, насколько сильно Трент обожал ее сестру, всегда привлекало Саванну. И каким-то образом извиняло все остальное. Она показала ему язык.

– Договорились.

В ее заднем кармане завибрировал телефон, и она помахала Тренту, чтобы он заходил в дом.

– Алло?

– Саванна, дорогая, это мисс Поттс.

– Мисс Поттс! Здравствуйте. –

Внезапно у нее прихватило сердце. Зачем мисс Поттс звонит ей? С Ашером что-то случилось? – Все в порядке?

– О да, дорогая. Просто Ашер уехал из города и вернется только в понедельник, да и то поздно вечером, поэтому, боюсь, вашу встречу он вынужден отменить.

Разочарование, постигшее Саванну, было так велико, что у нее перехватило дыхание. Она подвернула под себя ногу и откинулась на спинку качелей. Узнав, что она зря считала часы,

минуты и секунды до
понедельника, она ощутила такое
отчаяние, почувствовала себя
настолько несчастной, что с
трудом проглотила выросший в
горле комок.

– Уехал из города?

– Увы, да.

– Но в понедельник вечером он
вернется?

– Очень поздно.

– О. – Саванна с несчастным
видом уставилась на кувшин с
лимонадом, глядя, как по его
бокам, точно слезы, стекают

капельки конденсата. – Я не знала, что он...

– Время от времени уезжает? Ну, дорогая моя, а как же иначе. Он ведь *мужчина*.

Когда до Саванны дошел смысл этих слов, она выпрямилась. Ну конечно. Мужчина. Со своими *мужскими* потребностями. Которые он поехал удовлетворять. И какая-нибудь ужасная дешевая шлюшка, которая, в отличие от Саванны, вряд ли сможет оценить по достоинству его ум, будет все

выходные ласкать своими
грязными пальцами его
каменный торс. Она
поморщилась.

– Понятно, – произнесла она, с
трудом удержав голос ровным.

– Я знала, что ты поймешь. Ну
что, увидимся в среду?

– Разумеется, – ответила она,
чувствуя, как раздуваются ее
ноздри, а глаза щиплет... от чего?
От злости? Есть. От обиды, что ее
предали? Не то чтобы она имела
право обижаться, но есть. От
ревности? Есть. От грусти?

Господи, *есть*.

– Чудесно. Всего хорошего,
дорогая.

Мисс Поттс повесила трубку, а
Саванна осталась оцепенело
сидеть и со стесненно бьющимся
в груди сердцем разбираться со
своими чувствами. Нет, вы только
подумайте. Ашер Ли.

Изуродованный, искалеченный
Ашер Ли уехал куда-то, чтобы с
кем-то перепихнуться, в то время,
как она томилаcь дома и
тосковала о нем, представляя, как
он сидит в одиночестве в своем

особняке на холме и тоже тоскует о ней. Но нет. Ничего подобного. Как выяснилось, она ошибалась. Его расписание оказалось куда более загруженным, чем у нее.

Она не имела права испытывать такую острую сердечную боль, и все же ее сердце болело, подтверждая то неловкое обстоятельство, о котором она подозревала все выходные: Ашер Ли был теперь для нее не просто объектом статьи и не просто другом. За очень короткий срок Ашер Ли

стал для ее глупого сердца кем-то бóльшим, и она ненавидела себя за подспудную уверенность в том, что он кинется к ней, стоит ей поманить его пальчиком.

– Саванна, – позвала ее мать. – Обедать!

Она поднялась с качелей и с тяжестью на сердце приготовилась сесть за стол напротив мистера и почти-миссис Гамильтон – сказочно счастливых, тогда как ее собственные мечты о ком-то особенном рассеялись в воздухе,

будто дым.

***

Плодотворные вышли выходные,
думал Ашер, на максимальной
скорости мчась на запад – домой.

Оба приема, в субботу и
понедельник, прошли хорошо, и
Ашер узнал много нового об
имеющихся у него вариантах.
Если он решится обзавестись
бионической конечностью, то ему
понадобится записаться на прием
для подгонки протеза и для
обучения, и тогда к августу он

будет вовсю им пользоваться. Что до его лица, то в области пластического реконструирования появились новые разработки, с помощью которых можно будет получить протез правого уха, созданный на основе размеров и формы левого. Для этого потребуется небольшая операция, во время которой вся вспомогательная ткань будет удалена, а на месте будущего уха закрепят магниты, после чего можно будет приступить к подгонке искусственного уха.

Врачи сказали, что ему нужно пройти несколько простых операций, чтобы удалить рубцовую контрактуру и пересадить на поврежденные участки здоровую кожу, а также сгладить линию челюсти силиконовыми имплантами. Ему даже пообещали восстановить нормальную форму правого века.

Еще одна консультация – и можно распланировать на лето и осень все процедуры. Числом, вероятно, от четырех до семи. Новости оказались не настолько

плохими, как он ожидал, и, безусловно, дали ему серьезный повод для размышлений.

Что касается ноги, то на этом его везение кончилось.

Существовали операции по замене костей, но ведь его кости были целы. Мышцы, сухожилия и кожа – вот, что было серьезно повреждено, поэтому единственное, что ему оставалось – ежедневная восстанавливающая терапия. Ашер пообещал себе заниматься чаще и лучше, чтобы насколько возможно избавиться

от хромоты.

А еще он случайно пересекся со своим старым товарищем по Афганистану, так что в итоге ему не пришлось в воскресенье ужинать в одиночестве. Выходит, он задолжал мисс Поттс благодарность, ведь поездка оказалась намного продуктивнее, чем он ожидал, и в понедельник Ашер в самом что ни на есть приподнятом настроении выехал домой в Дэнверс.

А, к черту. Домой к Саванне.
Он думал о ней все выходные.

При каждом удобном случае она возвращалась в его сознание, в его сердце, и его чувства к ней росли вместе с готовностью пройти через все, чтобы стать для нее более привлекательным. По правде говоря, без Саванны все эти улучшения были ему ни к чему. Вспоминая о ее теплом, податливом теле, которое в пятницу побывало в его объятьях, он тонул в блаженных фантазиях о том, как целует ее, как проводит языком по изгибу ее шеи, как очерчивает кончиками пальцев

чувствительные холмики ее
грудей и видит, как ее глаза
закрываются от удовольствия.

*Однажды это случится,
пообещал он себе. И не важно, что
тебе придется для этого
преодолеть.*

Ашер бросил взгляд на часы
на приборной доске. Уже
половина третьего. Ехать
оставалось еще по меньшей мере
час, и он с силой нажал на педаль
газа, зная, что ворота рая
откроются перед ним в четыре
часа.

Вот почему он чуть не сошел с ума, когда, притормозив в три сорок пять у дверей своего дома, услышал от мисс Поттс, что она отменила сегодняшнее интервью.

– Что вы такое говорите? – прорычал он, остановившись в прихожей, и его сумка, соскользнув с плеча, с глухим стуком упала на мраморный пол.

– Я решила, что вы не успеете вернуться домой вовремя, вот и подумала, зачем бедной девочке попусту тратить время? Ну, вы же увидите в среду, так что какая

разница?

– Большая. *Огромная*, и ваше вмешательство мне не нравится.

– А что я? Я просто хотела помочь.

– Что именно вы ей сказали?

– Что вы уехали из города по своим мужским делам.

– *По своим мужским...* – Ашер вытаращил глаза, и его подбородок дернулся вперед, когда он понял смысл этих слов. – Вы намекнули, что я... что я был...

– Ревность, знаете ли, делает

сердца мягче.

– Мисс Поттс, – простонал он.

– Ну кто вас просил вмешиваться!

– И это ваше спасибо за помощь? – воскликнула она, после чего, фыркнув, развернулась на пятках и зашагала в сторону кухни.

– Помощь называется! – прокричал Ашер ей вслед.

Он взъерошил волосы, а потом расстройство и разочарование вынудило его сделать нечто, что он не делал почти восемь лет: выйти, сесть в машину и

повернуть на дорогу в город.

***

Скарлет пришла с работы пораньше и, усевшись рядом с Саванной на качели, взялась за очередной треклятый свадебный журнал, но Саванна едва улавливала то, что она читала. Время близилось к четырем. И сегодня не будет ни волнительного предвкушения на подъезде к дому Ашера Ли. Ни обмена остроумными репликами. Ни прикосновений его сильной,

теплой руки. Ни радужных
закатов. Ничего.

Он снился ей всю прошлую
ночь. Неповрежденной стороной
лица склонялся к ней, чтобы
поцеловать, а потом все
переменилось, и под ним стала
извиваться какая-то
обесцвеченная блондинка, пока
его идеальная задница
сжималась, снова и снова с силой
толкаясь вперед. Саванна
проснулась, вся дрожа, в поту... и
в печали. Увы, но сон не забылся,
когда рассвело, и, что самое

ужасное, когда наступил день – тоже.

— ...и еще одна приятная деталь: маленькие подарочные пакетики для гостей из других городов, – прочитала Скарлет. – Разве не чудесная идея, Саванна? Тут написано: «обязательно положите туда бутилированную воду, шоколадки и памятку с пояснением, как добраться до церкви, и рекомендациями о том, чем заняться в свободное время». Мы можем добавить еще виргинский арахис и, возможно,

мамины знаменитые маффины.
Очаровательно. Вэн? Вэн, ты
слушаешь?

– Подарочные пакетики, – вяло
отозвалась Саванна. –
Очаровательно.

Сидя ближе к крыльцу, она
проводила взглядом ребятшек,
катающихся на велосипедах, и
проезжавшие мимо машины.
Чувствуя себя очень несчастной,
она глубоко вздохнула, а Скарлет
испустила сердитый стон.

– Бога ради, Саванна! Сходи к
нему завтра и устрой

головомойку! Смотреть невыносимо, как ты хандришь. Ты для этого слишком сильная.

Саванна обернулась к ней.

– У меня нет никакого права устраивать ему головомойку, а моя хандра закончится через пять минут. В четыре часа. Когда мы поедем в свадебный салон.

– Он тебе по-настоящему нравится.

Саванна пожала плечами.

– Я не настолько хорошо его знаю. Но – да, Скарлет. Он мне нравится. У нас оказалось

намного больше общего, чем я ожидала. Просто я почему-то думала, что... – Она отвернулась. – Неважно.

Раздался рев мотора, и сразу после она увидела, как напротив их дома притормозил черный спортивный автомобиль.

– Кто-нибудь из твоих знакомых водит черный «БМВ»? – спросила она Скарлет.

Сестра встала и подошла к перилам веранды. Полуденный ветерок слегка раздувал подол ее платья в бело-розовую полосу.

– Нет, никто.

Пока затихал мотор, Саванна, опершись локтем о подлокотник качелей, с прохладным любопытством посматривала на машину. В течение нескольких долгих секунд оттуда никто не выходил, а когда наконец-то вышел, то у нее от шока сам собой распахнулся рот.

– Это что...? – спросила Скарлет, вихрем разворачиваясь к Саванне.

– Да, – выдохнула Саванна. Ее сердце забилось как

сумасшедшее, и внутри все перевернулось от волнения. – Это он.

Ашер захлопнул дверцу. Низко опустив голову, он быстро обошел машину, открыл маленькую калитку и зашагал по кирпичной дорожке вперед. На миг взглянув вверх, он заметил Скарлет, которая, разинув рот, смотрела на него с верхней ступеньки крыльца.

– Вы, очевидно, Скарлет, – сказал он, протягивая левую руку. – Милый сарафан.

Услышав его голос и выбор приветствия, Саванна, не выдержав, широко усмехнулась. Неотесанно? Идеально! Она расплела ноги и встала, желая, чтобы мир вокруг перестал вращаться так быстро.

– С-спасибо, – пролепетала Скарлет и, пожав ему руку, встревоженно покосилась на сестру.

Проследив за ее взглядом, Ашер нашел глазами Саванну.

– Я... Я пойду, чтобы вы... – Скарлет развернулась, упорхнула

в дом, и за ней захлопнулась сетка.

Ашер стиснул челюсти, и Саванна увидела, каким диким был его взгляд. Боже, невозможно представить, чего ему стоило превозмочь себя, чтобы приехать. Она мигом забыла и о блондинистой шлюшке, и о своих разрушенных надеждах. Простерла к нему руку, и он, приняв ее, обошел столик и сел рядом с ней на качели. Как только израненная сторона его лица оказалась обращена к дому, он

расслабился. Но совсем чуть-чуть.

Саванна повернулась к нему лицом и при этом случайно задела коленкой его бедро. Оно было твердым как камень, и по ее телу прошла дрожь.

– Что вы здесь делаете? Вы же все отменили.

– Я ничего не отменял. Это мисс Поттс, и я уже высказал ей все, что думаю по этому поводу. Я чуть не убился по дороге, чтобы добраться домой вовремя и увидеть вас, и... – Он замолчал и стиснул челюсти, словно сказал

лишнее. – Я не хочу, чтобы вы думали, будто я могу вас подвести.

– И вы поехали сюда?

В какой-то момент их руки нашли друг друга, и его большой палец принялся нежно поглаживать тыльную сторону ее ладони.

– Это было импульсивное решение.

– И трогательное, – сказала она. А потом, вспомнив, чем он занимался все выходные, забрала у него руку и, отвернувшись,

установилась перед собой. – Хотя я удивлена, что вы сумели втиснуть меня в свое расписание.

Он обнял ее за плечи, и она с трудом удержалась, чтобы не прислониться к нему, когда его пальцы начали легонько массировать ее плечо.

– Саванна, я был в Бетесде. В военном госпитале, где у меня был супер-секси ужин с... – Сузив глаза, она метнула на него косой взгляд и смутилась, когда увидела, с каким простодушием он на нее смотрит. С

простодушием и, черт бы его побрал, с озорством. – ...С моим другом, лейтенантом Барри Стивенсоном. Мы служили вместе. В Афганистане.

– То есть, вы не... в смысле, вы не были...

– Насколько я понимаю, мисс Поттс выставила мою невинную поездку в совершенно ином свете. Но мне невероятно приятно, что вам не все равно.

Горячий румянец покрыл ее грудь и шею и поднялся к щекам.

– Она дала мне понять, что

ВЫ...

– И я не знаю, зачем она это сделала. Я ни с кем... *не общаюсь* в таком смысле.

Жар, приливший к ее щекам, стал почти нестерпим, и она подалась к кувшину с холодным чаем и наполнила два стакана, ощущая пальцами приятную прохладу стекла. Какая же она дурочка. Полная идиотка. Ох, уж она приготовит к среде пару ласковых для Матильды Джей Поттс.

– Когда вы вернулись? –

слабым голосом спросила она, делая глоток чая. Хотя она налила и ему, но он даже не притронулся к своему стакану. Его пальцы продолжали в божественном ритме массировать ее плечо. И ей хотелось, чтобы он не останавливался. Никогда.

– Пятнадцать минут назад.

Она оглянулась на него и склонила голову набок.

– И сразу поехали сюда?

С несколько сконфуженным видом он кивнул.

– Уже четыре.

– Уже четыре. – Качнув головой, она наморщила нос. – Когда вы отменили интервью, мы со Скарлет условились, что сегодня будем выбирать для меня платье подружки невесты. Я говорила вам, что в июле моя сестра выходит замуж?

– Доходили слухи.

– Мисс Поттс?

– Единственная и неповторимая.

– Надо бы нам за ней приглядывать, – заметила Саванна с усмешкой и с радостью

увидела, как заискрился его здоровый глаз, когда он улыбнулся в ответ.

Наконец его рука соскользнула с ее плеча, и он передвинулся к краю качелей.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Но, Саванна...

Она не знала, о чем он собирается ее попросить, но он, покусывая нижнюю губу, опустил взгляд на свою лежащую на бедре руку.

– Вы останетесь в среду на ужин? – Он поднял глаза на нее, и

она увидела там неуверенность,
надежду, тепло.

И кивнула.

– Вы по-прежнему хотите,
чтобы я пришла к четверем?

– Конечно. Сначала проведем
интервью, а потом можно
просто...

– Поужинать, – договорила
она. Сердце у нее в ушах
грохотало так громко, что Ашер –
да и люди на улице – наверняка
слышали его стук.

– Саванна! – весело
воскликнула, выходя на крыльцо,

ее мать. За ее спиной с широко раскрытыми глазами маячила Скарлет, которая нервно поглядывала то на руку Ашера, то на лицо. – Я не знала, что у тебя гости.

Ашер немедленно встал, протягивая Джуди Кармайл левую руку.

– Миссис Кармайл. Я...

– Ашер Ли. Ну конечно же. – Саванна возблагодарила Бога за то, какой добротой он наделил ее мать. Она даже не вздрогнула, даже не моргнула, когда узрела

на лице Ашера изъян, а,
напротив, лучисто ему
улыбнулась. – У вас мамины
глаза.

– Да, мэм.

– Она очень мне нравилась.

– Вы ей тоже, мэм.

– Приходите к нам на обед в
воскресенье. В три часа.

– О, я...

– Ашер, я настаиваю. – Она
накрыла его руку ладонью и
похлопала по ней, скрепляя
сделку, прежде чем отпустить. –
Пуговка, мы будем ждать тебя в

машине.

– Черт, – проговорил Ашер, глядя вслед завернувшему за дом Джуди и Скарлет. – Я забыл сказать, что мне понравились ее маффины. И печенье. И булочки.

– Скажете в воскресенье, – сказала Саванна и, прощаясь, коснулась его руки.

– Саванна, я...

Она взглянула ему в глаза, спускаясь бок о бок с ним по ступенькам крыльца и чувствуя на пояснице легкое прикосновение его ладони.

– Я просто...

– Я тоже, Ашер, – тихо промолвила она. А потом – поскольку была ужасно рада увидеться с ним и тому, что грустить больше не нужно – привстала на цыпочки и мягко прижалась губами к его левой щеке.

Его губы приоткрылись в немом изумлении, и Саванна испытала мимолетный порыв поцеловать и их тоже, но, поскольку у нее и так кружилась голова после того, как она

чмокнула его в теплую щеку, она свернула на дорожку и побежала к калитке, оглянувшись только затем, чтобы помахать ему, когда он крикнул: «До среды!» у нее за спиной.

Глава 7

**Когда вы впервые
разговариваете всю ночь до
рассвета**

Ашер не просил Саванну принарядиться, но когда в среду увидел ее одетой в маленький, льнувший к грудям серебристый

топ, узкие темно-синие джинсы, плотно обтягивающие ее попку, и черные балетки, у него в буквальном смысле отвисла челюсть. Волосы она заплела в свободную косу, а на левую руку надела серебряные браслеты, которые звякнули, когда она протянула мисс Поттс завернутую в фольгу тарелку. После нарядов деревенской мисс и растрепанной городской девчонки этот утонченный образ был чем-то новым, и от этой утонченности у него разгонялась

кровь, а тело твердело. Как, каким образом у него мог появиться хотя бы намек на шанс с такой женщиной?

Стоя на верхней площадке лестницы, он наблюдал, как она здоровается с мисс Поттс.

– Саванна Кармайкл! Какая ты сегодня красавица!

– Меня пригласили остаться на ужин. – Он услышал в ее голосе осторожные нотки.

– Ну разумеется. Ашер специально попросил все приготовить для пикника в роще.

– Для пикника?

– Ты бывала когда-нибудь в нашей роще? – спросила мисс Поттс.

Саванна покачала головой.

– Это особенное место, – проговорила мисс Поттс, материнским жестом потрепав Саванну по щеке. – О, и еще.

Дорогая, я ужасно сожалею, что в воскресенье, когда мы разговаривали по телефону, я ввела тебя в заблуждение.

– Не сомневаюсь, – ответила Саванна ровным, однако

прохладным голосом.

– Ох, я такая шалунья. – С этими словами мисс Поттс, подмигнув ей, резво удалилась на кухню, и Ашер начал спускаться вниз, чтобы встретить свою гостью.

– Я рад видеть вас, – произнес он, протягивая ей руку. – Вы прелестно выглядите.

Она улыбнулась и сплелась с ним пальцами, когда он повел ее вверх по лестнице.

– Она не так проста, как кажется на первый взгляд, –

прошептала Саванна, поглядывая в сторону кухни.

– Это точно.

– Ашер, она нарочно меня запутала.

– Я знаю.

– Но зачем?

Он пожал плечами, мысленно порадовавшись тому, что не забыл оставить дверь кабинета открытой – чтобы не пришлось отпускать ее руку.

– Вероятно, ей не хотелось, чтобы вы думали, будто я выбыл из игры.

Она потянула его за руку, останавливая и поворачивая к себе лицом.

– К вашему сведению, я никогда и не думала, что вы выбыли из игры.

Он бросил на нее снисходительный взгляд – мол, кому вы это рассказываете? – затем поднес ее ладонь к губам и с болезненной нежностью коснулся ее кожи, после чего сел в свое кресло.

Его поцелуй, похоже, стал для нее неожиданностью, потому что

перед тем, как сесть, она
задержалась у кресла.

– Но даже если и думала... –
выдохнула она голосом,
насыщенным неким
восхитительным чувством, в
которое с легкостью можно было
влюбиться, а потом посмотрела
ему в глаза, и Ашер чуть не
бросился к ней – таким жарким
был ее взгляд. – ... То теперь
точно нет.

***

Перед выходом Ашер заглянул

на кухню за корзинкой для пикника, и мисс Поттс попутно шепнула ему на ухо нечто такое, отчего он покраснел и наградил ее суровым взглядом. Саванна хотела было спросить, что она сказала, но ее нервы и без того были взвинчены. Ашер ни словом, ни намеком не обмолвился, что их сегодняшняя встреча – свидание, однако по всему выходило, что это именно оно. Самое сексуальное, самое продуманное и самое романтическое свидание в ее

жизни, и оно едва началось.

Пикник на природе? В роще? Такое приглашение любой вскружит голову.

И от этой мысли ее чувства пришли в еще больший беспорядок. На выходных она уже сделала открытие, что Ашер ей небезразличен, и сейчас, шагая через лес за его идеальной со спины фигурой, она задумалась: к чему бы ей хотелось прийти с этими своими чувствами? К какой-то особенной дружбе? К роману? К любви?

Сегодня, у него в кабинете, они провели изумительную беседу, во время которой Ашер рассказал ей, почему решил поступить в Виргинский университет и избрать своей профессией медицину. Еще она узнала, что он был членом престижного тайного студенческого братства «Дельта-Каппа-Эпсилон». Рассказывать об издевательствах в свою бытность новичком он отказался, однако, приподняв штанину, показал ей на лодыжке грубую татуировку из трех греческих букв, и весело

изогнул брови, когда она поморщилась.

Определенно с этого и стоит начать следующую часть статьи – с рассказа о его маленькой татуировке, – но вот ведь в чем загвоздка. Она так и не сообщила Ашеру о своей новой идее описать завязавшуюся между ними дружбу вместо откровенной истории его жизни. И помимо забавного эпизода с татуировкой она понятия не имела, о чем еще написать и какую выбрать тональность. Стоит ли ей

упомянуть о том, как она приревновала его усилиями мисс Поттс? А о том, как подскочило ее сердце, когда он появился у них на крыльце? А о сегодняшнем вечере? Возможно ее «история» начиналась именно сейчас, когда формальная часть с интервью закончилась, и они вернулись к исследованию нарастающего между ними влечения. Но была ли она готова поделиться подробностями своих отношений с Ашером? И – этот вопрос тревожил ее сильнее всего, – не

станет ли он возражать?

Она отбросила прочь сомнения. Он ведь согласился дать интервью, так? А право решать, как подать содержание их встреч, принадлежит ей, верно? Да и еще раз да. И вообще. Следующую часть она даже не начинала. Если в какой-то момент ей покажется, что история нарушает его прайвеси, вот тогда она и поделится с ним своей задумкой. Сегодня вечером поднимать эту тему ни к чему.

Тем временем их путь

подошел к концу, и все ее тревоги о статье и о чувствах, все ее волнение и нервозность мигом улетучились, как только она с радостью и удивлением увидела посреди яблоневоу роци патио в деревенском стиле.

На выложенной кирпичом площадке стоял большой стол светлого дерева, окруженный шестью удобными стульями, рядом с которым, напротив камина, был устроен уголок для отдыха – кушетка, два плетеных кресла и низенький столик.

В каждом углу патио стояло по аутентичному тотемному столбу, между которыми крест-накрест были уложены металлические балки, а в центре павильона, где они пересекались, висела люстра из оленьих рогов, которая мягким сиянием освещала окружающее пространство. При желании на балки можно было натянуть тент, но сейчас они были увиты гирляндами с крошечными огоньками, что придавало патио совершенно сказочный вид.

– О Ашер, – вымолвила

Саванна, встретившись с ним взглядом, пока он ставил корзинку на стол. – Какая невероятная красота.

***

Да, подумал он, глядя на ее лицо, освещенное мягким закатным светом. Согласен.

Пока они шли через лес, Ашер не мог держать ее за руку, поскольку нес корзинку, а еще сегодня он не надел протез – впервые за все время с начала их встреч. Когда они выходили из

кабинета, он почувствовал в Саванне внезапную робость, и, откровенно говоря, тоже ощущал себя чуть-чуть скованно. Он не приглашал женщину на свидание больше десяти лет, но очевидно, что сегодняшний ужин – пусть он и не произнес этого слова вслух – был свиданием, верно?

Или нет? В минувшие выходные она приревновала его к несуществующей любовнице – он был в этом уверен. Они стали непринужденно держаться за руки, а в понедельник она даже

поцеловала его в щеку. Но все эти жесты не выходили за рамки того, что могли позволить себе близкие друзья. И хотя расцветающая дружба с Саванной нравилась Ашеру, он хотел от нее много большего, и сегодняшний вечер был первым шагом на пути к тому, чтобы это произошло.

Он достал из кармана айпод и подключил его к установленной снаружи аудио-системе. И через мгновение по роще поплыла тихая музыка.

С удивленной улыбкой она

подняла лицо и огляделась, рассматривая детали.

– Вы сами это построили? – спросила она.

Он покачал головой.

– Не совсем. Мой дед в пятидесятых построил патио и камин. Отец добавил тотемные столбы и балки, чтобы можно было натянуть тент и укрыться от мошкары или непогоды. Ну а я провел электричество и решил разделить патио на место для ужинов и место для отдыха.

– Часто вы здесь отдыхаете?

Он пожал плечами и, открыв корзинку, выудил оттуда одну из двух бутылок вина. Осмотрел ее – хороший винтаж с отвинчивающейся пробкой – и мысленно поблагодарил мисс Поттс, ведь он не смог бы воспользоваться штопором, а затем достал из корзинки два бокала.

– Шардоне? – спросил он.

– Да, пожалуй. С

удовольствием. – Саванна жестом указала на стол. – Мне...?

– Быть может, сначала немного

расслабимся? – Он кивнул в сторону камина.

Ашер смотрел, как она уходит к небольшой зоне отдыха, подспудно надеясь, что она выберет кушетку. И его сердце упало, когда вместо кушетки она присела на краешек кресла, переплела руки и стала играть со своими кольцами. Она нервничала. Это нужно было исправить.

Он протянул ей бокал с вином и, прихватив свой, в одиночестве сел напротив нее на кушетку.

– Вы не замерзли? Можно
разжечь огонь.

Саванна сделала глоток вина.

– Может быть, позже?

*Что ж, это «позже» уже звучит
многообещающе.*

– Можно спросить вас? –
проговорила она.

Он кивнул.

– О чем угодно.

– Вы не говорили прямо, а я не
всегда умею читать между строк,
но... это свидание?

Ее прямота удивила Ашера,
однако он, получив возможность

ответить, испытал некоторое облегчение.

– Да.

– А как же дружба? – спросила она. Ее глаза поблескивали в неярко освещении.

– Дружба – это здорово, – промолвил он и, поставив бокал на столик, что стоял между ними, положил руку на спинку кушетки. Не отрываясь, он смотрел на нее, желая, чтобы она села рядом, не веря, что она здесь, что она с ним, страшась сделать что-то, отчего она бросится

бежать от его лица, от его руки и от его искореженной жизни. Он похлопал по спинке кушетки. – Идите сюда.

Она чуть выпрямилась, и, хотела она того или нет, но от этого движения ее груди под маленьким серебристым топом выступили вперед. Его взгляд переметнулся на них, а после вернулся на ее лицо.

– Мне было невыносимо думать, что выходные вы провели с другой, – прошептала она.

– Я был один. И думал о вас.

– Мы едва знакомы.

– Я же не прошу вас выйти за меня замуж.

– Если я сяду рядом, что вы собираетесь сделать?

Ашер сглотнул. Невероятно, но она была здесь. На свидании с ним. Лучше не надумывать лишнего, потому что все происходящее уже походило на сон. Единственным, что имело значение, был появившийся у него шанс. И он, ухватившись за этот шанс, рискнул и, очертя голову, ринулся вперед.

Не сводя с нее глаз, он твердо ответил:

– Я собираюсь поцеловать вас, Саванна.

Ее глаза округлились, и он услышал, как она сделала легкий изумленный вдох. А потом, спустя бесконечно долгое мгновение, встала и села с ним рядом.

***

Ашер повернулся к ней лицом, и Саванну вновь поразило то, насколько мало теперь

волновали ее его увечья – словно у нее выработался к ним иммунитет или словно без них он стал бы иным человеком. Он нашел ее глаза и, сняв ладонь со спинки кушетки, накрыл ее щеку. Позволив глазам закрыться, она прильнула к его сильному теплу и, когда вино ударило ей в голову, а музыка пошла на подъем, ощутила, как ее коснулись его губы.

Его ладонь, набирая уверенность, соскользнула назад. Пальцы погрузились в волосы,

притягивая ее лицо ближе, и ее сердце заколотилось, пустившись галопом, пока его губы в гипнотическом ритме задевали, прихватывали, пощипывали ее рот. Подавшись вперед, она прижала ладони к его груди, такой твердой, что у нее перехватило дыхание, а он, размыкая ее губы, нежно провел языком от одного их уголка до другого. Ее рот мягко приоткрылся, приглашая его, и когда их языки несмело соприкоснулись, сумасшедшее

томление в ее животе стало таким сильным, что она тихо застонала ему в рот.

Его рука перешла от ее лица к шее, затем опустилась до талии и обвила ее, притискивая Саванну к его груди с такой настойчивостью, с такой силой, что она, чувствуя, как внизу живота разливается жар, вцепилась в его рубашку.

Саванну не раз целовали раньше – неуверенно, неуклюже, страстно, – но это поцелуй лежал в совершенной иной плоскости.

Его вкус, его запах, его ласки были, казалось, созданы с одной-единственной целью: очаровать ее. Их языки сплетались, пока он целовал ее то быстро, то медленно, то влажно, то глубоко, и Саванна, чувствуя, как напрягаются ее соски, а его твердая, будто сталь, рука, сжимается вокруг ее тела, выгнулась и услышала, как из его горла исторгся хриплый, отчаянный, стонущий звук.

Его губы спустились с ее щеки на шею, и он лизнул теплую

кожу в местечке, где бешено бился ее пульс, а потом прижался к нему губами. У нее вырвался прерывистый вздох.

– Ашер. – Дрожа, задыхаясь, она непроизвольно заерзала бедрами ему навстречу.

– М-м-м... – выдохнул он, прихватывая мочку ее уха зубами, отчего она, пронзенная острым удовольствием, снова ахнула.

– О боже. – Тихо всхлипнув, она смочила губы, безуспешно пытаясь восстановить дыхание, пока мир вокруг продолжал

кружиться.

– Твоя кожа словно теплый мед, – прошептал он ей на ухо, и она, задрожав от этого признания, почувствовала, как его ладонь, проскользнув под тонкую ткань топа, легла на ее поясницу. – Такая сладкая, Саванна... Дьявольски сладкая...

Она что-то пробормотала в ответ, плавно обвивая руками его шею. Уткнулась лицом в его плечо, а он крепко обнял ее, так что их сердца застучали, заколотились друг против друга,

и сила новообретенных чувств
пробудила в Саванне бурю
эмоций – и чувство
непобедимости, и страх, и
неудовлетворенность, и желание
большого с этим мужчиной,
который столько лет проживал
свою жизнь в тени.

Отстранившись, он прижался
лбом к ее лбу, и ее лицо овеяло
его жарким дыханием, которое
пахло страстью и чуть-чуть
шардоне.

– Боже, Саванна, – вымолвил
он глухим, хрипловатым голосом.

– Да, – выдохнула она и, разлепив ресницы, увидела, каким одурманенным и глубоким взглядом он смотрит в ее глаза.

– Это было... – Он облизнул губы. Склонившись, прихватил ее нижнюю губу зубами и легонько потянул за нее. – Я даже...

– Я знаю, – пробормотала она, наконец-то придя в себя. И поцеловала его еще раз, мягко и нежно – поцелуем, который говорил «до встречи», а не «прощай».

– Я не хочу останавливаться, –

жарко прошептал он в ее раскрытые губы.

Затрепетав, Саванна крепче обняла его шею, хотя он вовсе не собирался никуда уходить. Сместилась немного, чтобы грудями прижаться к нему теснее, и каждая объятая желанием клеточка ее тела требовала больше обнаженной кожи и меньше одежды, больше огня и меньше всего того, что стояло на пути к высвобождению и разрядке.

Он поцеловал ее, затем чуть

отклонился, чтобы взглянуть на ее лицо.

– Откуда ты появилась, Саванна Кармайл? И почему именно я?

– Из города неподалеку, – пробормотала она, уютно устраиваясь у его плеча и открывая глаза навстречу тысячам белых огоньков над их головами. – Потому что ты сказал «да».

– «Да» – тебе?

– «Да» на мою просьбу дать интервью.

– Может, я сказал «да» брауни твоей матушки.

– Эй, – сказала она, захватив в горсть его волосы на затылке и потянув за них. – Я сама их испекла.

Он рассмеялся, и вибрация его торса, прижатого к ее возбужденным грудям, была и пыткой, и блаженством одновременно.

– Кстати о еде. Детка, ты голодна?

Детка? От этого неожиданного обращения, так

сексуально и ласково слетевшего с его уст, она на миг перестала дышать. Да. Голодна. Я хочу съесть тебя. Я хочу, чтобы ты снова назвал меня деткой. Я хочу почувствовать на себе тяжесть твоего тела. Желательно без одежды, чтобы нас разделял только жар нашей кожи, и...

– Саванна?

– Угу-м, – ответила она с тихим всхлипом. – Умираю от голода.

***

Через стол Ашер наблюдал за

тем, как поблескивают ее глаза, пока она, то и дело отвлекаясь от холодного жареного цыпленка, со смехом рассказывала ему о своем первом задании в нью-йоркской газете: сделать репортаж о владельцах собак, которые не убирают за своими питомцами. Саванна оказалась отличным рассказчиком, а тема была презабавной, но он, хоть и улыбался во всех нужных местах, никак не мог сконцентрироваться на разговоре. Его тело все еще гудело от напряжения после того,

что недавно произошло между ними.

Чтобы переступить с ней черту, ему потребовалось собрать в кулак всю свою храбрость, но все его опасения растаяли, едва он увидел, как ее глаза закрылись, когда он коснулся ее щеки. Ее лицо, озаренное мягким светом, было настолько прекрасным, настолько податливым и доверчивым, что, когда он прильнул к ее губам, внутри него что-то раздвинулось и уступило место чему-то давнему, давно

позабытому, чего он не испытывал много лет и боялся, что никогда больше не испытает. И причиной тому было даже не физическое влечение к прекрасной женщине, но сама Саванна – увлекающаяся и амбициозная, смелая, ревнивая, оступившаяся, которая, казалось, с ужасающей ясностью видела за увечьями его самого – его сущность и его сердце.

Он влюблялся в нее. Теперь он был в этом уверен.

– ... поэтому только представь.

Мне двадцать три, а я, напустив на себя самоуверенный вид, преследую лысого старичка с шитцу, чтобы пристать к нему с вопросом, почему он не убрал за своей собакой. А следом плетется мой фотограф и ворчит, что за такую идиотскую работу можно платить и побольше. – Она усмехнулась и отпила еще немного вина. – Обучение через унижение.

– Что называется, жизненный опыт, – согласился Ашер, приподнимая бокал.

– Знаешь, чего я никак не могу понять? – спросила она, склонив голову набок, а он ощутил, что потихоньку начинает влюбляться в эту ее привычку. – Почему ты отказался от университета Джона Хопкинса. В смысле, ты же с отличием закончил Виргинский, перед тобой были открыты двери в любой медицинский колледж. Но ты вдруг взял и записался в армию. Я восхищаюсь твоим поступком, но не понимаю мотив.

Перед ним вновь оказался журналист, и хотя Журналист-

Саванна ему нравилась, к Саванне-Его-Подруге и Саванне-Дарящей-Поцелуи его влекло чуточку больше.

– Я был на последнем курсе, когда случилось 9/11. И хотел одного: помочь, – ответил он просто, сделав глоток вина. – Но погоди-ка. Я думал, интервью у нас было в четыре.

– О. – Она резко выпрямилась и отпрянула от стола. – Извини, я...

Ашер поморщился. Он вовсе не намеревался стыдить ее.

– Нет. Это ты меня извини.

Это справедливый вопрос,
неважно, для интервью или нет.

– Со мной такое бывает, –
сказала она, хмуро глядя в
тарелку. – И мою сестру это
бесит. Я забываю быть человеком.
Не могу остановить себя от
погони за сюжетом. Любым
сюжетом.

– Мне нравится эта твоя черта,
– сказал он и протянул руку,
положив ее на стол ладонью
вверх. Она не сразу вложила
пальцы в его ладонь, но он

испытал облегчение, когда она, наконец, это сделала. – Мне нравится то, какая ты амбициозная. И я восхищаюсь твоей целеустремленностью.

– Это не всегда плюс.

Подушечка его большого пальца рефлекторно закружила по ее мягкой ладони.

– Что ты имеешь в виду?

– У меня суженное поле зрения. И не только в работе. Когда я чем-то увлечена – по-настоящему, страстно, – то перестаю видеть за деревьями

лес, понимаешь?

– Ты говоришь в общем или о чем-то конкретном?

Она пожала плечами.

– Обо всем сразу, наверное.

– Саванна, я знаю, что тебя уволили. И знаю, за что.

Она подняла голову и, нахмурившись, пристально на него посмотрела. И, должно быть, на всякий случай решила подстраховаться: забрала руку и, взяв бокал, сделала долгий глоток.

– Как я уже говорила, – сказала

она, – у меня есть склонность
терять перспективу.

– Ты ни в чем не виновата.

– Черта с два.

– Виноват был этот ублюдок,

Патрик Монро, – глухо проворчал
Ашер.

– Ты говоришь так, будто
знаешь его.

– А если знаю, ты удивишься?

– Еще как, – ответила она, в
смятении щуря свои карие глаза.

– Мы два лета подряд
пересекались в Кэмп-Дули.

Ее губы приоткрылись в

удивлении, но по выражению ее лица было ясно, что она знает об этом элитарном летнем лагере для мальчиков из верхних слоев общества.

– Шутишь!

– Нисколько. И он уже тогда был засранцем.

Он заметил, как ее глаза вновь засияли – от удовольствия и облегчения.

– Пахнет историей, – сказала она.

– А лживостью и двуличностью?

– Этим тоже. Так каким он был в те времена?

– Надменным.

Харизматичным. Бесхребетным.

– Вижу, ты был от него в восторге, – заметила она бесстрастно.

– Не то слово.

– Богатые мальчишки и их летние лагеря.

– Не равняй нас. Я, может, и живу в пещере, но я не змея.

– А почему только два лета?

– Его выгнали за то, что он путался с парой девиц из

соседнего Кэмп-Кристина.

– Сразу с парой?

– Ты же его знаешь.

– К несчастью. – Взгляд ее

помрачнел, и она за один долгий
глоток допила бокал. – Из-за него
моя жизнь разрушена.

Ее тон – безнадежный,
пораженческий – заставил его
нахмуриться.

– Нет, – произнес он. – Это не
так. «Сэнтинел» не единственная
газета в стране.

– Но самая лучшая.

– С этим можно поспорить. Я

слышал, «Финикс Таймс» за последние пару лет собрала немало наград. А Мэддокс Макнаб, исходя из того, что мне удалось разузнать, мастер добывать горячие репортажи.

– А ты, оказывается, держишь руку на пульсе моей жизни.

– Да, детка, – произнес он низким, тягучим голосом, вспоминая, как ее пульс трепетал под его губами. – Держу.

И по тому, как вспыхнули ее щеки, а язычок выскочил наружу, чтобы облизнуть губы, он понял,

что ее мысли перенеслись в тот же самый момент времени. Пока она сидела, скованно отвернувшись, он заново наполнил ее бокал.

– Ты собирал обо мне информацию, – проговорила она. Взяла бокал, но пить не стала.

– Чтобы знать, с кем я имею дело, Саванна. Я почти десять лет ограждал свою жизнь от внешнего мира. И не мог кого-то впустить в нее просто так.

– Тогда ты знаешь, что у меня слабость к моим... источникам. –

Она испытующе заглянула ему в глаза, и он понял, о чем она спрашивает. *Ты тоже считаешь меня легкой добычей?*

– Никогда, даже через миллион лет, я бы не смел подумать, что у меня есть с тобой шанс, Саванна. – Его голос звучал глухо, сдержанно, и когда она подняла голову, то по ее смягчившемуся взгляду он понял: она знает, что он говорит правду.

Он увидел, как часто стали вздыматься ее груди, как прерывисто она задышала.

Взглянул на ее шею, туда, где бился жилкой ее пульс, и с его телом начали твориться невероятные, удивительные, дарящие надежду вещи.

– Как насчет десерта?

***

Когда приблизилась полночь, Ашер приставил к кушетке кресла, чтобы они смогли вытянуть ноги. Саванна сбросила туфли и, блаженствуя, положила голову ему на грудь, а он обнял ее здоровой рукой. После ужина

они почти все время
проговорили, и лимонные
тарталетки, испеченные ее
матерью, давным-давно были
съедены.

– Чего ты хочешь от жизни? –
спросил Ашер, поглаживая
кончиками пальцев ее плечо,
отчего по ее телу бежала легкая
дрожь. – Где ты хочешь быть
через пять лет?

– Я хочу стать лучшим
журналистом в одной из лучших
газет или журналов страны. Но
заниматься хочу только

местными новостями, не национальными, потому что еще мне бы хотелось осесть. Я знаю, это сказка – идеальная работа, любящий муж, два с половиной ребенка, кокер-спаниель и дом в часе езды от оперы, стадиона и моря, – но все-таки мечтаю попасть туда, в эту сказку. Когда-нибудь. Через пять лет будет в самый раз. – Она сделала глубокий вдох и закрыла глаза, слушая биение его сердца. – А ты?

– Две недели назад я бы ничего

не ответил.

– Ашер, это ужасно.

– И тем не менее это правда.

– А сейчас? Ответишь?

– А сейчас во мне просыпается жадность.

– Хотеть – это прекрасно, – сказала Саванна.

– Хотеть – это мучительно, – мягко поправил ее он, – когда твои шансы получить то, что ты хочешь, равны нулю.

От этих его слов внутри нее поднялся гнев, и она, отодвинувшись, в свете огня

заглянула ему в глаза.

– Прекращай этим заниматься.

– Чем?

– Принижать себя.

– Думаю, я уравниваю себя с реальностью.

– Нет, – яростно возразила она.

– Ты не прав.

Она взяла его лицо в ладони, впервые положив их и на гладкую, и на покрытую шрамами кожу. И, удерживая его, посмотрела ему в глаза – в левый, нормальный, глаз и в правый, глазница которого была

повреждена чертовым взрывом. Она смотрела на этот глаз, пока его веки не закрылись, а потом наклонилась и прижалась губами к истерзанной коже под ним. Затем поцеловала неровную кожи его щеки, уголок рта, и его дыхание стало рваным, в нем забурлила жизнь, сильная рука рывком привлекла ее к нему на колени, его рот раскрылся, зацеловывая ее – яростно, точно он внезапно сошел с ума, – заставляя ее забыть обо всех поцелуях, которые были у нее

прежде.

Обхватив его за шею, она задвигалась на нем, пока его ладонь скользила по коже ее спины на живот и выше и наконец накрыла поверх кружева лифчика ее грудь. Он нежно мня ее плоть, его растущая эрекция толкалась меж ее бедер, а она снова и снова вжималась в него, понуждая не останавливаться.

Он всосал ее язык в рот, и в тот же миг его пальцы нашли ее сосок, перекачивая и дразня его, пока он не стал твердым, чтобы

затем перейти ко второму. Она запуталась пальцами в его взлохмаченных волосах, стискивая их, дергая за них, выгибая спину, пока все внутри нее плавилось и становилось влажным от желания, вожделения, от томления по нему.

Она все раскачивалась на нем, а его рука тем временем соскользнула с ее груди и, поднявшись вверх, накрыла ее щеку. Его поцелуи стали мягче, неспешнее; он все легче, все нежней прихватывал ее губы,

тихо шепча:

– Саванна, Саванна, Саванна...

– Не останавливайся, –

выдохнула она.

– Надо.

– Не надо.

– Я никого и никогда не хотел

так сильно, как хочу тебя, –

произнес он, покрывая

поцелуями ее шею.

– Возьми меня, – попросила

она, всхлипнув, когда он лизнул

местечко, где ее шея переходила в

плечо.

– Детка, ты наверняка

пожалеешь об этом, – сказал он погустевшим от страсти голосом, продолжая целовать ее шею и обнаженную кожу груди, проводя кончиками пальцев по краю ее лица, и когда его большой палец мягко нажал на ее горло, она почувствовала себя уязвимой – полностью в его власти. Но она доверяла ему. И ей это нравилось.

– Нет. Не пожалею, Ашер. Ни капельки.

Он тихо рассмеялся у ее теплой груди, потом отстранился и взглянул ей в лицо.

– Мы прикончили две бутылки вина.

– Я не пьяная.

– Я знаю, – промолвил он мягко. – Но и не трезвая тоже.

Что я буду за джентльмен, если воспользуюсь твоим состоянием?

Он поцеловал ее в лоб и, глубоко дыша, помог спуститься со своих коленей, а потом, когда она вновь прильнула к его груди, вздохнул.

– Дело не в том, что я не хочу, – сказал он. – Хочу. Ты даже не представляешь, как сильно.

– Представляю, – ответила она, опуская глаза туда, где бугрился перед его брюк.

Он неловко поерзал на кушетке.

– Ну, что я могу сказать? Так уж ты воздействуешь на меня, Саванна Кармайкл. Я глина в твоих руках.

– Скорее цемент.

– Саванна, – предостерегающе произнес он.

– И, увы, не в моих руках.

– Саванна!

– Хотя мне бы очень того

хотелось.

– Иисусе.

– Пятилетний план, –

напомнила она ему шаловливо. –

Я хочу его знать. Только на сей раз без чепухи о невозможности получить то, что ты хочешь. Я ведь здесь, верно?

Его низкий голос был переполнен эмоциями, когда он ответил:

– Да, детка. Ты здесь.

Она прижалась к нему теснее, и они разговаривали, пока не взошло солнце, а после,

убаюканная биением его сердца,
она уснула.

Глава 8

Когда наутро Ашер проснулся, то первым, что он почувствовал, было восхитительное ощущение тяжести на груди, куда Саванна положила голову. А вот первым, что он увидел, было неодобрение на лице мисс Поттс, которая, подбоченившись, возвышалась над ними.

Ашер моргнул, и его рука, обнимающая Саванну,

напряглась, точно защищая ее.

– Звонила ее мать.

– Ее мать? – сонно

переспросил он.

– Спрашивала, где ее дочь, раз уж она не пришла ночевать.

– Она, наверное, забыла позвонить. Мы разговаривали до рассвета.

– Ее мать была *очень* встревожена.

– Мисс Поттс, она взрослая девушка. Ей двадцать шесть.

– Скажите это Джуди Кармайл. – Мисс Поттс поджала

губы. – А как же ее репутация?

– Сейчас не девятнадцатый век.

– К счастью для вас, иначе Фрэнк Кармайкл уже заряжал бы свое ружье. А она стала бы новой миссис Ли.

Он отказался клевать на эту приманку, пусть его сердце и зачастило от самой идеи.

– Гм, – хмыкнула мисс Поттс. – Давайте будите ее и приходите домой. А я пока сделаю яичницу, чтобы она поела перед уходом.

Когда она повернула к дому,

Ашер окликнул ее – негромко, чтобы не разбудить свою Спящую красавицу.

– Мисс Поттс.

Она оглянулась, сохраняя на лице неодобрительное выражение.

– Она дорога мне. Очень.

– Когда тебе кто-то дорог, нужно действовать в лучших его или ее интересах. Всегда. Без исключения. – Она поднесла палец к подбородку и задумчиво им похлопала. – Надо бы к воскресенью испечь что-то

особенное. В знак примирения.

Ашер усмехнулся.

– Мамин пирог с персиками?

– Точно. – И мисс Поттс,

одобрительно кивнув,

направилась к лесу.

Саванна пошевелилась во сне, прижимаясь к нему, и Ашер, целуя ее в макушку, обнял ее чуть крепче. Расслабившись, она задышала ровно и глубоко.

Он прокрутил слова мисс Поттс в голове. *Когда тебе кто-то дорог, нужно действовать в лучших его или ее интересах. Всегда. Без*

исключения.

Саванна – молодая, прекрасная, полная жизни – была на восемь лет его младше. Что бы она ни написала для «Финикс Таймс», статья выйдет блестящей, и она уедет из Дэнверса – и от него. Его сердце завязывалось в узел при мысли о том, что после сегодняшней ночи он ее потеряет. Но ничего не поделаешь, такова была ее мечта: стать лучшим журналистом газеты в большом городе.

Для него же покинуть Дэнверс

– и убежище своего дома – было, как и раньше, немыслимо.

У них не было будущего. Он, безусловно, не мог попросить ее вместе с ним скрываться в тени. Равно как не мог последовать за ней в город, где люди станут таращиться на него как на уродца, как на чудовище – кем он и был. И это еще вопрос, будет ли он интересоваться ее где-либо, кроме уединенного пространства его дома в Дэнверсе. Нет. У Ашера Ли и Саванны Кармайкл не было будущего.

Дело в том, что серьезная трагедия меняет тебя навсегда. Ты становишься очень сдержан в своих ожиданиях.

Довольствуешься малым.

Живешь подачками. Терпишь испытания, понимая, что жизнь ничем тебе не обязана. Ты ничего не ждешь, и когда внезапно случается чудо, ты не веришь в него. Ты знаешь: оно не продлится вечно.

С тихой тоской он снова поцеловал Саванну в макушку. Когда придет время, он отпустит

ее. Но сейчас, несколько недель, она будет принадлежать ему, и ничто – ничто – не заставит его уйти от нее, пока не придет пора расставаться.

***

– Я решила, – в четверг за ужином объявила Скарлет. – Вегас! Улет, правда? Девичник в Лас-Вегасе, Вэн!

Саванна покосилась на нее, сидя и считая минуты до момента, когда будет можно выйти, наконец, из-за стола и

забраться в кровать. Не
выспавшись за несколько часов,
проведенных в объятьях Ашера,
она чувствовала себя уставшей и
раздражительной. Хотя, появивсь
он здесь прямо сейчас, ее
настроение мгновенно
улучшилось бы.

Она вздохнула с некоторым
отвращением к себе. Опять она
впала в то самое состояние.
Жалкое состояние, когда сделать
тебя счастливой может лишь
один-единственный человек на
свете, и каждая секунда вдали от

него кажется зря потраченным временем. Безднадежное состояние, когда тебя так сильно влечет к нему, что ты перестаешь связно соображать, скучая по его ласкам, вспоминая, как его взгляд смягчался, когда он смотрел на тебя, или как из его горла рвался стон, когда он...

– Господи боже, Саванна! Ты меня слушаешь?

– Следи за языком, Кэти Скарлет! – прогремел их отец Фрэнк, после чего опять уткнулся в свои запеченные бобы.

– Она подружка невесты, а девичником занимаюсь почему-то я. Мама! – вскричала она, обращаясь к матери за поддержкой.

Джуди повернулась к старшей дочери и мягко заговорила:

– Пуговка, как тебе идея поехать в Лас-Вегас?

– Скарлет ненавидит Нью-Йорк. А он само спокойствие по сравнению с Вегасом. Вот как мне эта идея.

Скарлет встала и, скомкав салфетку, швырнула ее на стол.

– Саванна Калхун Кармайкл, ты... *худшая* подружка невесты на свете! – Она выбежала из столовой, и у Саванны появилось стойкое предчувствие, что в следующие несколько минут над их головами будут литься слезы и летать подушки.

Саванна вздохнула, чувствуя себя обессиленной, жалея, что огорчила сестру, и еще жалея себя – ведь они встретятся с Ашером только завтра, а она мучительно скучала по нему, пусть он и жил всего в

пятнадцать минут езды.

Она взяла брошенную сестрой салфетку и медленно сложила ее, а затем сложила свою.

– Я пойду поговорю с ней, мама.

Джуди остановила ее, взяв за руку.

– Поговори сначала со мной.

– Все нормально. Я просто устала.

Ее отец – эксперт по части определения назревающего женского разговора – откашлялся и вышел из-за стола, сославшись

на скорое начало своей любимой телепередачи.

– Ты вчера сильно припозднилась, Саванна. У тебя что-то серьезное с этим парнем?

– С Ашером? О. Не знаю, – проговорила она. – Он мне нравится. Это я знаю точно. Что до остального... мы пока слишком мало знакомы.

– Ты ему тоже нравишься.

– Я знаю, мама.

– Тогда почему у тебя такой несчастный вид?

– Честно? Я бы засияла как

пуговица, если бы прямо сейчас он оказался здесь.

– А, – кивнула ее мать. – Вот оно что.

– И мне нужно писать статью, а я пообещала описать в ней нашу дружбу – как мы неожиданно сблизились, – но мне кажется, мы теперь больше, чем просто друзья, и я не уверена, можно ли об этом рассказывать. Но если я этого не сделаю, то потеряю шанс получить работу. А мне очень нужна эта работа, мама. У меня нет вариантов. Я

обязана ее получить.

– Думается мне, тебе стоит поговорить с Ашером. Убедиться, не против ли он.

– А это важно? – спросила Саванна, чувствуя себя продажной. – Ее ведь не напечатают в Дэнверсе, а он никогда отсюда не уезжает. И мне нужна эта статья. – Вся съездившись, она закивала головой. – Важно. Конечно же, это важно. Я знаю. Важно настолько, что сдает меня изнутри.

Джуди потрепала дочь по руке.

– Ты поступишь правильно, пуговка. Я уверена.

Хотела бы Саванна иметь ту же уверенность.

– Пойду, поговорю со Скарлет.

– Она выходит замуж, –

напомнила ей мать. – Знаю, наша Скарлет встречается с Трентом Гамильтоном целую вечность, но, Вэн, она имеет право немного понервничать. И ей хочется, чтобы старшая сестричка была с нею рядом – только и всего.

– Я понимаю, мама. Я попрошу у нее прощения.

– Но Вегас – это кошмарная идея.

Саванна улыбнулась – впервые с тех пор, как вышла из дома Ашера этим утром.

– Мертл-Бич подойдет ей намного лучше.

– Ты моя умница! – воскликнула, просияв, Джуди и вновь потрепала ее по руке.

***

В пятницу в полдень Саванна

отправила Мэддоксу новую часть всеамериканской истории Ашера Ли и в напряжении стала ждать ответа. Ее телефон зазвонил в 12:30.

– Кармайкл? Мэддокс Макнаб. Я прочитал твой текст.

– И?

– Чего-то не хватает. Ты что-то недоговариваешь.

– Что вы имеете в виду?

– В целом все отлично, но куски *о нем* ни то, ни се. Ты словно боишься сказать лишнее. Тот ужин в роще... это было

свидание?

Саванна поморщилась. Она так старалась подать его как обычный дружеский ужин. Очевидно, не удалось.

– Полагаю, да, сэр.

– Позволь дать тебе один совет, Кармайкл. Или пиши от сердца, или не пиши вообще. Ты на него запала, на этого Ашера?

Саванна стиснула зубы. Она обещала статью, а не исповедь о своей личной жизни. Это выглядело, как торговля собой. Хуже того. Как торговля Ашером.

– Твое молчание говорит само за себя. Вот она – суть, Кармайкл. Как ты пришла за интервью, а в итоге влюбилась. Вот такую историю я хочу. Вот такая история мне нужна. Над такой историей в день Четвертого июля мои читатели будут охать и ахать. Упертая красотка-репортерша, запавшая на таинственного обезображенного ветерана войны. «Красавица и чудовище» со «Звездно-полосатым» на фоне. Не нравится? Не пиши, и мы разбежимся. Решение за тобой.

– Но мистер Макнаб, –
вскипела она, – я могу сделать
отличный материал о ранениях
Ашера Ли, о том, как город от
него отвернулся, о том, сколько
он читает, как учился в
университете, как готовился
поступить в медицинский, но
вместо этого решил послужить
своей стране. Его история
удивительна. Он сам
удивительный. А я никто и
ничто. Никто не захочет читать
историю *обо мне*.

– Неверно! – проревел Мэддокс

Макнаб. – Плохо, что приходится проговаривать это вслух, Кармайкл, но здесь и сейчас суть истории – ты. Наша цель – привлечь интерес читателей. Я читатель. И мне интересно. Или перепиши статью к завтра, или больше со мной не связывайся. – И с этими словами он повесил трубку.

Чувствуя, как кружится голова, Саванна опустила телефон на колени. Вот черт. Она попала в безвыходную ситуацию. А она, черт номер два, ненавидела

безвыходные ситуации. Должен быть какой-то другой способ. Интервью с другим человеком, другим солдатом, которому будет о чем рассказать. Но нет. Другая история Мэддокса Макнаба не интересует. Он уже зацепился за эту.

Тяжело вздохнув, она откинулась на кровать и уныло уставилась в потолок. Что бы ни происходило между нею и Ашером, оно было слишком трепетным, слишком прекрасным, чтобы использовать

их отношения в качестве заправки для газетной статьи. Было низостью даже рассматривать такую возможность. Но ведь она хорошо пишет, разве нет? Так говорили все ее университетские преподаватели, и до своего позорного падения она считалась восходящей звездой «Сэнтинел». Неужели у нее не получится придумать, как угодить Макнабу, не выставляя на всеобщее обозрение самого скрытного мужчину на свете? *Должно получиться.*

И тут ее осенило. Работая в «Сэнтинел», она порой публиковалась под псевдонимом Кассандра Калхун – в честь матери, Джудит Кассандры Калхун Кармайкл. Что ей мешает сейчас поступить так же? Конечно же, ничего! Она будет Кассандрой, а Ашер... Ашер будет Адамом. Если не упоминать Дэнверс, можно писать, о чем душа пожелает, и прайвеси Ашера будет защищено. Лучше не придумаешь!

***

В пятницу Ашер сам встречал ее у порога. Как только она вошла, он взял ее за руку и привлек к груди. Без ее историй, дразнящих шуток и умопомрачительных поцелуев часы текли медленно, и сейчас он хотел одного: провести с нею максимальное количество времени прежде, чем она снова его оставит.

– Я так соскучилась, – выдохнула она ему в щеку, отчего все его тело напряглось.

– Я тоже.

– Ужасно быть настолько одержимой.

– Согласен.

– Я давно не ощущала себя такой живой.

– И я.

– К черту интервью, – выдохнула она. – Идем обниматься.

И он узрел звезды. В буквальном смысле этого слова. Звезды. Неужели все это правда? Прекрасные женщины не появляются на пороге солдат-

инвалидов и не делают им
подобные предложения.

– Ты инопланетянка? –
спросил он.

– Вроде бы нет.

– Нас снимает скрытая камера?
Она огляделась.

– Тут не угадаешь, но вряд ли.

– Кто-то заплатил тебе кучу
денег, чтобы ты проделала со
мною все эти вещи?

Закусив губу, она сделала вид,
что задумалась.

– Не припоминаю, но если мне
на счет внезапно свалится

миллион долларов, я отдам тебе половину.

– Значит, ты настоящая.

Отлично. Ты победила. Идем обниматься.

Они поднялись по лестнице, но на сей раз, оказавшись вверху, свернули не налево, а направо, в западное крыло, где, минуя одну ореховую дверь за другой, дошли по коридору до последней, шестой двери. Там Ашер остановился. Отпустил ее руку и, отступив назад, завладел ее взглядом.

– Моя спальня. Твои правила.

Она усмехнулась и повернула ручку.

– На всякий случай, –

произнесла она, остановившись на середине комнаты, пока он закрывал дверь. – Я сказала «обниматься», а не «заниматься сексом».

Его глаза округлились – как всегда, когда она шокировала его до глубины души.

– Просто я хотела ненадолго забрать тебя для себя, – прибавила она тихо.

– Саванна, с моей стороны было бы слишком самонадеянно даже предположить, что у нас будет секс.

Она заправила каштановую прядку за ухо, и у него дернулись пальцы, вспоминая мягкость ее волос. Его нос вспомнил, что они пахли лимонами. Его тело вспомнило, что они находятся на голове, которая находится на теле, на котором в свою очередь находятся самые роскошные груди из всех, какие он был удостоен чести ласкать. Перед его

брюк вновь начал натягиваться.
Он быстро сел на кровать и
положил ногу на колено.

Саванна оглядела его комнату.
– О.

Она подошла к комоду и взяла
в руки фотографию, снятую
летом, когда ему исполнилось
шестнадцать. Последнюю
фотографию, на которой он был с
родителями. Провела кончиками
пальцев по стеклу и повернулась
к нему лицом.

– О, Ашер.

Ну разумеется. Она ведь не

знала, какой была его внешность до взрыва. Что ж, теперь она знает, каким он был. И понимает, насколько все плохо. Он отвернулся, приготовившись проводить ее обратно в безопасное пространство своего кабинета, где они сядут на расстоянии друг от друга, а он – пока его сердце будет чахнуть и умирать в груди – начнет рассказывать ей о том, как служил в армии.

Когда Ашер поднял голову, она смотрела на него со слезами в

глазах, и он внутренне сжался.

– Это твои родители.

Он не мог говорить.

– Это ты со своими

родителями.

Он кивнул.

– Не представляю, как сильно

ты, должно быть, по ним
скучаешь.

Она бережно поставила
серебряную рамку на место и,
подойдя к постели, села с ним
рядом.

Он повернулся к ней.

– Саванна... – начал было,

собираясь предложить вернуться в кабинет, чтобы избавить ее от необходимости сочинять оправдания – из доброты или из ложного чувства, будто она что-то ему должна.

– Ашер. – Она положила руку ему на грудь и подтолкнула, укладывая его на кровать, а после устроилась рядом. – Поцелуй меня.

Благодаря бога за очередную отсрочку, он перекатился на нее и, опершись на локти, с яростной нежностью накрыл ее щеку

ладонью.

– Ты пугаешь меня.

Она улыбнулась и заерзала под ним, прижимаясь бедрами к его бедрам.

– Я безобидна.

– Ты смертельно опасна.

– Я жду.

И тогда его губы прильнули к ее губам, и ей не пришлось больше ждать.

***

Кончиками пальцев Саванна исследовала тугие мышцы его

спины, пока он целовал ее, отвоевывая обратно территорию, которую захватил в среду, и она вздохнула ему в рот – от радости, что они опять вместе, что все испытанное ею той ночью нахлынуло снова совершенным потоком жара, страсти и счастья.

Боже, что с нею творится? Она захотела Ашера Ли. Она больше не могла переступить порог его дома без того, чтобы сразу же не потребовать его поцелуев, его тела, прижатого к ее телу, его языка, ласкающего, омывающего,

засасывающего ее язык. Она потеряла перспективу. И, вероятно, вела себя глупо.

Но в данный момент, под восхитительным весом его тела, это не имело ровным счетом никакого значения. Ничто не имело значения, кроме желания быть с ним и использовать каждую секунду по максимуму. Она спустилась ладонями к его талии и, вытащив из-за пояса рубашку, потянула ее вместе с нижней вверх, пока под ее пальцами не оказалась его

обнаженная, тугая, горячая кожа. Ашер оторвался от ее рта, но только затем, чтобы, взявшись сзади за обе рубашки, стянуть их через голову, после чего он вновь нашел ее губы и, перекатив ее на бок, проник ладонью под ее футболку.

Она хотела одного: скорее почувствовать его своей пылающей, разгоряченной кожей, и потому, чтобы ему было проще снять с нее верх, завела руку за спину и расстегнула застежку лифчика. А потом

между его торсом и ее грудью не осталось ничего. Совсем.

Он потянулся к ее груди.

Мягко разминая перевозбужденную плоть, поцеловал ее подбородок, шею, постепенно перемещаясь все ниже, затем поймал губами ее твердый сосок и закружил по нему языком, прежде чем нежно всосать его в рот.

Вспышка молнии прострелила ее от соска до ноющей плоти меж ног, и она выгнулась навстречу источнику своего наслаждения, и

застонала тихонько, когда он перешел ко второй груди и принялся любить языком ее упругий розовый кончик, чтобы после легко пососать так же, как его близнеца.

Погрузившись руками в его волосы, Саванна задрожала, забилась под ним, молясь, чтобы он не останавливался. Все ее тело стало точно наэлектризовано, напряженное и горячее глубоко внутри, там, где, подобно неразорвавшейся бомбе, моля о высвобождении, закручивалось

спиралью желание.

– Ашер, – прошептала она. –
Пожалуйста...

Не прекращая посасывать и ласкать языком ее сосок, он проник ладонью за пояс ее шорт, затем в трусики и через мягкие завитки к складкам плоти, где нашел набухший бугорок и начал нежно его поглаживать.

Из горла Саванны вырвался сдавленный звук. Она запрокинула голову. Сдвоенное ощущение его губ на соске и его пальца на ее возбужденной плоти

было почти непереносимо сладким. Внутри нее начало нарастать давление, и она почувствовала, как он вошел в нее пальцами, подушечкой большого продолжая умопомрачительно ласкать ее плоть.

– О боже, не останавливайся! – простонала она, потом вскрикнула и, когда его зубы сомкнулись на ее соске, выгнулась всем телом, пульсируя, содрогаясь, истекая влагой и жаром и распадаясь на части. Он плавно поднялся по ее телу вверх

и поцеловал в расслабленные губы, а после привлек к своей широкой нагой груди и держал, пока не она перестала дрожать, пока не смогла сделать глубокий вдох, пока вновь не пришла в сознание.

***

– Тебе было так же хорошо, как и мне? – поддразнил ее он, даже не пытаясь скрыть свое удовлетворение.

– Лучше, – пробормотала она, поднимая на него затуманенный,

изумленный взгляд.

– Как мы себя чувствуем?

– Божественно. – Она

испустила долгий вздох. – Для человека с одной рукой ты до странного напоминаешь Вишну. Везде и всюду одновременно.

– Приходится обходиться чем есть.

– И получается, надо сказать, блестяще. – Она помолчала. – Много практиковался?

– Напротив. У меня никого не было после того, как...

– Никого? За все восемь лет?

Господи боже, Ашер. Как же ты жил?

– Как ты верно заметила, у меня осталась одна рука.

– Фу, – сказала она, безуспешно пытаюсь не захихикать. – Значит я...

– Счастливая обладательница накопившейся за восемь лет похоти.

Она взглянула на него, приподнявшись на локте.

– С ума сойти.

Его глаза упивались ею.

– А я схожу с ума по тебе,

детка.

– Тогда поцелуй меня еще раз.

Через час, вдоволь

нацеловавшись, она натянула футболку, но они остались в его постели и улеглись на бок лицом друг к другу. Он подложил под свое истерзанное лицо свой истерзанный локоть, представляя, что так будет выглядеть для нее почти нормальным, хоть она, кажется, и не замечала больше его уродства.

– Сейчас вечер пятницы, – промолвил он. – Ты молода и

прекрасна. Почему ты не на свидании?

– Я на свидании. Здесь.

– И никого больше на примете нет?

– Ты правда считаешь, что где-то в Дэнверсе можно найти лучший оргазм, чем тот, который я только что получила в этой постели, мистер Волшебные Пальчики?

– Саванна, я серьезно.

– Заткнись, Ашер. Ты меня раздражаешь.

– Хорошо. Но не говори потом,

что я не предлагал тебе путь к отступлению.

– А что, похоже, будто я его ищу?

– Я вынужден прятаться. А ты – нет.

Она нахмурилась.

– Вынужден?

– Да. Я пугаю маленьких детей. Да и взрослых, черт побери, тоже.

– Меня ты не пугаешь.

– Потому что ты инопланетянка.

– А ты умеешь польстить девушке.

– Я же предупреждал тебя, что неотесан.

– Неотесан он, скажите пожалуйста, – проговорила она. – Да ты отесан получше, чем я, после всех своих лагерей для хороших мальчиков и университетов. Я еще не встречала мужчины, который был бы настолько требователен к себе. – Она наклонилась и нежно поцеловала его. – Расскажи мне о Мэриленде.

Ашер поморщился, не готовый делиться с нею

подробностями своей поездки. Слишком тяжело, слишком серьезно это было. Он не хотел, чтобы, лежа с ним рядом, она думала о пересадке кожи, реконструкции лица, образцах протезов и прочих подобных вещах.

– Был осмотр. – Он пожал плечами. – Как обычно.

– Ты когда-нибудь думал о том... чтобы что-нибудь сделать?

Черт, он не хотел обсуждать эту тему. Особенно с ней. И попытался придумать ответ без

упоминания крови, ран и
нестерпимой боли.

– Ну... хм... у них есть
довольно неплохие бионические
конечности.

Ее лицо оживилось.

– Звучит многообещающе.

– Я терпеть не могу надевать
протез.

– Почему?

– Я так и не привык к нему. Он
натирает культю, и после с нее
несколько часов не сходит
краснота. Может, все дело в том,
что я редко его ношу, или он

плохо подогнан.

– Но бионическая рука тебя, похоже, заинтересовала.

Пусть неохотно, но он был вынужден с ней согласиться.

Ашер заговорил на эту тему в основном для того, чтобы увести разговор от операций, но сейчас, когда они начали ее обсуждать, осознал, что она действительно ему интересна.

– Сама технология изумительна. Пальцы прямо как настоящие, могут взять любой предмет. Я сам видел, как один

пациент подобрал со стола монетку. Там есть суставы, представляешь? Их связывают с оставшимися нервами, чтобы мозг мог передавать сигналы. Невероятно.

Саванна улыбнулась.

– Звучит просто потрясающе.

– Да, но я не знаю... Придется привыкать к ней, учиться, как ею пользоваться. Я и так нормально справляюсь, понимаешь? С тем, что есть. – Разговор был ему неприятен, все в нем восставало против помощи, против лечения,

но тем не менее он старался сохранять голос спокойным и ровным.

– Ты справляешься просто отлично. – Костяшками пальцев она коснулась его лица, и он прислонился к ее ладони. – Но ты говорил с таким воодушевлением. И я надеюсь, ты все же попробуешь.

Ашер знал, что она просто старается быть милой. Знал. Однако ее замечание задело его, поскольку оно прозвучало так, будто ему нужны какие-то

улучшения. Они были ему нужны, эти улучшения, но слышать об этом от нее ему не понравилось.

– Зачем?

– Затем, что это может сделать твою жизнь лучше.

Бинго.

– У меня и так все прекрасно.

– Нет, – сказала она. – Не прекрасно.

Он отшатнулся, словно она ударила его, и от внезапного прилива адреналина ему стало трудно дышать.

– Что?

– Ашер, ты самый стойкий, самый умный и самый интересный человек из всех, что я знаю. Но, по своему же собственному признанию, ты прячешься. Жизнь проходит мимо, тогда как ты должен жить. Пусть от мира прячутся подонки, вроде Пата Монро. Ты же герой.

– Ты не представляешь, каково это, – сказал он, стараясь оставаться спокойным и напоминая себе, что ее слова – всего лишь проявление участия,

попытка как-то помочь.

– А ты сам? Когда ты в последний раз выезжал в город?

– В понедельник. К тебе домой,
– ответил Ашер натянуто.

– Я имею в виду в магазин или в ресторан. В Дэнверсе есть пара отличных ресторанов.

– Они доставляют на дом, – отпарировал он.

– Все это очень грустно. Мне грустно – из-за тебя.

– *Проклятье!* – Жалость? Не нужна ему ее чертова жалость. Сердце его неприязненно

заколотилось, и он сжался. Было невыносимо чувствовать, как Саванна – женщина, благодаря которой он впервые за долгие годы ощутил себя живым и сексуальным – смотрит на него сквозь эту призму, не как на мужчину, а как на какого-то хилого калеку. И он, сузив глаза, обрушился на нее: – Не дай бог тебе «грустить» на мой счет. Если тебя не устраивает, как я проживаю свою жизнь, то тебе обязательно быть ее частью, Саванна.

Она вздрогнула, когда он выругался, и теперь, шокированная, глядела на него глазами огромными, точно блюдца.

– Я... я не хотела...

– Поверь, все это я уже слышал раньше. И выслушивать еще и от тебя не хочу.

– О, – вымолвила она и прикусила нижнюю губу. – О.

Ему не нужен был кто-то, кто заставлял бы его измениться. И если Саванна Кармайкл явилась к нему именно с этой целью – с

миссией милосердия, с желанием
помочь несчастному калеке
вернуться в любящие объятия
общества с помощью
бионических рук и пластических
операций, – то лучше им
разойтись прямо сейчас. Это его
тело и его решение. Только его.

– Наверное, тебе лучше уйти, –
сжато проговорил он.

Пришел ее черед отшатнуться.
Ее глаза заблестели от слез, и
она, откатившись от него, села и
свесила ноги с кровати, а он,
несмотря на боль в сердце,

заставил себя не оборачиваться и продолжил смотреть в потолок.

– Я не хотела тебя расстраивать, – сказала она тихо, и он расслышал в ее голосе сдерживаемые слезы.

О, черт! Она что, сейчас заплачет? Проклятье, он вовсе не собирался... Черт!

Он просто не хотел, чтобы кто-то пришел и стал его исправлять. Она понятия не имела, какие мучения ему пришлось пережить во время операций в Сан-Антонио. Неделю за неделей его

кромсали и зашивали, пытаюсь
восстановить нормальный облик,
но ничего не вышло. Ничего. Он
вернулся домой уродом.

Она встала. Повернувшись к
нему спиной, одернула футболку.
Он услышал, как она тихо
шмыгнула носом, и у него
скрутило сердце, когда его
пронзила новая эмоция: паника.

В его жизни наконец-то кто-то
появился, и что же он сделал?
Оттолкнул ее после нескольких
сказанных с самыми благими
намерениями фраз, которые, так

уж вышло, были для него триггерами.

Что ты творишь, Ашер? Ты смятил? Она не хотела тебя расстраивать. Проблема в тебе, а не в ней. Попроси у нее прощения. Исправь все. Бога ради, не смей допускать, чтобы она вот так ушла.

– Саванна, – заговорил он уже мягче. – Подожди. Пожалуйста. Я... Я не нарочно. Я просто не хочу, чтобы ты...

– Я ухожу домой, – пробормотала она и выбежала из

спальни прежде, чем он успел сказать еще хоть одно слово.

– Саванна!

Соскочив с кровати, он потрусил следом за ней по коридору со всей скоростью, на которую была способна его дрянная нога. Ходить он мог без проблем, но для бега нога была не приспособлена, и потому, когда он, преодолевая боль и жжение, добрался до лестницы, за Саванной уже захлопнулась дверь.

– Да будь оно все проклято! –

взревел он, опускаясь на ступеньку с пульсирующей болью в ноге.

Внизу словно из ниоткуда возникла мисс Поттс. Уперев руки в боки, она поджала губы и покачала головой.

– Что-то подсказывает мне, что эту ситуацию пирогом с персиками не исправить.

Глава 9

**Когда ты впервые
приводишь его домой и
знакомишь с семьей**

Саванна проплакала всю дорогу домой, а потом до изнеможения рыдала в постели. Проснувшись в субботу, она поняла, что плакать ей больше нечем, и потому открыла лэптоп и начала переписывать текст о вечере в роцце. Но вот беда. Ей было больно вспоминать роццу. Очень больно, потому что всю сладость Ашера затмили его вчерашние слова. *Если тебя не устраивает, как я проживаю свою жизнь, то тебе необязательно быть ее частью, Саванна.*

Когда она вспомнила, с каким суровым холодом в глазах он произнес эту фразу, ей опять захотелось плакать.

Она слышала, как Ашер звал ее, пока бежала по лестнице, но не остановилась, полная решимости не показывать ему свои слезы и любой ценой выбраться из его дома до того, как они прорвутся наружу. В глубине души ей было любопытно, что он хотел сказать. Объясниться? Попросить прощения? Впрочем, неважно. Важным было другое:

Ашер не был заинтересован
меняться, а она не могла
разделить образ его жизни. В его
большом коричневом особняке на
холме было место только для
одного. Она не собиралась
уходить в тень только потому, что
он боялся дать миру второй шанс.

Если он хочет проживать свою
жизнь именно так, то лучше им
разойтись прямо сейчас.

Предположение, что плакать
ей больше нечем, было быстро
опровергнуто, когда ее глаза
обожгли новые слезы.

«Разойтись» звучало ужасно. Просто кошмарно. Не имело значения, что они были знакомы всего пару недель. Ашер стал дорог ей. Очень. Возможно, она даже начала влюбляться в него.

О, дьявол.

Что? Она влюбляется в него?

Нет, черт возьми. Этого не должно было случиться. Только не после Патрика. Не-а. Нетушки. Ни за что.

Она не влюбляется в Ашера Ли. Она этого не допустит. Она одержима им, и не более того.

Одержима его остроумными замечаниями, его дразнящим шармом и головокружительными оргазмами, подаренными одной рукой. Хороший оргазм и правда может сразить девушку. Это одержимость, а не любовь, сестренка. Посмотри в лицо фактам.

Точно. Факты. Они все расставят по полочкам.

Не обращая внимания на курсор, который своим миганием напоминал ей о том, что нужно редактировать статью, она

открыла поисковик, напечатала «одержимость определение» и нажала «enter».

О-дер-жй-мость. Глупая, беспричинная или безрассудная страсть либо увлечение.

Глупая? Влюбиться в отшельника? Есть.

Беспричинная? Не основанная на здравом смысле и не ведомая им? Есть.

Безрассудная страсть? Она попыталась не думать о том, как он целовал ее, но не удержалась, подумала и внезапно ощутила

себя с головы до ног невероятно
безрассудной и страстной. Черт
побери. Есть.

И все же.

Глупая? Влюбиться в
интересного, начитанного,
остроумного, заботливого и
любящего мужчину?

Вычеркиваем.

Беспричинная? Каждая
клеточка ее тела кричала о том,
что Ашер самый надежный,
самый достойный мужчина из
всех, что она встречала.

Настоящий герой. Джентльмен.

Здравый смысл призывал ее сделать все, что угодно, чтобы не потерять его. Черт. Вычеркиваем.

Безрассудная страсть? Да, он обращался с ее телом с виртуозностью музыканта, играющего на скрипке за миллион долларов, но в их страсти присутствовала и осмотрительность. Разве в среду он не остановил их от занятия любовью? И разве она не сделала то же самое в пятницу? В их действиях не было глупости или опрометчивости. Они вели себя

как взрослые люди, несмотря на
свою обоюдную
головокружительную страсть.
Вычеркиваем-ко-всем-чертям.

Саванне не нужен был
словарь, чтобы выяснить то, что
она уже знала. Их с Ашером
связывало нечто большее, чем
обычная страсть.

Ей оставалось одно... верить,
что оно далеко не закончено.

***

*Самобичевание – не лучшее
занятие, чтобы встречать*

солнечную и ясную субботу в июне, подумал Ашер. Перекатившись на спину, он потревожил простыни и, уловив слабый аромат лимонов, захотел избить себя до кровавых синяков. Из всех идиотских, эгоистичных, тупоголовых поступков он выкинул худший. Он оттолкнул единственную женщину в мире, которой он нравился и которая ухитрилась разглядеть за его увечьями его самого. Болван. Ты ее не заслуживаешь.

Но я хочу ее. Хочу так сильно,

что умираю от мысли, что она ушла навсегда.

Он чувствовал себя разбитым после того, как полночи ворочался без сна, с трудом удерживаясь от того, чтобы не сесть в машину и не помчаться к ней.

Да еще нога до сих пор болела как черт знает что. Так сильно, что впору было подумать, не перенапряг ли он ее, хотя врачи утверждали, что, несмотря на периодические боли, со временем она полностью восстановит

функциональность. Нет, просто он затребовал слишком многого слишком рано.

Совсем как с Саванной.

Она понятия не имела, что своим вопросом о Мэриленде разворошила осиное гнездо. Вдобавок он сам сообщил ей, что заинтересовался бионическими конечностями. Но по-настоящему он встревожился после того, как она назвала его жизнь «грустной». Он намеренно жил в абсолютном уединении, чтобы ничто не нарушало его покой. И

тут в его убежище приходит она, судит его и заявляет, что из-за его образа жизни ей, видите ли, «грустно». Для него это было подобно красной тряпке для быка. Никто не имел права заставлять его чувствовать себя жалким в его же собственном доме.

И все же.

Его жизнь и впрямь была грустной. Грустно прятаться от мира, пока другие люди – подлецы, вроде Патрика Монро – живут себе припеваючи. Но что

должно помочь ему вернуться в людское общество? Новая рука? Реконструкция лица? Пересадка кожи? Терапия? Ашера беспокоили не медицинские процедуры – не будучи большим поклонником врачей, он, тем не менее, признавал, что они заняты не бесполезным делом. И не трудности – его, не привыкшего пасовать перед сложным делом, не пугала перспектива учиться пользоваться новой рукой или заботиться о заживающем лице. И не боль – вряд ли она будет

сильнее, чем то, что он уже испытал.

Проблема была в надежде.

Проблема была в том, что его тело могло отторгнуть пересаженную ткань, а новая рука – не оправдать возложенных на нее ожиданий. В том, что после всех пластических операций, терапии и всего прочего его лицо могло по-прежнему вселять в людей страх.

Проблема была в том, что, отчаянно надеясь, человек должен осознавать возможность

провала.

До тех пор, пока Ашер не согласился на операцию и не обзавелся новой рукой, он мог надеяться. Он мог опираться на обнадеживающую мысль, что однажды – если он почувствует, что пришло время – он сделает операцию, получит новую руку, и его жизнь, вероятно, раз и навсегда станет лучше.

Да, надежда была проблемой, но самым пугающим чувством была не она, а страх перед неудачей.

Однако Саванна была ни в чем из этого не виновата и, конечно, не заслуживала его гневной отповеди. Он вспомнил, как она всхлипывала, как дрожал ее голос, как она убегала из его спальни, из его дома – и от него.

Нет, черт возьми. Он не потеряет Саванну. Только не сейчас, когда у них осталась всего пара недель, когда рядом с теплом ее тела и под сияющим взглядом ее глаз он чувствовал себя полноценным, непобедимым, живым. Он

осторожно встал и, придерживая левую ногу, поковылял в ванную. Ему нужно принять душ... потом купить цветы... а потом принести ей нижайшие и самые искренние извинения.

***

Услышав дверной звонок, Саванна не придавала этому значения. История о роще была переписана с новыми именами, чтобы казалось, будто текст повествует о других героях, а не о ней с Ашером. Поначалу Макнаб

настаивал на реальных именах, но Саванна сказала, что подумает об изменениях позже, а пока ей комфортнее использовать вымышленные имена, и тот нехотя согласился.

Покончив с работой, она погрузилась в планирование девичника Скарлет, между делом отчаянно стараясь не думать об Ашере, но его слова вновь и вновь проигрывались у нее в голове, и потому, когда снизу донеслось звучание его низкого голоса, она списала это на игру воображения.

Тук-тук-тук.

– Саванна? – услышала она из-за двери голос матери.

– Да, мама. Заходи.

Приотворив дверь, мать занесла самый большой, самый грандиозный букет полевых цветов из всех, что Саванна видела в своей жизни, и в комнате сразу запахло сиренью, жимолостью и лесом. Сделав глубокий вдох, Саванна выдохнула и вопросительно взглянула на мать.

– Там внизу, – сказала та, –

Ашер Ли.

Саванна ощутила, как уголки ее губ сами собой поползли вверх, а глаза наполнились слезами, и мать, поставив букет на туалетный столик, обняла ее.

– Что бы он ни натворил, пуговка, он ужасно раскаивается.

– Он накричал на меня и довел до слез.

– Не знаю, что он сказал, но он явно этого не хотел.

– Он думает, будто я хочу изменить его.

– Ну конечно хочешь, а как же

иначе, – невозмутимо сообщила
Саванне мать, краешком
передника вытирая ей слезы. –
Мы все хотим изменить мужчин,
которых любим. Оставить на них
свою метку.

– О, но я не лю...

– Конечно, нет. Это я так, для
поддержания разговора. – Джуди
привлекла дочь к себе. – Взять, к
примеру, твоего отца. Когда мы с
ним начали встречаться, у него
была кошмарная привычка после
ужина прикрываться рукой и
ковырять в зубах. Однажды он так

увлекся, что зубочистка сломалась между передними зубами, и он не только получил занозу, но и три дня не мог жевать мясо, потому что у него распухла десна. И я сказала: «Фрэнсис Эндрю Кармайкл, если ты еще раз сунешь в рот эту щепку, я уйду».

– И что было дальше? – спросила Саванна, прекрасно осознавая, что Ашер внизу весь извелся от ожидания.

– Он заявил, что я не имею права указывать ему, что делать,

и снова взялся за треклятую зубочистку. Неделю мы с ним не разговаривали. Когда же он позвонил мне и пригласил на ужин, я согласилась. И после ужина он положил руки на стол передо мной и улыбнулся. С зубочистками было покончено, и мы ни разу не покупали их за все тридцать счастливых лет.

– То зубочистки. А то бионическая рука.

– Ох уж эта молодежь со своей электроникой.

– Мама.

Джуди, сдаваясь, подняла ладони.

– Неважно, пуговка. Что бы там ни было, помирись с ним. Если кто и выглядит несчастней тебя, то это он.

И мать, поцеловав ее в макушку, выскользнула из комнаты.

Саванна еще раз взглянула на цветы и, смахнув последние слезы, улыбнулась. С цветами он угадал, это точно.

С глубоким вдохом она посмотрела на себя в зеркало. Все

утро просидев в спальне, она до сих пор не сняла пижаму. Надо бы переодеться.

Или нет?

Она посмотрела на себя его глазами – красные шелковые шортики и такой же, по краю отделанный кружевом верх. Склонила голову набок, затем развернулась и направилась вниз. Он сам напросился.

***

Иисусе.

Он в жизни не видел ничего

сексуальнее Саванны Кармайкл, которая стояла в дверях гостиной своих родителей, положив руки на бедра, едва прикрытые клочком красной, скользящей по изгибам тела шелковой ткани. Вот за какой образ он будет хвататься, делая свой последний вдох.

– Спасибо за цветы, – сказала она холодно.

– Спасибо за вид, – сказал он ей в тон, но теплее.

– Ты довел меня до слез, – отбила она подачу, – а я вообще-

то не плакса.

– Что, несомненно, делает меня засранцем. Отсюда – цветы.

– Не говоря уже о поездке в город.

Ее впечатлило то, что он снова выбрался в город? Господи, пожалуйста, пусть это будет так. Она не спешила показывать свое настроение. Он же был сражен наповал в тот самый миг, когда она вошла в комнату в своей скудной пижамке и со спутанными волосами.

– Я задолжал тебе извинение.

Оно не могло ждать до завтра.

– До завтра?

– Воскресный ужин. Если я все еще приглашен.

Она вздохнула.

– Конечно ты все еще приглашен.

Он раскрыл ей объятья, и она, покачивая бедрами, подошла к нему, обвила руками его талию и позволила прижать себя к груди.

– Прости, детка, – глухо проговорил он в ее волосы, целуя ее в макушку. – Я не хотел. – Она повернула шею, чтобы положить

щеку ему на плечо, и он с томительной неспешностью провел ладонью по гладкой ткани, прикрывающей ее спину, с мыслью о том, насколько это правильно, насколько потрясающе и хорошо – снова чувствовать ее в своих объятьях. – Просто я плохо поддаюсь переменам.

– Перемены бывают и к лучшему, – тихо промолвила она, и после этих слов он обнял ее еще крепче.

– Я знаю. Я буду работать над

этим. Честное слово.

Она отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза, и момент внезапно стал невероятно интимным, словно они были связаны на каком-то глубинном уровне, словно они были половинками одного целого – два травмированных человека, которые вернулись домой, чтобы скрыться от мира, и каким-то образом обрели друг друга.

– Ашер, я не хочу изменить тебя. Ты нравишься мне таким, какой ты есть. Больше, чем

просто нравишься. И, конечно, я не претендую на то, будто знаю, через что тебе пришлось пройти, но что бы ты ни захотел для себя – бионические руки, вторые шансы, – я хочу этого вместе с тобой.

Ашер больше не мог обнимать ее и не пробовать на вкус. Он склонился к ее лицу и жадно поцеловал, изливая в этом поцелуе все свои ночные страхи и все теперешнее облегчение, запоминая ее в своих объятьях и то, как льнуло к нему ее мягкое

тело. Потом, после того, как она окажется в самолете, улетающем в Финикс, он будет жить этими воспоминаниями, этими драгоценными моментами с ней.

– Ты инопланетянка, – прошептал он ей на ухо, после того как, прикусив мочку, заставил ее дрожать. – Сознайся.

– Льстец, – ответила она, и ее голос был низким, прерывистым и полным страсти. – Я отказываюсь отвечать на вопросы о моем инопланетном происхождении.

– Сегодня волшебная погода, – сказал он, приложившись губами к ее пульсу, пока ее пальцы обнимали его шею и порочными движениями массировали теплую кожу под его волосами. – Можно опустить верх и прокатиться за город. Только ты и я. Купим продукты для пикника, найдем полянку и будем сидеть на ней до заката.

Ашер понятия не имел, откуда взялись эти слова. На пути к ее дому у него не было ни малейшего плана или намерения

приглашать ее провести остаток дня вместе, не говоря уже о том, чтобы куда-то уехать. Но после того, как он увидел ее – такой, – после того, что он почувствовал, попрощаться до завтра было попросту невозможно. Плюс ему хотелось показать ей, что он не на все сто процентов трус – может, ему и не нравится сталкиваться с жителями Дэнверса, но выбраться на несколько часов из дому он вполне способен, разве нет?

– У тебя «БМВ» с откидным

верхом? – спросила она,
приподняв брови.

– Да, мэм.

– Мне нравятся быстрые
немецкие автомобили.

– Ездить на них или водить?

– И то, и другое.

– Это просьба?

– Угу-м.

– Саванна, я люблю свою
машину. Я не жадный, но,
серьезно, я люблю этот
автомобиль. Как у тебя со
штрафами?

– И этот вопрос задает

мужчина, который довел меня до слез?

– Я буду счастлив, если ты поведешь мою машину куда угодно и с любой скоростью, – поправился он.

Отклонившись назад, она подмигнула ему.

– Я так и думала. Дашь мне минутку переодеться?

– А нужно?

– Боюсь, что да.

Саванна вышла из его объятий, и он окликнул ее, когда она дошла до двери гостиной.

– Саванна?

Она обернулась, сияя оживленным взглядом кофейно-карих глаз, и сердце Ашера налилось любовью. Другая могла бы хорошенько его помучить, заставила бы извиняться снова и снова, вымаливая прощение, но только не эта девушка. Не его Саванна.

– Спасибо.

***

На следующее утро, проснувшись, Саванна томно

потянулась и улыбнулась
прежде, чем открыла глаза.

Всю ночь ей снились
ошеломительные цветные сны, в
подробностях повторяющие ее
поездку с Ашером за город. Ее
неудовлетворенное тело пылало,
а сердце переполняли
расцветающие чувства к нему. С
каждой проведенной вместе
минутой он все прочнее входил в
ее жизнь. Она старалась не
думать о Финиксе. Представлять,
как она бросает его, было
невыносимо – как и бросить

карьеру. Оставалось молча верить, что все разрешится само собой, поскольку чем дальше, тем больше расставание с Ашером казалось ей невозможным.

Усевшись за руль его «БМВ», она повернула на северо-запад к Национальному лесу Джефферсона, где они, с солнцем, бьющим в лицо, и ветром, дующим в спину, весь день катались по Аппалачам. У него была сказка, а не машина, а его теплая, уверенная ладонь, лежащая на ее бедре, дарила ей

острое ощущение его близости – Ашер словно не мог позволить машине соблазнить ее, пока он сам был в игре.

По пути они купили кофе и сэндвичи и, найдя уединенное местечко у реки, расселили там покрывало.

Саванна сидела, а Ашер лежал, положив голову ей на колени. Очки-авиаторы закрывали его глаза, но придавали ему чертовский сексуальный вид, возбуждавший ее целый день.

– Давай в следующие выходные повторим, – произнес он, пока она ласково отводила пряди волос с его лба.

У нее упало сердце.

– Не могу.

– О. – Один-единственный звук, но сколько в нем было разочарования.

– У моей сестры будет девичник.

– В Вегасе?

– Почему всем на ум сразу приходит Вегас?

– Вероятно потому, что все

произошедшее в Вегасе, там и остается, – ответил он сухо.

– Нет. Не в Вегасе.

– Слава богу.

– В Мертл-Бич. – Она

вздохнула. – Мы останавливаемся в бунгало с тремя спальнями на Странде. Вдевятиером.

– *Вдевятиером?* У твоей сестры восемь подружек невесты?

– *Девять* подружек и две чтицы. Просто трое из них не смогли. – Саванна замолчала, обдумывая свои следующие слова. – Трент и его шаферы тоже

едут.

Сначала Ашер ничего не сказал. А когда заговорил, его тон был резким.

– Многовато тел для одного бунгало.

– Мальчики сняли соседний.

– Жених, вроде, не должен присутствовать на девичнике, разве нет?

– Скарлет сказала, что иначе будет слишком сильно по нему скучать.

– Значит там будут братья Гамильтоны, – произнес Ашер. –

И другие привлекательные и успешные дэнверские юнцы двадцати с небольшим лет.

Надеюсь, ты отлично проведешь время, Саванна.

Он сел и повернулся к ней спиной.

– Нам, наверное, пора возвращаться, – сказал он.

– Наверное, – сказала она.

Ее не смутила его реакция. Новость о том, что следующие выходные она проведет в окружении десятка горячих здоровых мужчин, не

понравилась Ашеру, и она понимала его. Но оправдываться не стала, потому что они ничего друг другу не обещали. Они встречаются? Вроде того. У них отношения? Об этом речи, кажется, не было. Она не произносила слов «мой мужчина», а он не называл ее «своей девушкой». И, честно говоря, несмотря на растущее притяжение к Ашеру, она не была уверена, что готова к отношениям. Открывать новые чувства – это одно. Поменять

статус на фейсбуке? Совсем другое.

К его чести, он дулся недолго. Спустя несколько минут после того, как Ашер сел за руль и повез ее в Дэнверс, непринужденная беседа продолжилась.

Она бросила взгляд на часы на тумбочке. Еще час до церкви – такова была обязательная плата за пребывание в родительском доме – и три часа до ужина. Достаточно времени, чтобы набросать заметки для

следующего текста «~~Ашер и~~
Саванна Адам и Кассандра:
Всеамериканская история
любви».

***

Мисс Поттс энергично вышла
из кухни, держа две завернутые в
фольгу тарелки.

– Вот. Пирог с персиками по
рецепту вашей мамы и торт –
амишское дьявольское
искушение.

Ашер усмехнулся.

– *Амишское дьявольское*

искушение?

– Мне всегда нравилась греховность этого названия, – сказала она. – Амишам ведь нельзя пользоваться миксером, чтобы взбить тесто, а с венчиком оно будет адским мучением. Поэтому, чтобы получить хорошее тесто, они смешивают ингредиенты с помощью горячего кофе.

Он вспомнил, как мальчишкой сидел на заднем сиденье автомобиля матери, а она рассказывала ему о кулинарных

хитростях. Его бабушка Фрэнсис Шерман и Матильда Поттс дружили всю жизнь, и мисс Поттс, как следствие, часто говорила и делала вещи, очень напоминавшие Ашеру его мать, Памелу Шерман Ли. Он наклонился и коснулся губами сухой, как бумага, кожи ее щеки.

– Знаете, она была бы так благодарна вам.

– Мы с вашей бабушкой дружили всю мою жизнь, а ваша мама была для меня как племянница, – мягко сказала мисс

Поттс, вытирая глаза. Потом поправила воротничок его рубашки-поло. – Вы такой красавчик.

– А вы обманщица.

– Красота – в глазах смотрящего, Ашер. А я видела, как Саванна Кармайл на вас смотрит.

– Это не продлится долго, – тихо промолвил он, чувствуя тяжелое отчаяние, которое все с меньшим успехом пытался не подпускать к себе.

– Давайте-ка сегодня об этом

не переживать, – сказала мисс Поттс, подталкивая его к двери. – Идите и веселитесь.

– Веселитесь? Мне бы маску.

– Вот еще. Кармайклы славные люди. Разве не они воспитали Саванну?

Часом позже, сидя рядом с Саванной за обеденным столом в доме ее родителей перед тарелкой, полной ветчины, картофеля и кукурузы, он к своему удивлению обнаружил, что мисс Поттс оказалась права. Кармайклы и впрямь были

славными людьми, и после некоторой – однако хорошо скрытой – реакции на его лицо во время приветствия, больше не заставляли его чувствовать себя некомфортно. Да, он замечал, как Скарлет Кармайкл уводит глаза в сторону, стоит ему заговорить, и порой видел на лице Джуди Кармайкл мягкое сочувствие, но с Саванной, которая сидела рядом и прижималась коленкой к его бедру, такая сексуальная в черном хлопковом сарафане, он был готов сказать «да» хоть сотне

воскресных ужинов.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда был Трент Гамильтон, который при встрече осмотрел лицо Ашера с откровенным отвращением, и потом, во время ужина, несколько раз театрально морщился. Разумеется, тайком от Кармайклов.

– Вэн, милая, мой брат Лэнс ждет не дождется выходных, чтобы возобновить ваше знакомство, – сказал Трент, одаривая Саванну своей улыбкой на миллион долларов.

– Насколько я помню, у Лэнси чересчур шаловливые ручки, – сказала Саванна, выразительно глядя на него.

– Лишь потому, что ты очень ему нравишься. – Трент демонстративно притянул Скарлет к себе. – Парни Гамильтон и девочки Кармайл подходят друг другу как стручок с горошинкой.

Проигнорировав его комментарий, Саванна выпрямилась на стуле и повернулась к Ашеру.

– Ты когда-нибудь бывал в Мертл-Бич?

Ашер кивнул, думая о том, что с легкостью одолеет Трента, если молодой человек не перестанет его подначивать. Интересно, как ему понравится, если его выволокут на улицу и расквасят физиономию.

– Да, когда был в Форт-Джексоне в лагере для новобранцев. Мертл-Бич находился от нас всего в трех часах езды, и мы несколько раз туда выбирались. А ты бывал в

военном лагере, Гамильтон?

– Нет, сэр, – ответил Трент, сузив глаза. – Вы не против, если я буду называть вас «сэр»? Я привык уважительно обращаться к старшим.

– В самый раз, сынок, – спокойно произнес Ашер и вновь повернулся к Саванне, которая в ответ на их обмен любезностями закатила глаза. – На Странде так хорошо летними вечерами. Запах сахарной ваты, который смешивается с запахами соленой воды и лосьона от солнца.

Мерцающие огни. Музыка.

– Господи, Фрэнк, – сказала Джуди, – помнишь ту неделю, которую мы провели в Мертл-Бич до рождения девочек?

Взгляд мистера Кармайкла потеплел, когда он посмотрел через стол на жену.

– Помню, цветочек.

– И вы правы насчет сахарной ваты, Ашер, – сказала Джуди. – Кстати, все видели фильм «Шэг»? Я его обожаю!

– Мамин любимый фильм, – сказала Саванна, со сверкающими

глазами повернувшись к Ашеру.

– Думаю, в честь девичника Скарлет нам стоит устроить семейный просмотр, – сказала Джуди.

– О господи, – вздохнул Фрэнк. Ашер наклонился к Саванне.

– Семейный просмотр?

– Папа натягивает за домом белую простыню, мама готовит попкорн, и мы садимся на лужайку и смотрим «Шэг» – по меньшей мере раз в год. Иногда два или три раза. Я знаю этот фильм наизусть.

– Ты умеешь танцевать шэг? –
спросил Ашер, улыбаясь ей.

– Еще бы! Мама нас научила. А
ты?

– Умею. Но больше не могу.

– Конечно можешь! Мы будем
медленно.

Он наклонился к ней еще
ближе, затем остановил себя,
осознав, что чуть было не
поцеловал ее прямо за обеденным
столом на глазах у всех ее
родственников.

– Я хочу поцеловать тебя, –
прошептал он.

– Позже, – сказала она и, поерзав на стуле, потерлась бедром о его бедро.

– Значит, решено, – сияя, подытожила Джуди. – В четверг вечером! Устроим нашим девочкам небольшие проводы перед пятницей. Мальчики, вы, конечно, придете?

Ашер взглянул на Трента, и тот недовольно сощурился на него перед тем, как повернуться к Джуди и включить свое обаяние.

– О, я приду, миссис Кармайкл. Не пропущу ни за что

на свете.

Вежливо улыбнувшись

Тренту, она обратилась к Ашеру.

– Ну а вы, Ашер?

Саванна сжала под столом его руку, придавая ему храбрости согласиться на еще одну вылазку в город.

– Благодарю, миссис

Кармайкл. Обязательно буду.

Сразу после ужина Саванна и Трент ушли, отправившись в соседний городок на барбекю с друзьями, а Саванна пригласила Ашера перед уходом посидеть с

ней на качелях.

– Здорово, что ты пришел на ужин, – произнесла она, когда он сплелся с ней пальцами.

Оттолкнулась от пола, и качели мягко качнулись. – Знаю, для тебя это было непросто.

– Просто – благодаря тебе, – ответил он. – У тебя замечательная семья.

– Скарлет была тише обычного. А Трент... – Ее тон стал виноватым, и она пожала плечами. – Он не такой уж плохой.

– Не сомневаюсь, – сказал он, скрывая раздражение. Трент Гамильтон относился к тому самому типу узколобых городских засранцев, которых Ашер предпочитал избегать.

– Правда. Он любит Скарлет до безумия.

– Похоже на то.

– Ты очень понравился маме.

Он обнял ее за плечи, притягивая к себе, и ощутил сладкое удовольствие, когда она склонила голову ему на плечо.

– Половина интервью позади,

– проговорил он. – Ты уже что-нибудь написала?

– Кое-что.

– Дашь прочесть?

– Пока нет, – ответила она торопливо.

Он сжал ее плечо, с уважением отнесшись к отказу – он бы тоже отказался показывать незаконченную работу.

Несколько минут они покачивались в тишине. Шорох разбрызгивателей, поливающих лужайку, звон детских велосипедов, тихий шум

ползущей по улице машины
создавали, сливаясь,
умиротворяющую симфонию.
Ашер давно не был среди людей.
Это было и знакомо, и
непривычно. И приятно, и
пугающе.

– Куда мы движемся, Саванна?

– Я не знаю, – ответила она, и
ее голос у его шеи звучал тихо и
неуверенно. После долгой паузы
она взглянула ему в лицо. – А ты?

Он печально покачал головой,
не в силах смотреть в ее
прекрасные глаза.

– Нет.

Это, впрочем, было не совсем правдой. Ашер хорошо представлял, куда бы хотел двигаться он. Он не хотел, чтобы она уезжала из Дэнверса. Он не хотел, чтобы она бросала его. Мысль о возврате к жизни без нее была мучительной. Почти невообразимой. Он притянул ее ближе.

– Быть может, нам стоит сбавить скорость? – спросила она.
– Пока мы не выясним, куда движемся.

Ашер вздрогнул. Нет, не на такой ответ он надеялся. Объятый разочарованием, он вежливо кивнул, потом поцеловал ее в лоб и встал.

– Увидимся завтра?

– Конечно, – сказала она, удивленная внезапным прощанием, и встревоженным взглядом посмотрела ему вслед, когда он спустился с крыльца и зашагал к машине.

Глава 10

Когда вы впервые
обнажаетесь друг перед другом

**и не испытываете ни тени
смущения**

И в понедельник, и в среду Саванна приходила к Ашеру за интервью, но после бомбы «давай сбавим скорость», сброшенной ею в воскресенье, что-то между ними изменилось. Ашер вел себя сдержанно, а их встречи вновь стали проходить у него в кабинете. И, честно говоря, ей совсем это не нравилось. Отойти от ситуации всегда казалось разумным решением в случае, если ты в чем-то не уверен. Но

магия между ними была настолько ощутимой, а воспоминания о его прикосновениях настолько свежи, что эта самая сбавленная скорость убивала ее. И Ашера, вероятно, тоже, хотя он выбрал свой способ уважить ее желания.

Он не обнимал ее и не держал за руку, когда в четверг вечером они сидели на улице позади ее родителей и сестры с Трентом и смотрели «Шэг». И потому, когда герои на экране начали целоваться, а он наклонился и

потерся носом о ее ухо, у нее перехватило дыхание – от неожиданности, облегчения и удовольствия.

– Поедем потом ко мне, – произнес он тихо.

– Завтра я уезжаю в Мертл-Бич, – прошептала она в ответ, стараясь не всхлипнуть от ощущения его губ на своем ухе. Его дыхание было таким жарким, что сердце ее застучало быстрее, а кожу начало покалывать.

– Все равно. Я отвезу тебя домой, когда захочешь.

Саванна сделала глубокий, прерывистый вдох. Она хотела его. Очень. Сильнее чем кого бы то ни было до него – будь то напористые мальчики в старшей школе, университетские умники или искушенные мужчины в Нью-Йорке. Никто из них не затронул ее сердце так, как Ашер. Ни с кем из них она не чувствовала себя так, как с ним. Да, возможно, он с нею не навсегда, но чему бы ни предстояло случиться после выхода статьи, пусть всякое

промедление отправляется к черту. Она хотела быть с ним прямо сейчас.

– Хорошо.

Он выдохнул рядом с нею и нашел ее руку, а она пропустила сквозь его пальцы свои и не противилась, когда он устроил их руки у себя на бедре. Оно было горячим и твердым, и в животе у Саванны разлилось возбуждение. Сосредоточиться на фильме больше не представлялось возможным. Ей хотелось одного: запрыгнуть в его шикарный

автомобиль, поехать к нему
домой и позволить увести себя в
спальню.

Она придвинулась к нему на
низком диванчике для двоих, где
они сидели, чтобы ее рот
оказался поближе к его уху.

– Ашер.

– Саванна.

Он смотрел на экран, но его
грудь вздымалась более
сдержанно, чем несколько минут
назад, а челюсть была напряжена.
Его ладонь стала сжимать ее руку
ощутимо сильнее, и она

наклонилась к нему, овеивая его
ухо своим дыханием.

– И кстати... я поняла, что
ненавижу... сбавлять скорость.

– Нас таких двое, – ответил он с
хрипотцой в голосе.

Саванна нежно прикусила
мочку его уха.

– Я могу остаться на всю ночь.

Он вздрогнул и смочил губы,
но она ощутила шевеление в его
джинсах рядом со своей рукой и
постаралась сдержать усмешку.
Его мысли были такими же
порочными, как у нее.

– Я только за.

– Но секс пока что по-прежнему исключен.

Высунув язычок, она лизнула чувствительную кожу под его ухом, и он чуть слышно застонал.

– Очень жаль.

– Не жадничай, – поддразнила его она.

Она много думала об этом.

Проблема заключалась в том, что рубеж, на котором они с Ашером могли заняться ни к чему не обязывающим сексом, был пройден несколько дней назад.

Теперь же между ними витало слишком много чувств – сильных, еще не сформулированных чувств, которые могло разрушить любое недопонимание. Нравятся ли они друг другу? Да. Есть ли между ними страсть? Боже, еще какая. Но все остальное по-прежнему было под вопросом. Она не была его девушкой, и между ними не было никаких обязательств. Секс на этом этапе мог разбить ей сердце. И поскольку после предательства Патрика чувства Саванны были

еще слишком ранимы, она не могла так скоро рисковать своим сердцем во второй раз. Только не с Ашером, который с каждым днем значил для нее все больше и больше. Она сомневалась, что сумеет оправиться, если он причинит ей боль, и это обстоятельство пугало ее сильнее всего.

– А что-нибудь еще исключено? – спросил он, его ноздри трепетали, а взгляд оставался прикован к экрану.

Саванна наклонилась, вновь

задевая его ухо губами.

– Нет.

У него перехватило дыхание, и он, стиснув ее ладонь, медленно повернул к ней лицо.

– Мы уезжаем. Немедленно.

Низкий, настойчивый звук его голоса вызвал в глубине ее тела спазм предвкушения. Она закусила нижнюю губу.

– Ты разве не хочешь досмотреть...

– Нет.

Неистовое желание в его глазах – отражающее, наверное,

ее собственное – было заметно даже в неярком свете кинопроектора. Они не притрагивались друг к другу с субботнего пикника, и им предстояло расстаться на целых три дня. Она видела: он хочет оказаться с нею наедине так же сильно, как она хочет того же.

Он встал, приняв решение за них обоих, и увлек ее за собой. Они прошли мимо Скарлет и Трента, которые сидели, прижавшись друг к дружке, на скамье перед ними, и

остановились за креслом Джуди.

– Мама, – шепнула Саванна матери, наклонившись и взяв ее за плечи. – Мы уходим. У Ашера заболела голова.

Джуди отвела взгляд от экрана и с тревогой оглянулась на Ашера.

– О, Ашер. Милый, мне так жаль. Но вы ведь еще придете к нам?

– Да, мэм. И спасибо, что пригласили.

– Я вернусь поздно, мама, – сказала Саванна ровно. – Не жди

меня.

Не успела Джуди ответить, как Саванну уже увели. С колотящимся сердцем она села в машину, и Ашер, вырулив на дорогу, свернул в сторону дома.

***

Они ехали в полном молчании, горячее напряжение между ними было таким плотным, что его можно было резать ножом, пока Ашер, переключая скорость с третьей на четвертую, с четвертой на пятую,

мчался по темным, узким дорогам домой. Ужасные слова «давай сбавим скорость» терзали его с самого воскресенья, и с учетом трех долгих дней разлуки, маячащих впереди, он не мог упустить шанс побыть с нею наедине. Его выводил из себя тот факт, что она отправится в Мертл-Бич в компании красивых парней, поэтому единственное, что ему оставалось, это сделать так, чтобы в ее голове не осталось места ни для кого, кроме него.

Когда он наконец остановил

машину на подъездной дорожке и выключил двигатель, наступила оглушительная тишина. Он откашлялся, еле удерживаясь от соблазна коснуться ее прямо сейчас.

– Я рад, что ты согласилась поехать со мной.

Она сделала глубокий вдох и перевела взгляд на дом.

– Невыносимо думать о том, что мы не увидимся до понедельника.

Он накрыл ее щеку ладонью и повернул к себе лицом.

– Мне тоже.

Склонившись, он прихватил губами ее верхнюю губу, а когда она с тихим стоном прильнула к нему, позволил пальцам погрузиться в ее волосы. Она взяла его лицо в свои бережные ладони, и поцелуй стал глубже. Ашер целовал ее и улыбался, потому что на вкус она была как попкорн. Он и не знал, что фильмы бывают такими сладкими.

– Я уже начинаю скучать, – пробормотал он, покрывая

легкими поцелуями контур ее лица.

– Я тоже, – вздохнула она и откинула голову, открывая его губам и языку доступ к своему горлу. – Понедельник и среда были адом. Я приходила сюда и никак не могла сосредоточиться на интервью, потому что мечтала, чтобы ты целовал меня так, как сейчас. Я хотела, чтобы ты схватил меня в охапку, поцеловал и сказал: «Саванна, к черту медлительность». Ужасно чувствовать так много всего и так

скоро.

Она тяжело задышала, уткнувшись ему в шею, когда его рука прошлась по ее грудям и проникла под низ ее черной футболки. Ее живот был таким теплым и мягким, что он расправил ладонь, наслаждаясь теплом ее кожи, прежде чем скользнуть выше и смять ее грудь. Она ахнула ему в рот, лишая его дыхания.

– Саванна... – простонал он. Она нежно куснула его за верхнюю губу, а ее сосок под

кружевом лифчика стал твердым, как камушек. – Как же ты меня возбуждаешь.

– Наверх, – прошептала она. – В твою постель. Немедленно.

Задыхаясь, он оторвался от нее. Не сводя с нее глаз, открыл дверцу, потом обошел машину и открыл дверцу с ее стороны, а когда она вышла, не смог совладать с собой и, не говоря ни слова, привлек ее к груди. И поцеловал в лунном свете медленно и глубоко. Он никогда еще не испытывал подобную

страсть. Он попытался
разобраться, почему она
затронула его так глубоко – не
потому ли, что у него слишком
долго ничего не было? – и ответ
пришел быстро. Да, держать в
объятиях прекрасную девушку
было замечательно, но его
чувства были связаны не просто с
некой абстрактной девушкой.

Они были связаны с Саванной.

С Саванной, которая пришла в
его дом с тарелкой брауни, когда
весь город от него отвернулся.
Которая, знакомясь с ним, подала

ему левую руку. Которая пахла лимонами, любила книги и вернулась домой, чтобы спрятаться. С Саванной, которая была кремнем для его кресала – чувственная, умная и полная огня. С Саванной, которая была теплой и податливой в его объятьях, разрешала ему целовать себя и каким-то непостижимым образом хотела его так же сильно, как хотел ее он.

К тому времени, как Ашер отстранился от нее, он был настолько твердым, настолько

готовым погрузиться в нее, что это почти причиняло боль. Почему она исключила секс? Этот вопрос тревожил его не оттого, что все до единого мужские инстинкты в его теле требовали соития с ней, но потому, что он не понимал причину. Неужели она не хочет?

Он глубоко вздохнул и взглянул на полную луну, затем вновь опустил взгляд на ее милое, запрокинутое лицо. Поднял руку и приласкал ее щеку.

– Ты всегда прекрасна. Но в

лунном свете ты – ангел.

Он поморщился от того, что не придумал менее слащавого способа выразить свои чувства, но они были такими пугающе глупыми, обещая быстро измениться от обожания до любви. Любовь. Он чувствовал ее приближение. И именно потому произнес столь нелепую вещь.

– Я не ангел, – возразила она тихо.

– Ангел. – И Ашер, больше не сопротивляясь сентиментальному порыву, поднес ее руку к губам.

Он влюблялся в нее.

Сентиментальность была неизбежна.

Саванна потянула его к двери, и он, проследовав за нею в дом, ногой захлопнул за ними дверь и позволил увести себя вверх по лестнице. Это было невероятно сексуально – и невероятно возбуждающе, – то, что она знала, куда идти, и безошибочно находила дорогу в темноте его дома. Она отворила дверь в его спальню, и он зашел внутрь.

***

Ее грудь тяжело вздымалась и опадала, не столько от спешки по лестнице, сколько от силы переполнявших ее чувств, от отчаянного желания почувствовать его, узнать его вкус, исследовать его тело, ощутить прикосновения его руки, его губ, его языка. Она вжалась в закрытую дверь спальни и выгнула спину, неотрывно глядя в его изголодавшиеся глаза.

Он шагнул к ней и положил ладонь на дверь рядом с ее щекой. Наклонился, задевая лбом

ее лоб. Его дыхание, дразня ее рот, вырывалось наружу рывками, его бедра касались внутренней стороны ее ног. Она задышала быстро, прерывисто, отчего ее груди, вздымаясь, снова и снова терлись о его грудь. Ее соски от этого трения стали болезненно твердыми и изнывали от желания, чтобы Ашер снял эту боль губами или рукой. Лунный свет отбрасывал на его лицо тени, создавая иллюзию, что оно не повреждено.

– Ашер, – выдохнула она, глядя

на него с ощущением чуда, пока ее пальцы очерчивали черты его лица. – Ты тоже прекрасен в лунном свете.

В его глазах вспыхнул огонь, и его рот обрушился на ее губы. Обхватив ее за талию, он шагнул назад и, когда его ноги наткнулись на бортик кровати, упал на постель, увлекая ее за собой и смягчая падение своим телом. Не прерывая поцелуя, он перевернул ее, продолжая прижимать к себе и вторгаться в ее рот, пока его ладонь

пробиралась под футболку,
чтобы стиснуть ее грудь.

Она застонала, извиваясь под
ним, а он, приподняв чашечки
лифчика, освободил ее
истомившуюся плоть, затем
прильнул к ее груди и начал
жадно сосать, отчего ее сосок
заострился, а внутренности
начали плавиться от желания и
возбуждения. Она запустила
пальцы в его густые волосы и
испытала сперва разочарование, а
потом облегчение, когда тепло
его рта переместилось от одной

груди ко второй. Пощипывая большим и указательным пальцами скользкий и влажный сосок, он любил второй ртом, теребя его языком и облизывая медленными кругами до тех пор, пока ей не показалось, что она сходит с ума.

Ее бедра ритмично затолкались под ним, прижимаясь к твердости его эрекции, когда он с еще большей силой начал сосать ее грудь, а ладонью скользнул вниз по ее животу и проник под эластичную

ткань ее трусиков. Он вошел в нее двумя пальцами, и она ахнула, а потом закрыла глаза и всхлипнула от удовольствия, стискивая мышцы вокруг долгожданного вторжения.

– Боже, Саванна, ты такая влажная. Такая тесная.

Его слова завели ее еще больше, и она закусила нижнюю губу, когда он, переместившись ниже, покрыл легкими поцелуями ее торс, затем живот и закружил языком вокруг пупка. Она провела ладонями по своим

возбужденным грудям и, пощипав мокрые соски, спустилась к талии. Стремясь предоставить ему полный доступ к своему телу, она выгнулась и дернула шорты вместе с трусиками вниз, поерзав немного, чтобы они сползли ниже коленей. Вытащив из нее пальцы, Ашер снял с нее шорты и трусики, после чего подтянул ее к краю кровати, а сам опустился на полу напротив нее на колени. Взял ее левую ногу и проложил дорожку поцелуев от щиколотки

к колену, потом забросил ее себе на плечо и проделал все то же самое с правой ногой.

О боже, поняла она. Он собирается...

А потом сознание Саванны официально взорвалось.

Как только она раскрылась перед ним, его пальцы нежно раздвинули ее складки, а язык нашел подрагивающий бугорок. Он начал лакать ее разгоряченную плоть, и Саванну подбросило на постели, ее пальцы вцепились в его волосы,

пятки уперлись ему в спину, и она всхлипнула, простонав его имя.

Весь опыт Саванны по части орального секса ограничивался несколькими неуклюжими эпизодами, и потому, когда он сомкнул губы вокруг ее возбужденного бугорка и начал его посасывать, перед ее глазами загорелись звезды. В момент, когда она была готова упасть за грань, отделяющую ее от безумия, он втокнул в ее влажное тепло два своих пальца,

и она ощутила, как его зубы задели ее набухшую плоть.

– Ашер! – вскрикнула она, содрогаясь, забившись в конвульсиях у его рта и затем расслабляясь под наплывом волн наслаждения. Все до единой мышцы ее тела сокращались, ритмично вибрируя, пока она переживала самый головокружительный в своей жизни оргазм.

Она обмякла, оставшись без сил, а он снова лег на кровать и, подняв ее вверх, уложил ее голову

на подушку. Дотянувшись до
ворот сзади, он снял с себя
рубашку, затем осторожно снял с
нее через голову футболку и
лифчик. Саванна смутно
осознавала, что теперь лежит в
его постели совершенно нагая.
Удовлетворенная и пресыщенная,
она не могла вспомнить, чтобы
когда-либо настолько доверяла
мужчине. Ашер касался ее так,
как мужчина касается женщины,
которую любит. Он касался ее
так, словно она была для него
бесценна, и пусть они еще не

проговаривали формально свои намерения, ей хотелось верить, что это и правда так. Он обнял ее своей надежной рукой, и она, инстинктивно прильнув к твердому, гладкому теплу его груди, встретила последнюю дрожь и судорогу блаженства.

***

Ее дыхание мало-помалу начало возвращаться в норму.

– Боже мой, – пробормотала она и поерзала на нем, подтягиваясь вверх. Трение ее

грудей о его грудь было своего
рода пыткой, а от вкуса ее
солонатовой сладости,
сохранившегося во рту, он стал
таким твердым, что удивился бы,
если бы в его голове осталась
кровь хотя бы для одной трезвой
мысли.

– Ашеру тоже понравилось, –
ответил он напряженно.

Лимонный аромат ее волос
беспоощадно дразнил его.

– Как ты этому научился? –
спросила она, глядя на него
огромными, восхищенными

глазами. Волосы ее растрепались, и она выглядела настолько сексуально, что у него захватило дух. *У меня получилось. Я смог добиться, чтобы она выглядела вот так.* – Буквально одной левой.

– Я использовал не только руку.

– Я серьезно.

Ее язычок, высунувшись, коснулся его шеи, и стрелы удовольствия пронзили его от подбородка до паха. Он колебался, не зная, что делать: то ли встать и принять очень, очень

холодный душ, то ли потерпеть и посмотреть, что она сделает дальше. Ожидание убивало его.

– Ашер?

– Да?

– Сегодня исключено только одно, верно?

Его дыхание участилось.

– Если ты не передумала.

– Нет. Но все остальное можно? – промурлыкала она, прихватывая зубами мочку его уха.

– Так точно, – простонал он.

– А раз все остальное можно,

то... – Ее губы проšliсь по его шее, оставляя быстрые поцелуи и легонько дуя на них, отчего волоски на его руках встали дыбом, а по спине побежали мурашки.

– То? – не дыша, пробормотал он, теряя нить разговора.

– ...то сейчас твоя очередь, разве нет?

Его пульс разогнался так, что вся кровь в его теле хлынула вниз, поставив торчком его и без того жесткую эрекцию, которая мучительно подрагивала,

вождедя ее.

Саванна ущипнула его за сосок, затем осыпала поцелуями мышцы его груди, напрягшиеся под ее губами. Перецеловала, слегка задевая кожу зубами, все шесть упругих кубиков его пресса и заскользила ладонью по его торсу вниз, и он резко выдохнул, ощутив, как она нежно сдавила бугор у него в штанах.

Пока вторая ее рука расстегивала молнию, он рефлекторно потянулся вниз – не только затем, чтобы помочь ей,

но чтобы показать, как сильно он хочет предстать перед ней обнаженным. Что бы она ни задумала сделать, он был согласен абсолютно на все.

Почувствовав, как ее пальцы подцепили резинку его боксеров, он выгнулся на постели, чтобы она могла одним сильным движением сдернуть их вниз.

– Ого, – произнесла она низким, охрипшим голосом. – Ничего себе.

Ашер закрыл глаза, и из его горла исторгся гортанный стон,

когда ее дыхание овеяло его
плоть. Кончиком носа она нежно
провела до самого низа, потом
поднялась вверх, а потом...

– О боже, – в предвкушении
простонал он.

– Саванне тоже нравится, –
озорно шепнула она.

...а потом его коснулся ее язык.
Медленно, невыносимо медленно
она лизнула его от основания до
кончика, и он ощутил жар ее
дыхания, смешанный с
влажностью рта. И весь покрылся
мурашками, когда она наконец

взяла его в рот и влажными губами неспешно заскользила по его твердости вниз, пока его подрагивающая плоть не уперлась в заднюю стенку ее горла.

– Саванна... – Его рука взлетела к глазам. Давление меж бедер все нарастало, и он хотел, чтобы оно длилось вечно, но, черт возьми, у него так давно этого не было, и она так возбуждала его, а то, что он чувствовал к ней, было не передать словами.

Размеренно двигая головой вверх-вниз, она взяла в ладонь мягкий мешочек под его массивной эрекцией. Тот сразу поджался, напрягшись, и Ашер, содрогаясь от наслаждения, закусил губу так сильно, что почувствовал металлический привкус крови. Мучительно медленно она поднялась губами обратно до кончика, пробуя, целуя его, а затем повторила это движение вновь.

Он больше не мог сдерживаться. Это было слишком

приятно после стольких лет,
прошедших с тех пор, как его в
последний раз любили вот так.

– Детка, я скоро... – заговорил
он, чтобы предупредить ее, и
почувствовал, как ее свободная
рука скользнула по его ноге, по
бедрам вверх и легла на его
сердце, где он накрыл ее своей. И
в конце концов именно это – та
интимность, с которой они
сплелись пальцами – толкнуло
его за край.

С низким, гортанным рыком
он сдался, полностью отдаваясь

наслаждению, которое дарили ее ласки, и, достигнув кульминации, извергся толчками в ее рот.

Сотрясаясь, он выгнулся вверх и, когда затихла последняя дрожь, а ее рот мягко отпустил его, откинулся назад на подушки – физически истощенный, опустошенный. Она приняла все, что у него было, до капли, и он почти перестал дышать от благодарности и любви к ней, а когда она плавно скользнула по его телу вверх, восстал из своей блаженной комы, опрокинул ее

на спину и, задыхаясь,
постанывая, жадно нашел ее рот.

Он ощутил на ее языке свой
вкус и моментально начал
твердеть снова. Его эрекция
устроилась в мягком тепле
курчавых волос меж ее ног, он
задвигался на ней, и она, отвечая
на поцелуй и вплетая пальцы в
его волосы, тихо застонала ему в
рот.

– Саванна... – вымолвил он. –
Детка, я так сильно хочу тебя...
так сильно...

– Нет. Не так, – сказала она,

задыхаясь, и ее ладони плавно спустились к его бедрам. – Но вот так нам можно.

Опираясь на локти, он поцеловал ее и, быстро твердея, начал тереться о ее мягкое лоно. Накрыв ее щеку ладонью, он смотрел ей в глаза, пока она выгибалась под ним, и ритмично двигался, с каждым рывком вперед лаская ее плоть, и тогда она взяла его лицо в ладони и, притянув к себе, втокнула язык ему в рот, царапая ногтями его щеку.

Она была влажной и скользкой, и он без усилий скользил то вперед, то назад, вызывая у нее стоны и всхлипы, когда их поцелуи начали повторять движения их тел.

Ее крики стали громче, чаще. Приподнявшись, чтобы понаблюдать за нею, он увидел, как она зажмурилась и, вминаясь в подушку, откинула голову далеко назад. А потом разлетелась под ним на части, содрогаясь от толчками пронесившихся по ее телу волн.

За всю свою жизнь Ашер не видел ничего прекраснее.

– Ашер, Ашер, Ашер... – шептала она, а он чувствовал под собой ее долгие спазмы, вибрацию, которая шла из ее нутра, из глубин ее тела и через кожу по всей длине массировала его твердую плоть, которая продолжала двигаться поверх ее пульсирующего лона.

Чувствуя приближение своей собственной разрядки, он ускорил темп. Взглянул на нее сверху вниз, и внезапно ее

отяжелевшие веки дрогнули.
Яркие, сияющие в лунном свете
глаза открылись, и она
прошептала:

– Сейчас.

И его сердце взорвалось, все
одновременно сжалось и
разлетелось во все стороны, за
веками вспыхнул фейерверк, и он
горячо и липко кончил между их
тел, соединяя себя и ее мощью
своего высвобождения. А когда
он, наконец, перестал дрожать, то
перекатился набок и притиснул
ее к себе, влюбленный в нее –

отчаянно, окончательно,
бесповоротно.

***

– Душ, – пробормотал Ашер ей на ухо спустя долгое мгновение тишины. Полностью удовлетворенные, они лежали, обнявшись. – Нам определенно нужно принять душ.

Саванне не хотелось двигаться. Ее обнаженное тело под пуховым одеялом ощущалось точно желе, теплое и растаявшее. Она слегка подтолкнула его и, когда он

откинулся на спину,
распласталась на его груди. Их
тела были по-прежнему интимно
соединены горячей и скользкой
влагой.

– Потом, – пробормотала она. –
Просто поддержи меня так еще
немного.

Под ее взглядом его рука,
обнимающая ее, напряглась.
Дотянувшись до его лица, она
осторожно погладила
поврежденную кожу его правой
щеки.

– Расскажи мне о том, как это

случилось.

Его брови сошлись на переносице, а черты лица стали жесткими, когда он с неуверенностью во взгляде посмотрел ей в глаза.

– Я думал, интервью у нас проходят в четыре ч...

– Никаких интервью. Никаких журналисток. Только твоя дев...

К ее щекам прилил жар, когда она поняла, какое слово чуть было не сказала. Несмотря на то, что они сейчас пережили, он так и не назвал ее своей девушкой.

Она отвела глаза в сторону и, чувствуя себя подавленно, опустила подбородок ему на грудь.

А потом ощутила на волосах его ладонь. Он ласково гладил ее.

– Если моя *девушка* спрашивает, то я ей отвечу.

Она тихо рассмеялась ему в грудь, потом с облегчением подняла лицо.

– Она спрашивает.

– Погоди. – Он тоже улыбнулся и потряс головой, точно был изумлен или озадачен.

– Это что сейчас было?

– Мой мужчина любит менять тему, – заметила она чопорно.

– Дашь мне минутку, чтобы это переварить? Я ведь восемь лет жил один. Я – Ашер Ли, дэнверский отшельник, и ты – роскошная, потрясающая Саванна Калхун Кармайл, самая прекрасная женщина, которая когда-либо возвращалась из Нью-Йорка в Дэнверс, и которая секунду назад добровольно, безо всякого принуждения или угроз назвала себя моей девушкой.

– Так точно, – сказала она, сплетаясь с его ногами.

– Я должен знать. Говори, с какой ты планеты?

– Это секрет.

– А, то есть сам факт ты признаешь.

– Я ничего не признавать, – отчеканила она с русским акцентом.

Ашер рассмеялся, и ее уставшие мышцы встрепенулись, снова готовые потребовать его внимания.

– Детка, ты сводишь меня с

ума, – сказал он.

Она поцеловала теплую,
упругую кожу над его сердцем.

– Об этом ты мне уже говорил.
Я хочу узнать, что с тобою
случилось.

– Это тяжелая история,
красавица. Не легкое чтиво.

– Я читаю и серьезную
литературу, *красавец*, – ответила
она. – Это часть тебя. И я часть
тебя. Пришло время нам
встретиться.

Его улыбка померкла. Он
мягко склонил ее голову обратно

себе на грудь, словно ему было легче решиться на этот рассказ, если Саванна не будет смотреть. Он перебирал ее волосы, а она терпеливо ждала, давая ему время собраться.

– Мы были в районе Жари. Несколько наших ребят ушли в пеший патруль. Один из них, старший сержант Уильямс, подорвался на mine, и меня, как ближайшего полевого медика, отправили к нему на помощь. Когда я туда добрался, он так и лежал на поле. Меня встретил

капрал из его отряда, парень по фамилии Лагерти. Он повел меня к Уильямсу, мы шли, разговаривали, и внезапно он наступил прямиком на еще одну мину. Она была справа от меня. Подбросила его на пятнадцать футов в воздух и убила.

– Сначала я ничего не почувствовал, – продолжал он. – Мина взрывается не так громко, как все думают, но оставляет огромное облако пыли и песка. Меня отбросило в сторону. Я знал, что я жив. – Ашер замолк, и

она почувствовала, как он
сглотнул. И стала ждать,
прижавшись губами к его груди.
Когда он заговорил снова, его
голос дрожал. – Потом я не раз
жалел, что не умер. И теперь мне
за это стыдно. Многим досталось
хуже, кто-то потерял обе ноги
или три конечности, но
продолжал бороться за жизнь. В
тот момент я не понимал,
насколько все плохо. Я не знал,
что мне оторвало руку, а лицо
превратилось в кусок рубленого
мяса.

Он убрал руку с ее волос, и Саванне показалось, что он вытирает слезы. Она и сама плакала. Слезы все капали и капали ему на грудь, но она не вытирала их, продолжая прижимать ладони к его теплой коже. Он снова положил руку на ее волосы, но уже не гладил ее, а просто оставил ладонь лежать.

– Шрапнель на лице... я ее не чувствовал. А рука... я даже не знал, что ее нет, пока кто-то не положил меня на спину со словами «лицо, серьезное

ранение шрапнелью», а кто-то еще сказал: «Трое пострадавших, один с отрывом конечности». Я никак не мог понять, о ком, черт возьми, они говорят.

Единственным пострадавшим был Уильямс. Кому тогда оторвало конечность?

– Я все порывался сесть. Я хотел сесть и помочь раненому с оторванной конечностью, но они продолжали повторять: «Нет, нет. Не вставай. Лежи.» Я попытался открыть глаза, но веки, они... и я...

– Не надо больше, –
произнесла Саванна тихо, но
твёрдо, тыльной стороной
ладоней вытирая глаза.

Приподнявшись, она взглянула на
него, на ужас и безысходность,
которыми заволокло его взгляд. –
Ашер? Ашер, посмотри на меня.

Его дыхание было быстрым,
неглубоким и немного хриплым,
словно он проснулся от очень
дурного сна. Когда он неуверенно
посмотрел на нее, его глаза
блестели.

– Теперь ты уйдешь?

– Что? – переспросила она и затрясла головой. – Нет, я никуда не уйду.

С потерянным выражением на лице он сглотнул.

– Я предупреждал тебя, что это не слишком красиво.

– Ашер, – промолвила она с сердцем, разрывающимся от боли за то, что пережил этот необыкновенный человек. – Честное слово, я не уйду.

Она прижалась губами к его солоноватым от слез губам и покрыла их неровные контуры

крошечными нежными поцелуями. Они не были гладкими, как когда-то. Но она любила их такими, как есть.

Его рука медленно прошлась по ее обнаженной спине к шее, удерживая ее на месте, когда он захватил губами ее нижнюю губу. Она оседлала его, перекинув ногу через его тело, и он сел и обнял ее, крепко прижав к груди, а когда она скрестила щиколотки у него за спиной, поцеловал ее глубже, смакуя ее вкус, поглаживая кожу ее бедра, пока она посасывала его

ЯЗЫК.

Она почувствовала, как в ее живот уперлась его эрекция, упругая и пульсирующая, и в тот же миг приняла решение, зная и душой, и сердцем, что поступает правильно.

– Я хочу тебя, – прошептала она ему в шею.

– Я тебя тоже, – дрожа в ее объятьях, выдохнул он. – В следующий раз я...

– Не в следующий раз. – Она заглянула ему в глаза. – Сейчас.

Он нахмурился, и его

прерывистое дыхание опалило ее губы.

– Потому что тебе стало жаль меня?

– Жаль? Я сейчас тебя стукну, Ашер.

– Тогда что изменилось? – спросил он, и она, увидев в его глазах замешательство, смягчилась.

– Во-первых, я не была твоей девушкой, когда пришла сюда.

Она лизнула его губы, и они разомкнулись для нее, а язык закружил вокруг ее языка, пока

она устраивалась у него на коленях, прижимаясь складками своего лона к основанию его эрекции и глотая его стон, когда ее скользкое тепло слилось с ним.

– А еще...

– Еще? – онемело повторил он.

– Меня так сильно влечет к тебе, Ашер, и...

– И?

– И тебя так же сильно влечет ко мне.

– Да, – сказал он. – Я никогда не испытывал ничего подобного. Ни к кому, за всю свою жизнь.

– Я тоже, – призналась она, подавшись вперед и любуясь тем, как он, резко выдохнув, поморщился от боли и удовольствия. *Боже, как же сексуально он выглядит с таким лицом, как сейчас.* Она подвигала бедрами, чтобы еще раз увидеть его реакцию.

– Саванна, – предостерегающе произнес он.

– Я не хотела заниматься с тобой сексом, потому что не была уверена в том, кто мы друг другу, но сейчас...

– Сейчас ты уверена?

– Нет. Не совсем. Но я знаю, что небезразлична тебе. И почему-то... этого мне достаточно. – Она всмотрелась в его лицо. Она больше не могла ждать. Она больше не хотела ждать. – Я на таблетках. Ты чист?

Он заглянул ей в глаза.

– Ты же знаешь, что да.

– Мне нужно было спросить, – проговорила она и наклонилась, чтобы снова поцеловать его.

Она взяла его лицо в ладони и качнулась к нему. Между

исступленными поцелуями
скользнула по щекам к шее,
потом к плечам и, ухватившись за
них, привстала, затем
отклонилась назад и поймала
взгляд его глаз.

– Помоги мне, – попросила она
тихо, глядя на него со всей
расцветающей в ее сердце
любовью.

Его рука спустилась по ее
спине вниз и приставила его
плоть к ее входу.

– Ты уверена? – спросил он,
готовый остановиться, если она

ОТВЕТИТ «НЕТ».

– Уверена, – сказала она, а потом медленно, мучительно медленно опустилась на него сверху.

***

Задержав дыхание, он оставался совершенно неподвижен, пока ее тугая влажность идеально, мучительно крепко обволакивала его. Он чувствовал каждую кромку ее шелковистой внутренней плоти, каждую мышцу, которая

приспосабливалась к его длине и толщине. Он пульсировал внутри нее, поток эйфории уносил всю кровь из его головы, его бросало то в жар, то в холод, пока она опускалась. И только в момент, когда кончик его члена коснулся ее матки, он вздохнул.

– Ашер, – простонала она.

– Детка, с тобой так хорошо, так приятно. Сладкая Саванна.

Ашер коснулся ее лица, привлекая к себе, чтобы поцеловать, а она, держась за его плечи, приподнялась и опять

опустилась. Он содрогнулся, вспоминая, как дышать, и становясь внутри нее до невозможности толстым и твердым. Она покачивалась на нем и, когда он втянул ее язык в рот, снова оттолкнулась от его плеч и приподнялась. Но на сей раз, когда она заскользила вниз, его бедра дернулись ей навстречу, и она ахнула ему в рот.

Он застонал, когда она вновь привстала. Вновь и вновь он толкался вверх, когда она скользила по нему вниз, создавая

вместе с нею их собственный ритм. Она наклонилась, царапнула зубами его шею, беспредельно возбуждая его, и он захотел войти так глубоко, как только возможно, чтобы нельзя было сказать, где начинается он, а где она.

– Саванна, – вымолвил он, накрывая ее щеку ладонью и заглядывая ей в лицо. Она двигалась на нем, встречая удар за ударом, ее глаза были закрыты, а голова в экстазе откинулась назад. – Кончи для

меня, детка. Кончи сейчас.

Задыхаясь, она закусил губу, стиснула его плечи, до крови впиваясь ногтями в его плоть.

– Ашер, я... я... О-о-о-о!

Ее ноги сжали его талию, а голова откинулась назад. Он приник губами к ее горлу, а когда почувствовал, с какой силой пульсируют вокруг него стенки ее лона, потерял последние остатки самоконтроля и вонзился в нее в последний раз так глубоко, как только смог. Прорычав ее имя, он кончил сильнее, чем когда-либо

раньше, и все вокруг начало исчезать, и во всем мире остался существовать только он и невероятно прекрасная, яркая, нежная девушка в его руках.

Саванна, которую он любил.

Саванна, которую он будет любить вечно после того, как она уйдет.

Глава 11

Когда ты впервые понимаешь, что тебе не нужен никто, кроме него

Ашер притормозил напротив

ее дома в тот самый момент, когда
прибыл автобус в аэропорт.
Наклонившись, он притянул
лицо Саванны к себе, а затем
внедрился в ее рот языком,
помечая ее, желая, чтобы она все
выходные в подробностях
помнила, как они занимались
любовью, чтобы общение с
другими парнями не могло и
сравниться с палящей
напряженностью их встреч.

Черт. Не хотел он ее
отпускать.

Она застенчиво улыбнулась

ему и, покраснев, опустила взгляд.

– Мне кажется, они сразу поймут, чем мы занимались. У меня на лице все написано.

– Вот и хорошо. – Он еще раз крепко поцеловал ее. – Пусть поймут. Особенно десяток парней из соседнего бунгало.

– Ох, Ашер. Я столько времени прожила в Нью-Йорке. Носила черное, ругалась матом. Я – не то, что ищут ребята из Дэнверского загородного клуба. Во мне нет того, что им нужно.

Он взглянул на нее – на
полные розовые губы,
зардевшиеся щеки, яркие глаза и
блестящие каштановые волосы.

– В тебе есть все, что нужно
любому мужчине.

– Но я *твоя* девушка.

И ему не оставалось ничего
другого, кроме как снова
поцеловать ее – но, увы, коротко,
поскольку они слышали, как
кто-то резко забарабанил в
стекло. С неохотой позволив руке
соскользнуть с лица Саванны, он
нажал кнопку на дверце, опуская

стекло с ее стороны.

Снаружи стояла Скарлет Кармайл – уперев руки в боки и с чрезвычайно кислым выражением на лице.

– Вот значит как, Саванна? Исчезаем в ночь перед моим девичником, да?

Ашер перегнулся через сиденье, чтобы взглянуть на нее.

– Прости, Скарлет. В этом есть и моя вина.

Скарлет надулась.

– Ашер Ли, еще никому не удавалось заставить Саванну

Калхун Кармайкл делать то, что она не хочет. Так что цыц.

– Не говори с ним так, – одернула ее Саванна, беря Ашера за руку.

– Са-ван-на! Автобус уже здесь! Девочки внутри, пьют беллини. Через десять минут нам уезжать, а ты как сквозь землю провалилась!

– Ну, сейчас-то я здесь. Вещи у меня уже собраны, скоро я приду и тоже возьмусь за беллини. – Свободной рукой Саванна помахала Скарлет, отгоняя ее от

машины. – Иди. Ну иди же. Я только попрощаюсь, и все.

– Ну так прощайся... быстрее!
– прорычала Скарлет, становясь малиновой, как горло при скарлатине, и, сердито шурша подолом своего сарафана в лазурно-белую полосу, промаршировала в дом.

Саванна повернулась обратно к Ашеру.

– Похоже, мне нужно идти.

– Прости, что втянул тебя в неприятности.

Она пожала плечами, затем

поднесла его руку к губам и мягко поцеловала ее.

– Оно того стоило.

Он наклонился и, заменив свою руку губами, нежно поцеловал ее со всей любовью, что была в его сердце.

– Будь умницей, поняла меня?

Она кивнула, ласково улыбнулась ему и, выйдя из машины, поспешила к калитке.

С болью в сердце Ашер смотрел ей вслед, а когда за нею закрылась дверь, развернул машину и выехал на восток, в

сторону Мэриленда.

***

Саванна села в самом дальнем углу автобуса и прислонила голову к оконному стеклу, не обращая внимания на сестру и семерых ее закадычных подружек со времен школы: Линни, Дженни, Бонни, Милли, Минни, Джинни и Пташку. Для полноты картины не хватало только Кристи и Келли, которые должны были присоединиться к ним на репетиции свадебной

церемонии.

Они дружили главным образом оттого, что, во-первых, все они были настоящими южанками, тоненькими и красивыми, а во-вторых, им нравилось, как сочетались их имена, из-за чего они предпочитали называть Скарлет ее первым именем – Кэти. Как-то раз, в старших классах, они приняли участие в конкурсе талантов и спели а-капелла песню Бритни Спирс «Oops! ... I Did It Again», используя вместо

слов десять своих имен.

Как только все разместились в автобусе, было предложено переименовать Саванну в Вэнни.

– Да-а, Вэнни – очень миленькое *sobriquet*, – сказала Дженни, которая как-то раз провела неделю в Париже.

– Роскошное, – согласилась Пташка. Мало кто помнил, что на самом деле ее звали Гортензией. В детстве мать называла ее «маленькой пташкой», и это прозвище так с ней и осталось. Впрочем, если бы Саванне

пришлось выбирать между Гортензией и Пташкой, она совершенно точно тоже выбрала бы последнее.

– Все за Вэнни? – рассеянно спросила Минни, в десятый раз за время поездки обновляя блеск на губах.

Все, как одна, подняли вверх свои наманикюренные ладошки и в унисон прокричали «да». Кроме Саванны.

– Нет, – сказала она. – Я против. И поскольку откликаться на это имя я не собираюсь, то и

смысла его использовать нет,
верно, девочки?

Скарлет стрельнула в нее
выразительным взглядом, но
Саванна только пожала плечами.
Она согласилась поехать в Мертл-
Бич, пообещав себе поладить с
доброжелательными, но
недалекими подружками
Скарлет, но нелепые клички? Это
было уже за гранью.

– Саванна – *тоже* очень
симпатичное имя, – промолвила
Джинни, которая всегда
выступала миротворцем. – Как

Магнолия.

– Или Нисса. Как цветок, – сказала Линни, королева нелогичных умозаключений.

У Саванны закружилась голова. *Нисса. Как цветок.* Они ушли в перечисление флоры, тогда как Саванна была городом, – не говоря уже о том, что нисса, ради всего святого, являлась деревом, а не цветком. Она прикусила язык почти до крови и заставила себя отвернуться к окну, чуть не разбив о стекло лоб.

И ее мысли, конечно,

вернулись к Ашеру.

Как, ну как ей написать следующий отрывок о любви Адама и Кассандры? Неужели она и впрямь должна поделиться тем, что прошлой ночью произошло в спальне Ашера? Саванна тесно сдавила бедра, когда от воспоминаний к ее щекам прилил жар, а глаза заволокло туманом желания. В общей сложности она испытала пять оргазмов, и пятый, утренний, до которого Ашер довел ее, занявшись с нею

любовью, когда вошло солнце,
был из них самым прекрасным.

Проснувшись рядом с ним на
рассвете, с лицом, повернутым к
струящимся сквозь окна
солнечным лучам, она ощутила,
как Ашер отодвинул в сторону ее
волосы и зарылся в ее шею
лицом. Она испустила вздох,
теплый и томный. Тело сладко
заныло – и от усталости, и от
страсти, – когда она
почувствовала поясницей его
растущую твердую плоть,
дыхание участилось, а потом

прервалось, когда она осознала, насколько сильно хочет его – опять, и насколько правильным это ощущается – быть заполненной им, и что сегодня – ее последняя на неделе возможность вновь пережить это ощущение.

Она прижалась к нему спиной и, поощряя его, согнула ногу, а он невесомо прошелся ладонью от местечка под ее грудью до талии, потом до бедра и нежно сжал его. Придвинулся ближе, так что она ощутила, как в ее вход уперлась

его плоть. Она накрыла его руку своей, давая ему разрешение, давая понять, что готова, и он вторгся в нее, неспешно и нежно, любовно растягивая ее, пока не достиг упора.

Несмотря на всю его осторожность, она ахнула, когда он вошел, и крепко зажмурилась, когда его бархатистая твердость налилась внутри нее жаром, а он дотянулся до ее груди и начал ласкать ее, мягко перекачивая в пальцах сосок и покрывая поцелуями ее шею.

– Еще, – пробормотала она, откидывая голову ему на плечо.

Он осторожно вышел, затем скользнул в нее вновь, на этот раз глубже.

– Саванна... – простонал он, опалая горячим дыханием ее шею. – Как же это приятно...

– Еще, – повторила она и поднесла его руку к губам. Он проник в ее рот двумя пальцами, и она принялась посасывать их, кружа по ним языком, пока его бедра, покачиваясь, то отступали, то толкались в нее, вновь и вновь.

Ее ладонь, спустившись по чувствительным грудям вниз, пробралась между скользкими складками, пальцы начали тереть пульсирующий бугорок, и она всхлипнула, ощущая, как Ашер за ее спиной постепенно стал ускорять ритм.

Он вытащил из ее рта скользкие пальцы, дотянулся до ее соска и пощипывал его до тех пор, пока он не стал болезненно твердым. Саванна выгнулась, чувствуя, как внизу живота и под ее пальцами нарастает давление

и разливается жар, как она сжимается вокруг его эрекции, что продолжала, подрагивая, скользко двигаться внутри нее.

– Ашер, я уже скоро, – задыхаясь, вымолвила она. – Я почти...

Он вышел из нее почти полностью. Замер у входа и, прижав ее к своей груди, прошептал:

– Я влюбляюсь в тебя, Саванна.

А потом втолкнулся в нее сильно и быстро, и так глубоко, как только смог. Она вскрикнула.

Тело ее взорвалось, а от сладости его слов перехватило дыхание. Ее внутренние мышцы стиснули спазмом его мощную, твердую длину, крепко обхватывая его, затягивая его глубже, когда они вместе испытали оргазм – кульминация была настолько сильной, настолько полной, что была похожа на смерть и возрождение в объятьях друг друга.

Дрожа всем телом в углу автобуса, Саванна заново переживала каждый

совершенный момент, и ее глаза увлажнились, когда она вновь, точно наяву, услышала его слова.
Я влюбляюсь в тебя, Саванна.

Ибо по опыту предыдущих своих романов, из которых несколько были довольно серьезными, она знала, что стадия «я люблю тебя» всегда причиняла ей дискомфорт. Эти слова всегда казались вынужденными или надуманными, словно их обязательно следовало произнести в определенный

момент в отношениях. И они никогда не казались ей настоящими или сокровенными. До сегодняшнего утра. Она услышала это в его голосе, ощутила в его прикосновениях, увидела в его глазах, когда он ласкал взглядом ее лицо... и поняла: это правда. Ашер Ли на самом деле в нее влюблялся.

И она впервые в жизни испугалась этих слов, потому что они впервые были сказаны не просто так, не для галочки, и на них невозможно было ответить в

духе «ага, спасибо, я тоже тебя люблю». Но пусть Саванна, в отличие от Ашера, нашла в себе смелости сделать такое признание, она испытывала те же самые чувства. Она тоже в него влюблялась. До сих пор любовь случалась в ее жизни всего один раз и потому была совершенно неизвестной для нее территорией.

Ее сердце забилося, сильно ударяясь о ребра.

Саванне не нравилась неизвестность.

И все же, пока она со слезами в глазах смотрела в окно, ей открылось, что она не ощутила неловкости из-за признания Ашера. Она поняла, что в ее жизни нет практически ничего важнее его. Она хотела, чтобы он любил ее. Она желала его – его тело, его разум и сердце. Но она не знала, как получить все это и удержать, как совместить его с другими своими желаниями.

Она заставила себя вернуться к размышлениям над следующей частью статьи, который ей

предстояло написать и отправить Макнабу. Отключилась от окружающего ее пения и болтовни и прислушалась к словам, звучащим у нее в голове. *Я влюбляюсь в тебя.* Ее журналистская жилка требовала поставить их заголовком, а ниже со вкусом расписать, как они пришли к этим словам. Это было ровно то, что хотелось Макнабу. Самый сок любовной истории. Душещипательный момент, на котором в глазах у читателей появятся вуайеристские слезы от

умиления к искалеченному ветерану, который неожиданно-негаданно нашел любовь в объятьях репортерши.

Она нахмурилась, глядя на свое отражение в стекле, за которым проносились зеленые холмы.

Дело было не в анонимности; прайвеси Ашера можно было легко защитить, изменив их имена. Нет, дело было в совершенной новой проблеме, с которой Саванна еще не сталкивалась. Их любовная связь

могла лечь в основу прекрасной истории, но ведь она была... только *их* связью.

Ашер произнес эти слова *ей*. Ей одной. Прошептал их ей на ухо, пока они лежали, интимно слившись телами, и нежно, с благоговением обнимали друг друга. То были сокровенные, всемогущие слова, и пусть из них получился бы хороший сюжет, они принадлежали только ей и Ашеру, и тому, что они пережили во время самого пронзительного рассвета в ее

жизни. Они были предназначены только для ее ушей, а не для сотен тысяч слушателей.

И тем не менее. Даже если они с Ашером придумают, как соединить их миры, разве сможет она удовлетвориться жизнью в Дэнверсе, зная, что оттолкнула шанс начать свою карьеру заново? Хватит ли тепла любви Ашера, чтобы компенсировать ее несбывшиеся мечты?

– Вэн! – Скарлет бросила в нее маленьким пакетиком фольги и попала им прямо по лбу. – Ты

чересчур серьезная для моего девичника!

Саванна подобрала с коленей презерватив и покачала головой, глядя на сестру, которая успела нацепить усыпанную розовыми стекляшками пластмассовую тиару с белой вуалеткой и надписью «Будущая невеста». Подхватив ближайшую из ходивших по кругу серебряных фляжек, Скарлет вручила ее через сиденья Саванне, взяла другую себе и с широкой улыбкой вскричала:

– За меня!

Скарлет вздохнула. В кои-то веки Скарлет оказалась права. Ее одолели слишком тяжелые мысли. И она, решив отложить решение проблем на потом, ослепительно улыбнулась сестре и крикнула:

– За тебя! – А потом, запрокинув голову, осушила фляжку с водкой и лимонадом до дна.

***

– Ну что, Ашер, – произнес

полковник Маккаффри, военный врач, заходя в кабинет и усаживаясь напротив него за стол. – Приступим? Сегодня мы снимем слепок, через неделю тебе нужно будет приехать для примерки, а еще через две – за готовым протезом. И вот когда ты за ним приедешь, я советую тебе на некоторое время остаться и поучиться, как им пользоваться. Я знаю, ты надеялся обойтись двумя визитами, но так оно просто не делается.

– Я понимаю, сэр.

– Значит, ты готов пойти до конца?

Перед его глазами возникло лицо Саванны, и он ни секунды не колебался с ответом. Пришло время начать жить *внутри* мира, а не за его пределами.

– Да, сэр. Готов.

Полковник подвинул к нему пачку бланков.

– Вот, кое-какие бумаги. Ты знаешь, как это делается. Верни, как только заполнишь.

– Да, сэр. – Он прижал бумаги ладонью, затем, подняв голову,

встретился с врачом взглядом. – А мое лицо, сэр?

Маккаффри открыл лежащую на столе папку. Взглянул, сдвинув брови, на ее содержимое, затем закрыл ее и передал Ашеру.

– Погоди минутку, сынок, не открывай. Я не люблю компьютерные прогнозы, поскольку медицина, в особенности по части реконструктивных операций, далека от точных наук. И мне не хочется, чтобы ты испытал излишнее воодушевление или

разочарование, потому что в реальности никаких гарантий нет. Это всего лишь предположение, основанное на том, какие процедуры попытаются сделать врачи. Однако мы полагаем, что вот так ты будешь выглядеть после всех операций.

Ашер смотрел на папку, которая хранила ответ на вопрос, получится у него или нет снова начать жить полноценной жизнью. Он сделал глубокий вдох и, внезапно почувствовав за

веками жжение, открыл ее. И то, что оказалось внутри, заставило его ахнуть, и он часто заморгал, чтобы не расплакаться перед полковником.

Нет, человек, который смотрел на него, был далеко не идеален. Его кожа сохранила неровную текстуру и цвет. Его нос был слегка деформирован. Но у него было два симметричных уха, его щека и челюсть выглядели практически нормальными, а веко правого глаза не обвисало. Конечно, если задержать на нем

взгляд, можно было заметить, что с ним что-то не то, но если не приглядываться, он вполне мог слиться с толпой. Он не был красавцем, но в целом имел возможность вести нормальную жизнь.

– Сэр, я... я не знаю... я хочу сказать... – Ашер снова взглянул на изображение и заморгал.

– Все нормально, сынок. Я понимаю. – Помолчав, врач мягко заговорил: – Стопроцентной гарантии нет. Это реконструкция, основанная на том, что мы имеем,

с учетом того, что нам удавалось в прошлом. Может получится чуть лучше или чуть хуже.

Единственный способ узнать – это попробовать.

– Сколько операций? – спросил Ашер.

– Минимум четыре. Максимум семь.

Ашер поморщился.

– А сколько лет?

– А вот тут я тебя обрадую.

Если все пойдет хорошо – около полугода. Мы начнем с твоего уха. В наше время можно сделать

новое ухо из хряща, но я бы хотел начать с протеза. Сперва нам придется снять поврежденную кожу, затем мы сделаем операцию и имплантируем магнит, чтобы ухо оставалось на месте, после чего возьмем ткань с твоего лба и восстановим правое веко. И наконец с помощью силиконовых имплантов исправим твою щеку и челюсть. Я знаю, что помимо всего прочего тебя беспокоит нога. Можем заодно подумать, что сделать и с ней тоже.

Ашер покачал головой.

– Семи операций достаточно, док. Я могу жить и с такой ногой. Как есть.

– Тебе придется много ездить туда-сюда, сынок. По четыре часа в один конец во время довольно травматических процедур.

Ашер вновь подумал о Саванне, о ее милом лице и ярких глазах. Он не мог позвать ее с собой в это адское шестимесячное путешествие. Как и не мог попросить ждать его. Он должен ее отпустить. Она уедет в Финикс,

а он в Мэриленд. И что бы ни ожидало их в будущем, оно раскроется само – позже.

А пока у него оставалось еще две недели с ней, и он не собирался тратить это время на что-либо еще.

– Что у нас со временем?

– Первую операцию можно провести через три недели.

Ашер с облегчением кивнул.

– Спасибо, сэр.

– Так ты снимешь жилье здесь, в Бетесде? Тебе потребуется провести в городе большую часть

июля, августа и сентября. В октябре ты сможешь вернуться домой, однако время от времени приезжать сюда все же придется. Ну а закончено все будет, если обойдется без накладок, уже к Рождеству.

К Рождеству. Черт. Это ведь страшно долго. Не сумев совладать с собой, он, хоть и не имел на то права, задумался, будет ли Саванна ждать его, будет ли он по-прежнему нужен ей к Рождеству. И его сердце сжалось при мысли, что,

возможно, уже нет.

– Я подыщу квартиру, сэр.

Кивнув, полковник указал на папку.

– Не могу отставить ее у тебя.

– Знаю, сэр.

– Еще вопросы есть, Ашер?

– Нет, сэр.

Полковник встал и протянул ему руку.

– Ну, тогда увидимся на примерке через неделю. Не забудь, сегодня в четыре часа мы снимаем слепок.

В четыре часа. Все важное в моей

жизни происходит в четыре часа.

– Да, сэр. – Ашер пожал врачу руку и вслед за ним вышел из кабинета.

– Ашер, я рад, что ты наконец-то решился на этот шаг. Можно спросить, почему ты передумал?

Ашер ощутил фантомное прикосновение ее рук, вспомнил, как она прижималась к нему, как вскрикнула, когда сегодня утром они вместе достигли кульминации. То, что происходило между ним и Саванной, было слишком

личным, слишком сокровенным, чтобы делиться с кем бы то ни было – даже с врачом, которому он симпатизировал и доверял.

– Простите, сэр. По личным причинам.

Понимающе ухмыльнувшись, полковник Маккаффри похлопал его по плечу.

– Бьюсь об заклад, она красавица.

– Так и есть, – произнес Ашер, с улыбкой закрывая за собой дверь. *Она самая потрясающая девушка на свете.*

***

Самая потрясающая девушка на свете тем временем сидела в Мертл-Бич и, будучи прилично навеселе, смотрела в тарелку со стойком, чувствуя протестующее бурление в животе.

Они прибыли в город к полудню, день провели, загорая, на пляже, а когда с наступлением сумерек вернулись, наконец, к своему арендованному бунгалу, обнаружили, что парни затеяли барбекю.

Трент поймал свою будущую

супругу за талию и пригласил всех на ужин, пообещав стейки, сосиски – от внимания Саванны не укрылось хихиканье в духе Бивиса и Баттхеда, когда прозвучал этот пункт меню – и море холодного пива. Разве могли они отказаться?

Не укрылась от ее внимания и тлеющая улыбочка, которой одарил ее Лэнс Гамильтон, старший брат Трента, с которым у Саванны в старших классах был недолгий (и с треском провалившийся) роман. Позже

ходили слухи, что с ним потеряла свою невинность Серена Шеперд – после того, как Лэнс весь вечер накачивал ее ромом с колой, а сам при этом не пил. Спустя некоторое время Лэнс женился на какой-то трепетной штучке, с которой познакомился в Чапел-Хилл, вернулся в Дэнверс, а через несколько лет его застукали в компрометирующей позиции с секретаршей. Трепетная штучка, узнав об измене, перестала быть трепетной, забрала их трехлетнюю дочь, вернулась в

Теннесси и подала на развод. И Лэнс, к несчастью, снова сделался холостяком.

За ужином Саванна села в самом конце длинного стола – рядом с Пташкой, поскольку они пришли последними. А потом между ними протиснулся Лэнс.

– Эй, Пташка, дай-ка старым друзьям посидеть вместе.

Пташка, виновато пожав плечами, подвинулась, а Саванна закатила глаза.

– Умеешь ты убить комплимент, Лэнс.

– Ты сейчас шикарно
выглядишь, Саванна Кармайкл, –
произнес он, поворачиваясь к ней
лицом во всей своей
ослепительной красоте. У него
были идеальные губы, высокие
скулы и патрицианский нос
истинного южанина. Его темно-
русые волосы были зачесаны
назад, как у какого-нибудь
банкира с Уолл-стрит, а небесно-
голубая рубашка-поло была
подобрана точно под цвет его
глаз.

– И снова ты сразил меня

наповал, Лэнс. Получается, раньше я выглядела не очень? – Она оглядела свое черное облегающее платье с глубоким вырезом. Оно, конечно, мало походило на сарафан в цветочек, но Саванна постаралась максимально угодить Скарлет, которой хотелось, чтобы на выходных все девочки были нарядными. Она взялась за свое массивное серебряное ожерелье и принялась перебирать его крупные звенья.

– Было не угадать за тем

слитным купальником, в котором ты пришла с пляжа. Мне нравится, когда мои женщины носят *бикини*. – Указательным пальцем он провел по ее плечу. – Есть у вас бикини, мисс Саванна?

– Даже если и есть, – любезно отпарировала она, – то перед тобой я в нем разгуливать не собираюсь.

– Бр-р! Как холодно. Крошка, ты в своем Нью-Йорке стала настоящей ледышкой. Я был бы не прочь слегка тебя отогреть.

Она залпом допила свое пиво.

Это была третья или четвертая бутылка, и она уже поплыла, но легкое опьянение помогало ей удерживать мысли от Ашера и от статьи, что в данный момент – поскольку она не могла перенестись к Ашеру и не могла решить, как написать следующий текст – было как нельзя кстати.

– Ладно тебе, крошка. Было время, мы с тобой отлично ладили.

Он достал из стоящего напротив ведерка со льдом новую бутылку пива, открыл ее и

вручил ей.

– *Отлично ладили?* У нас было три свидания, Лэнс. Ты попытался меня облапать, и я положила этому конец.

– Мы как раз подбирались к отличной части. – Он облизнул губы и улыбнулся ей, а потом поднес бутылку ко рту и запрокинул голову. И то ли всему виной был алкоголь, то ли открывшийся вид на его горло, пока он глотал, но Саванна была вынуждена признать: Лэнс был жутко симпатичным парнем.

В ее сознании промелькнуло лицо Ашера, и она, ухватившись за него, сделала большой глоток пива.

– Я кое с кем встречаюсь, Лэнс.

– Что-то такое я вроде слышал, но ни на секунду и представить не мог, что это правда. –

Сощурившись, он отрезал кусок стейка и начал задумчиво его пережевывать.

– Ну, несмотря на твое скудное воображение, это все-таки правда.

– С Ашером Ли? С этим старым воякой? С калекой? –

Хохотнув, Лэнс повернулся к ней.
– Неужели все настолько плохо,
Саванна, что тебе приходится
встречаться с цирковыми
уродцами?

Она уставилась на свой
недоеденный стейк, и у нее
скрутило живот. Хватит. Она не
обязана сидеть тут и слушать, как
Лэнс Гамильтон поливает грязью
мужчину, которого она любит.

– Ты как был, придурком,
Лэнс, так и остался.

Саванна перекинула ноги
через скамью и встала. *О боже. Все*

кружится. Она ухватилась за плечо Лэнса, чтобы восстановить равновесие, а он накрыл ее ладонь своей, быстро поднялся и обвил рукой ее талию.

– У-упс, мисс Дэйзи.

Из-за фигуры Лэнса выглянула Пташка.

– Саванна, с тобой все в порядке?

Саванне не особенно понравилось то, как Лэнс ее обнял, но без его поддержки она боялась упасть и потому с благодарностью похлопала его по

ладони.

– Все прекрасно, милая
Пташка.

Покрепче обхватив ее талию,
Лэнс одарил Пташку своей самой
обворожительной улыбкой,
бросил взгляд в дальний конец
стола, где заправляли вечеринкой
Скарлет и Трент, затем еще раз
ей улыбнулся.

– Не нужно никого беспокоить,
Пташка-глупышка. Если кто
спросит, скажи, что Саванна
пошла проветриться, а меня
прихватила с собой ради

моральной поддержки.

Саванна, увидев на лице Пташки тревогу, успокаивающе улыбнулась ей, после чего громко икнула. И хихикнула, прикрывая рот.

– Пташка, только не говори Скарлет, что я напилась, – попросила она заговорщечким шепотом.

– Будь осторожна, Саванна.

Саванна закатила глаза в ответ на ее провинциальное беспокойство. Бога ради, она ведь жила в Нью-Йорке. Что, она не

справится с Лэнсом Гамильтоном во время короткой бодрящей прогулки на пляж? Конечно, справится.

Лэнс повел ее прочь, и когда они завернули за дом, она оттолкнула его.

– Держи свои руки при себе, Лэнс.

– Я лишь стараюсь быть джентльменом. Помогаю даме в затруднительном положении.

– В день, когда ты станешь джентльменом... – проговорила Саванна, не замечая, как он

сощурился в ответ на ее сарказм.

Он взял ее за руку и потянул в темноту, в сторону пустынного пляжа.

– Не ершишь. Я тебя услышал. Ты с Ли. Я не собираюсь к тебе подкатывать. Мы просто прогуляемся до воды и поглядим на огни. Ты подышишь свежим воздухом и, я уверен, тебе в момент станет лучше.

Тон его был дружелюбным и успокаивающим, и он не делал ничего дурного, а просто держал ее за руку, и Саванна

расслабилась.

– Дыши, – сказал он, замедляя шаг. – Чувствуешь? Пахнет морем.

– М-м-м... – Ашер был прав. Даже за четверть мили от Странда она улавливала запах попкорна и сахарной ваты. – Как он и говорил.

– Кто – он? – спросил Лэнс, приобнимая ее за талию.

Ей это не понравилось, но она по-прежнему держалась на ногах нетвердо и потому ничего не сказала.

– Ашер. – Она улыбнулась, думая о нем. – Он приезжал сюда.

– До того, как ему снесло физиономию? Говорят, он весь изуродован. Это правда?

Саванна попробовала от него отстраниться, но Лэнс крепко прижал ее к своему бедру. Она оглянулась на дом. Увы, они успели отойти от него на приличное расстояние.

– Не говори о нем в таком тоне, – сказала Саванна, начиная ощущать тревогу. Она попыталась вывернуться, но

хватка Лэнса была сильна.

– Или что?

– Отпусти меня, Лэнс.

Он не послушался. Он схватил ее двумя руками за талию и, дернув к себе, прижался ртом к ее шее, а его эрекция агрессивно толкнулась в ее живот.

– Не-а. Думаю, ты передо мной в долгу за то, что я помог тебе уйти из-за стола, пока ты не опозорилась перед всеми. Думаю, ты должна мне по меньшей мере несколько поцелуев.

Свободной рукой Саванна

размахнулась и со всей силы ударила его по лицу, угодив кулаком по носу.

– Черт! – взревел он и, отпустив ее, схватился за окровавленный нос.

Саванна не стала дожидаться, чтобы посмотреть, что будет дальше. Повернулась и со всех ног бросилась в сторону горящих в домах огней. Она задыхалась и обливалась потом, ее шлепки увязали в песке, но она продолжала бежать до тех пор, пока ее не сбили с ног. Она

тяжело упала наземь, ветер
вышиб воздух из ее легких, а на
зубах закрипел песок.

– Ты ударила меня? Дешевая
шлюха! – Лэнс придавил ее своим
весом, не давая дышать, и
Саванна в панике забилась на
песке. – Ладно, не хочешь по-
хорошему, будет по-плохому.

Внезапно он приподнялся,
перевернул ее на спину и, снова
усевшись сверху, задрал подол ее
платья.

– Смотри на меня, Саванна. Я
хочу, чтобы ты смотрела мне в

глаза, пока я буду тебя брать.

Смена положения позволила ее легким расправиться, и она, жадно глотая воздух, принялась молотить его кулаками, не разбирая, куда бьет. Однако Лэнс был сильнее и к тому же находился в более выгодной позиции, чем она. Одной рукой он схватил оба ее запястья, завел ей за голову и, причиняя боль, пригвоздил к земле.

– Прекрати дергаться, иначе я...

Прежде, чем он успел

договорить, Саванна откашлялась и плюнула ему в лицо. Слюна попала ему в глаз и скользкой струйкой потекла по щеке, смешиваясь с кровью из разбитого носа. Глаза Лэнса вспыхнули яростью в тусклом свете, долетавшем из находившихся на отдалении домов. Он наотмашь ударил ее по лицу, разбивая ладонью ее губы, и она, чувствуя, как он шока кружится голова, ощутила на языке металлический привкус крови.

– Калеке, значит, даешь, а нормальному здоровому мужчине отказываешь?

Неблагодарная тварь. – Лэнс полез ей под платье, и в момент, когда она почувствовала, как он ухватился за резинку ее трусиков, издалека донеслись голоса. Кто-то звал ее.

– Саванна? Саванна, ты где?

– Саванна, ты там? Эй!

Пташка и Дженни.

Заслышав голоса, Лэнс глумливо оскалился. Затем взглянул на нее сверху вниз и,

вытащив из-под ее платья руку, слез и сел на колени с ней рядом.

Согнувшись пополам, Саванна перекатилась набок. Кашляя и всхлипывая, она встала на четвереньки, и ее вывернуло на песок.

– О, нет! – Голос Пташки, которая слышала, как ее тошнит, был совсем близко.

Внезапно возле нее оказалась Дженни.

– Ох, Саванна, милочка, тыхватила лишнего.

Сбоку заговорил Лэнс:

– Бедняга попала мне по носу, когда наклонилась, и ее начало рвать.

Ни Пташка, ни Дженни ничего на это не сказали, но Саванна почувствовала, как их маленькие ладони подхватили ее под руки, помогая подняться.

– Идем, Саванна, – сказала Дженни. – Тебе надо умыться.

Саванна встала, тыльной стороной ладони вытирая рот.

– Милочка! – пискнула Пташка, вытаращив глаза при виде ее разбитой губы. – Да ты

поранилась!

– Я... я... – Саванна пыталась восстановить дыхание, но страх и ярость сдавливали ей горло, мешая дышать. Она оглянулась на Лэнса, который зло смотрел на нее, сидя на песке и зажимая окровавленный нос платком.

– Мы так, развлеклись немного. Поборолись в песке, – с вызовом сказал он, испепеляя Саванну взглядом.

– *Поборолись?! Да еще минута, и ты бы меня изнасиловал!* – крикнула она. Отняла ладонь ото

рта и увидела на ней тонкую полосу крови. По ее лицу текли слезы, но она почти не замечала их и не вытирала. Она посмотрела на Лэнса в упор, и он, не выдержав ее взгляда, отвернулся к воде.

– Какое некрасивое слово.

Думается мне, я выгляжу похуже вашего, мисс Саванна, – сказал он. Он пытался говорить небрежно, но она расслышала в его голосе неуверенность.

– Я подам на тебя в суд, – заявила она, и Дженни с Пташкой

в один голос ахнули. Суд был чересчур радикальным способом разрешения проблем, так поступали только северяне, но Саванне было плевать. Лэнс Гамильтон был опасен, и всем девушкам Дэнверса следовало об этом узнать.

– Пьяная девица пошла прогуляться на пляж. В итоге у нее и ее спутника оказались разбиты лица. Как по мне, мы квиты, Саванна. Может, мне тоже стоит подать на тебя в суд.

Лэнс был прав. Он не сделал в

ее отношении ничего сверх того, что она сделала ему. У них обоих шла кровь, а изнасилования, по сути, не было. Что толку, если они оба выдвинут обвинения друг против друга?

– Какая же ты дрянь, Лэнс Гамильтон.

– Саванна, идем. Сейчас же, – быстро проговорила Дженни, утягивая ее за собой.

– Ты крыса. Сволочь. Жалкий насильник, – выкрикивала Саванна, отбрасывая за плечо испачканные в песке волосы и

вырываясь из рук державших ее девушек.

– Воу, воу, мисс Саванна. Не надо обзывать, – спокойно произнес Лэнс. Он так и сидел на песке, глядя на океан.

– Давай вернемся в дом, милочка, – сказала Пташка. – Мы поможем тебе умыться.

– Вы же знаете, что он из себя представляет. Знаете не хуже меня.

Обе девушки промолчали.

– Саванна, тебе нехорошо. – Дженни потянула ее за руку. –

Идем.

Саванна наклонилась к Лэнсу поближе.

– Если я хоть раз услышу, что ты сделал с какой-нибудь женщиной то, что сегодня сделал со мной, я напишу самую громкую разоблачительную статью, на которую только способна, и тогда *весь* Дэнверс узнает, какой ты мешок с дерьмом.

Не глядя на нее, Лэнс нахально усмехнулся, и тогда Саванна развернулась, а Дженни и

Пташка повели ее, держа под руки, в дом.

Глава 12

Когда ты впервые видишь с ним свое будущее

Въезжая в Дэнверс во второй половине субботы, Ашер думал о том, во сколько же завтра Саванна вернется из Мертл-Бич. На понедельник у них была запланирована очередная встреча, но до нее оставалось еще сорок восемь часов, что после всего, пережитого ими в четверг

ночью, походило по ощущению на сорок восемь миллионов лет. Нетерпеливое влечение с самого начала было важной составляющей его отношений с Саванной – он захотел в тот самый миг, когда она появилась у него на пороге, одетая в сарафан сестры, – но с некоторых пор оно переросло в нечто большее, в глубокое, всепоглощающее чувство из тех, что могут изменить всю твою жизнь.

Остановившись на подъездной дорожке, он вышел из машины и,

подхватив из багажника сумку,
направился к дому.

– Добрый день, мисс Поттс! –
бодро поздоровался он, когда она
отворила ему дверь.

– Как Мэриленд?

– Сняли слепок. В следующие
выходные съезжу на примерку, а
еще через неделю все будет
закончено.

– А ваше...?

– Лицо? – Он вздохнул,
проходя мимо нее в прихожую. –
С этим сложнее.

– Сколько? – спросила мисс

Поттс.

– По меньшей мере четыре, –
ответил он. – Может быть семь.

– И что они планируют
сделать?

Позволив сумке соскользнуть с
плеча на мраморный пол, он
взглянул на мисс Поттс.

– Ухо. Нос. Челюсть. Часть
щеки.

– Сильное начало, –
произнесла она. – А ваша нога?

Он покачал головой.

– Ногу я трогать не буду.

– Разве они...

– Нет. Только лицо.

Мрачно улыбнувшись ему, она один раз кивнула и отвела глаза в сторону, словно хотела сказать что-то еще, но не знала, с чего начать.

– Вам... собрать что-нибудь поесть?

Он присмотрелся к ней повнимательней.

– Мне кажется, или вы и впрямь ведете себя как-то странно?

Она быстро отвернулась и поспешила на кухню.

– Я...

– Мисс Поттс, – проговорил он, следуя за ней по пятам, – что с вами?

Остановившись у кухонной раковины, она повернулась к нему лицом.

– Прежде всего, чтобы вы на меня не накинулись, – начала она, – знайте, что на сей раз я совсем не при чем.

– О чем вы?

– Я... признаю, что в те выходные ввела Саванну в заблуждение, но лишь потому,

что хотела, чтобы она смотрела на вас, как на мужчину, а не как на инвалида.

– Что вы сделали? –
заволновался он.

– Ничего, Ашер. Клянусь. –
Мисс Поттс беспомощно пожала плечами. – Она отменила понедельник. Без объяснений. Просто отменила и все.

– То есть?

– Саванна позвонила сегодня утром и отменила вашу понедельничную встречу.

У него упало сердце. Ладонь

вспотела, и он стиснул ее в кулак. Перед глазами неоновой вывеской вспыхнуло – Мертл-Бич.

– Что она сказала?

– Попросила передать вам, что не сможет прийти, и что ей очень жаль. И сразу повесила трубку.

Мозг Ашера заработал. Что-то не складывалось. Он прокрутил в памяти их последний разговор и не смог припомнить ничего, что указывало бы на ее желание отдалиться от него. *Мальчики поселятся по соседству.*

Он отвернулся от мисс Поттс,

чтобы она не увидела на его лице смятение.

– На фоне был слышен какой-нибудь шум? Было похоже, что она веселится на пляже или на вечеринке?

– Нет. Ничего такого.

Он сглотнул, потер щеку и вновь неприятно поразился ощущению неровной кожи под кончиками пальцев. Он до сих пор порой забывал, насколько сильно он изувечен. А она была в Мертл-Бич в компании молодых симпатичных парней. Ашер

представил ее с другим, и у него оборвалось дыхание. Нет.

Саванна не могла так поступить.

Только не на следующий день после проведенной с *ним* ночи.

Она... Она бы не стала...

– Когда она звонила? – спросил он отрывисто.

Мисс Поттс подала ему телефонную трубку.

– Вот. Посмотрите сами.

Нажав на кнопку, он вызвал меню и двумя входящими звонками ниже увидел время, когда звонила Саванна. 11:23 утра.

Затем ему пришла в голову одна мысль. Он насупился, глядя на телефон.

– Встречу отменила сама Саванна? Не ее мать?

– Нет, дорогой. Звонила точно Саванна. Не Джуди. Если мне не изменяет память, они с Фрэнком уехали на выходные по церковным делам.

Он взглянул на мисс Поттс.

– Но звонок был сделан из дома ее родителей.

Мисс Поттс кивнула.

– Этим утром.

Новый кивок.

– Но ведь Саванна сейчас в
Мертл-Бич.

На это мисс Поттс только
растерянно пожала плечами.

Пытаясь осмыслить
произошедшее, он рассеянно
положил телефон на стол. А
потом развернулся на каблуках и
вышел в коридор и за дверь.

***

Саванна поморщилась,
разглядывая свое отражение в
зеркале спальни. Ее губы опухли;

в том месте, куда пришелся удар Лэнса, была красновато-коричневая корочка запекшейся крови, а ниже бледнел синяк. По пути домой она заехала в местную клинику, и врач пообещал, что через пару дней все пройдет, однако в данный момент она выглядела так, словно подралась с кем-то в баре.

После того, как Пташка и Дженни проводили ее до бунгало, она попросила их привести сестру, только не говорить зачем, чтобы не

устраивать переполоха. Скарлет влетела в спальню, раздраженная тем, что ее оторвали от барбекю, но когда Саванна, сидя на кровати, подняла голову, у нее вытянулось лицо.

– Вэн! Что случилось?

– Твой будущий деверь малость забылся, – сказала она, приняв решение не вдаваться в детали, чтобы не портить сестре выходные. Она объяснит, как все было, позже, когда они вернутся домой.

– Что? Лэнс?

– Он самый.

– Ох, Вэн, ты в порядке?

Наверняка произошло какое-то недоразумение, – слабым голосом выдавила Скарлет. – Просто наш Лэнс любит пофлиртовать.

– Нет, мисс, – ответила Саванна с нажимом. – Как бы не так.

Очевидно, что-то в ее тоне передало серьезность ситуации, поскольку спорить Скарлет не стала. Возможно, ей было известно, что Лэнс опасен. Возможно, она сама раз или два

становилась объектом его неподобающего внимания.

Сделав судорожный вдох, Саванна выкатила из гардеробной свой так и не распакованный чемодан.

– Я уезжаю домой, – сказала она и отправилась в ванную за купальником. – Я не могу здесь оставаться.

– Нет! Нет, Вэн, не уезжай. – Скарлет подбежала к ней и, взяв ее за руку, притянула к себе. – Вэн, мне очень жаль, что так вышло.

– Мне тоже. Но я все равно уезжаю, – сказала Саванна. Ее нервы были все еще на взводе из-за того, что чуть было не случилось на пляже. – Я не стану заявлять в полицию. Когда ты увидишь Лэнса, то поймешь, почему.

У Скарлет округлились глаза.

– Но пусть только попробует еще раз обидеть женщину. Я раздавлю его, Скарлет. Клянусь, эта история попадет в печать.

Саванна вызвала такси и успела на последний вечерний

рейс из Мертл-Бич в Вашингтон, а утром, переночевав в мотеле при аэропорте, арендовала машину, на которой и вернулась домой, твердо настроившись отправить счет за расходы в компанию «Гамильтон и сыновья».

Глядя в зеркало, она осторожно коснулась ранки и поморщилась, когда боль отдалась в ее и так разламывающейся голове. До понедельника оно точно не заживет. Может, к среде – и то,

если повезет.

Мисс Поттс не стала выуживать из нее информацию, когда Саванна позвонила ей и сказала, что не придет в понедельник, но она расслышала в голосе пожилой женщины разочарование. Подводить Ашера было невыносимо, однако она стыдилась того, что произошло на пляже, и не хотела, чтобы Ашер хоть на мгновение решил, что ей захотелось остаться с Лэнсом наедине. Чем ворошить осиное гнездо, лучше просто

дождаться среды.

Саванна вернулась в кровать, чтобы проверить почту. Одно хорошо: в отсутствие родителей дома было тихо, и день вышел продуктивным. Она отправила Макнабу свой третий текст, и он почти сразу перезвонил ей, чтобы сообщить, насколько ему все понравилось.

– Кармайкл, я решил опубликовать статью целиком. Большой, шикарный материал на Четвертое июля о том, как местная девчонка и

искалеченный солдат обрели любовь. Будет бомба.

Саванна слабо улыбнулась в трубку. Несмотря на измененные имена и отсутствие упоминания Дэнверса, она по-прежнему испытывала дискомфорт, раскрывая интимные подробности своих отношений с Ашером. Последний отрывок был посвящен семейному ужину, вечернему кино и тому, как Ашер признался, что начинает в нее влюбляться.

Она долго правила текст,

стирая и заново переписывая слова.

Ранним утром я проснулась с ним рядом. Купаясь в лучах восходящего солнца, я прижала кончики пальцев к его покрытому шрамами лицу, а он посмотрел мне в глаза и сказал, что начинает в меня влюбляться.

Саванна, разумеется, не стала уточнять, что при этом оба они были обнажены, и что сразу после своего бесценного признания Ашер вошел в нее сильно и глубоко, подарив ей

самый лучший в ее жизни
утренний оргазм. Она
передвинула курсор на слова
«начинает в меня влюбляться» и,
выделив фразу, долго не сводила
с нее взгляд. Она тоже
влюблялась в него. Было
невыносимо знать, что иного
способа выбраться из
профессиональной пропасти, в
которой она оказалась, нет. Ей
оставалось только надеяться, что
Ашер или вообще не увидит
статью, или простит ее за
использование деталей их связи.

Она перекатилась на спину и уставилась в потолок, думая о том, чем он может быть сейчас занят. Читает в роще? Или сидит за поздним ланчем у себя в кабинете? Прилег вздремнуть, а может болтает за шахматами с мисс Поттс? Она ужасно тосковала без него, жалея о том, что нельзя запрыгнуть в машину и примчаться к нему домой. Они могли бы провести вместе все выходные, и дни сами собой перетекали бы в понедельник. И ночи. О боже, ночи... Ее дыхание

участилось, а пульс застучал, как молоток. У нее никогда еще не было столь страстного и терпеливого любовника, как Ашер. Он будто не мог насытиться ею, как, впрочем, и она им.

В какой-то момент она совершенно перестала обращать внимание на его увечья. Не говоря уже о том, чтобы испытывать при виде них шок. Его губы, его сильная рука, его прекрасный торс... Он любил ее так, как физически ее не любили ни разу

в жизни. Он стал для нее точно наркотик, и представлять будущее без него становилось все сложнее и сложнее.

...Звонок в дверь, который к тому времени, как она услышала его, прозвучал, наверное, дважды, вырвал ее из ленивых мечтаний. Саванна спустилась вниз, ожидая увидеть знакомую матери, которая обещала принести для Скарлет свадебные журналы. Больше приходить было некому, ведь предполагалось, что все выходные она проведет в Мертл-

Бич.

Отворив дверь, она ахнула и, столкнувшись взглядом с глазами Ашера, закрыла разбитые губы ладонью.

Но опоздала. Он успел их увидеть.

Его лицо, сперва удивленное, затем радостное, в один момент стало встревоженным. Протянув руку, он мягко взял ее за запястье и отвел ладонь от ее лица. И при виде уродливой ранки резко втянул в себя воздух. Она попыталась забрать руку, но он

держал ее крепко, и все ее попытки вывернуться привели только к тому, что она затащила его внутрь. Ногой он захлопнул за собой дверь.

– Что случилось?

– Я... – Она слегка задыхалась.

– Я...

– Не трать время на ложь, – сказал он мягко и, отпустив ее запястье, бережно провел подушечкой большого пальца по ее губам, изучая ушиб. – Я все равно узнаю.

Его взгляд нашел ее

переполненные отчаянием глаза, и она к своему ужасу упала ему на грудь и разрыдалась, спрятав лицо у него на плече, когда ее окружили его сильные руки.

***

*Я убью его. Я убью Лэнса
Гамильтона.*

Саванна сидела, свернувшись рядом с ним, на диване. Он обнимал ее за плечи, а она, подоткнув под себя ноги, прятала лицо у него на шее. Плакать она уже перестала, но ярость,

занявшаяся внутри него, пока она рассказывала о том, что произошло в Мертл-Бич, продолжала, раскаляясь добела, нарастать. Всеми мышцами тела он жаждал найти Лэнса Гамильтона и впечатать кулак этому типу в лицо.

Господи боже. Если бы Пташка и Дженни не отправились на ее поиски... если бы они задержались хотя бы на пару минут... То, что Гамильтон посмел прикоснуться к ней своими грязными губами и залез

ей под платье, было уже достаточно плохо. Ашер ощутил, как в его венах, пробуждая все имеющиеся у него защитные инстинкты, забурлил адреналин, и, обняв ее еще крепче, прижался губами к ее волосам. Гамильтон получит свое. Уж он позаботится об этом. А пока нужно сконцентрироваться на Саванне.

– Детка, мне так жаль, что с тобой это случилось, так жаль.

Она всхлипнула, вцепившись в его рубашку, и он почувствовал, как у нее перехватило дыхание.

– Не стоило мне напиваться, – пробормотала она тихим, полным раскаяния голосом.

– Нет! – сказал Ашер резко и отклонился, чтобы посмотреть ей в лицо. – Не смей. Ты не сделала ничего плохого. Он – проклятая скотина, Саванна. Ты не...

– Ашер, я знала, что он из себя представляет. И что с ним нельзя оставаться наедине. Я знала, что он сделал с Сереной Шеперд.

– Что? – переспросил он. – С младшей сестренкой Джока Шеперда? Что он с ней сделал?

– Насколько я знаю, он ее изнасиловал. Когда мы были в последнем классе.

– Изнасиловал, – повторил Ашер, с ненавистью ощутив во рту отвратительный вкус этого слова.

– Как минимум, не обошлось без очень сильного принуждения.
– Саванна помолчала. – Нет, это полная чушь. Это было именно изнасилование.

– Ты уверена?

Саванна кивнула, уткнувшись лицом в его грудь.

– Я была в туалете и случайно подслушала, как она рассказывала об этом своей лучшей подруге. Я слышала все от первого до последнего слова. Она была пьяной, в отличие от него. И сказала «нет», но он не остановился.

Серена была младшей из четырех детей в семье Шепердов. Вместе с ее братом Джоком он играл в старших классах в лакросс.

– Узнай об этом Джок и Тим Шеперды, они бы избили его до

полусмерти. – Скорее убили бы, причем – Ашер в этом не сомневался – без малейших угрызений совести.

– Такие вещи девушки не выставляют напоказ. – Она судорожно вздохнула, и ее пальцы вновь стали мять его рубашку. – Если б я знала, что ты придешь, то...

– То что? Постаралась бы сочинить отговорку?

Подняв на него глаза, Саванна кивнула.

– Я была пьяна, Ашер. Пойти с

ним на пляж было ужасным решением.

Могло быть так, что она флиртовала с Лэнсом, и он неверно ее понял? У Ашера было ощущение, что Саванна что-то недоговаривает.

– Ты хотела остаться с ним наедине?

– Нет! Клянусь тебе. Я назвала его придурком, встала, чтобы уйти, но потом все вокруг закружилось, а он придержал меня за талию, не давая упасть. Мне не хотелось, чтобы Скарлет

узнала, что я перебрала, и потому, когда он предложил прогуляться и проветрить голову, я...

– Погоди. Почему ты назвала его придурком? Что произошло перед тем, как ты встала?

Он увидел, как по ее щеке покатилась слезинка. И догадался. Он понял, что она сдерживала, и внезапно почувствовал себя так, словно кто-то исподтишка нанес ему удар прямо в сердце.

– Он говорил обо мне, – сказал

Ашер тихо.

Она опустила взгляд на свои руки и кивнула.

– Он говорил обо мне, ты назвала его придурком, а через десять минут он на тебя набросился.

Саванна ничего не ответила, но по тому, как она едва заметно пожала плечами, он понял, что прав. И все встало на свои места. Человек с самомнением Лэнса Гамильтона не смог бы смириться с тем фактом, что Саванна легла в постель не с ним, а с калекой, с

уродом. Ашер до боли стиснул челюсти. На женщину, которую он любил, напали из-за того, что в ее жизни присутствовал он. Сердце дернулось, и он сжал кулак с такой силой, что его короткие ногти впились в ладонь.

Саванна съежилась. По ее задрожавшим плечам он понял, что она опять плачет, и потому, задвинув мысли о Лэнсе Гамильтоне подальше, стрёб ее в объятья и уложил на диван рядом с собой.

– Не плачь, радость моя, не

надо. Все хорошо. Ты теперь в безопасности.

Сбросив обувь, он лег на спину, так что Саванна оказалась между диванными подушками и его телом, а она сняла со спинки покрывало, накрыла их обоих и устало склонила голову ему на грудь. Он поглаживал ее спину, утешая ее, шепча, что она в безопасности. Через несколько минут ее дыхание выровнялось и стало глубоким. Она заснула.

Его сердце сжималось от того, в каком измотанном она была

состоянии. Должно быть, она почти не спала в промежуток времени между своим поздним отъездом из Мертл-Бич и ранним возвращением на машине в Виргинию. И если задуматься, то она почти не спала и в четверг ночью. Он нежно пригладил ее волосы и, зная, что она его не услышит, шепнул:

– Саванна, детка, я люблю тебя. Мне так жаль.

Он разберется с Лэнсом Гамильтоном в понедельник. А сейчас единственным, что имело

значение, было окружить
Саванну заботой.

***

Сминая в пальцах мягкое
покрывало, Саванна вздохнула и
открыла глаза. В гостиной ее
родителей было темно. Она
лежала на диване – одна,
укутанная покрывалом, – а с
кухни доносился божественный
аромат.

Она села, вспоминая о том, как
пришел Ашер, и как она
рассказала ему обо всем перед

тем, как, выплакавшись, заснуть у него на груди. Сделав глубокий вдох, она поняла, что чувствует себя лучше, чем два дня назад. Открывшись ему, она словно сбросила с плеч тяжкий груз. Она попробовала улыбнуться и обнаружила, что губы саднит уже не так сильно, как раньше.

– Что ж, это хороший знак, – произнес он из дверей гостиной.
– Просыпаться с улыбкой.

– Мне стало намного лучше после того, как я тебе рассказала.

Он зашел в комнату и, присев

перед ней на корточки, поднес ее руку к губам.

– Жаль, не могу сказать то же самое о себе.

– Прости, что обременила тебя своими проблемами.

Его взгляд, неистовый и сердитый, взметнулся к ее глазам.

– Ты думаешь, меня расстроила *ты*? Не-а, радость моя. Мне хочется убить проклятого Лэнса Гамильтона. Он опасен.

Его слова были переполнены горячим, неподдельным гневом,

но зацепило Саванну другое: то, как он назвал ее. *Радость моя*. Он уже во второй раз использовал это протяжное ласковое обращение, отчего она внутренне обмирала – настолько сексуально и правильно оно звучало.

– Саванна, ты моя девушка. Между нами не существует запретных тем. Я люблю... я люблю, когда ты со мной разговариваешь. О чем угодно.

Она сделала глубокий вдох и позволила покрывалу соскользнуть со своих плеч.

– О чем угодно? – спросила она, совсем на чуточку понижая голос.

Он кивнул, и она была готова поклясться, что заметила, как его глаза вспыхнули жаром.

Она подалась вперед.

– Ашер, я больше не хочу говорить о Лэнсе Гамильтоне. – Она облизнула губы и взглянула на него снизу вверх. – Лучше назови меня своей радостью еще раз.

Потемневшим взглядом он захватил ее глаза в плен и

наклонился так близко, что она почувствовала губами его дыхание.

– Радость моя.

По ее спине побежали мурашки.

– Как думаешь, насколько нежно у тебя получится поцеловать меня?

– О, – выдохнул он, улыбаясь ей, и его губы мягко разомкнулись. – Я буду стараться изо всех сил.

Погрузившись пальцами в ее волосы, он привлек Саванну к

себе. Она закрыла глаза и ощутила губами легчайшее, точно перышко, прикосновение его губ, и ее реакция оказалась на удивление сильной для столь невесомой ласки. Разряд огня прошел ее тело до самых бедер, и они сами собой раскрылись ему навстречу.

Ашер сел на колени, подвинулся поближе к дивану и, обняв Саванну за талию, спустил ее вниз, так что она оказалась на нем верхом. Скрестив лодыжки у него за спиной, она склонилась к

нему, в него всем своим телом. Поцелуй стал глубже, он был по-прежнему нежным, но теперь их языки, соприкасаясь, кружили друг вокруг друга. Ее бедра заерзали на нем, потирая его эрекцию. Он застонал ей в рот, а она, проглотив этот звук, пропустила сквозь пальцы его волосы, собрала их у шеи в горсть и, оттянув его голову назад, провела губами по открывшемуся изгибу его горла.

Динь-динь. Динь-динь. Динь-динь.

– Ч-ч-черт, – прорычал он,
пока она, смакуя его вкус, касалась
язычком его кожи, и вымолвил
сквозь стиснутые зубы: – Детка,
это духовка.

– Духовка?

Прижавшись к нему грудями,
она обняла его и приложилась
губами к теплому местечку у
основания его шеи.

Динь-динь.

– Я приготовил для тебя ужин,
– сказал он натянутым голосом.

– Что? – Выдернутая его
ответом из забытья желания, она

слегка отклонилась назад и
воззрилась на него с
приоткрытым ртом.

– Ужин, – выдохнул он ей в
щеку. – Я сделал тебе запеканку.

– Ты сделал мне *запеканку*? –
переспросила она, пытаясь
уложить в голове эту
информацию. Еще ни один
мужчина в ее жизни не
оказывался настолько мил, чтобы
приготовить ей ужин. То был
совершенно новый опыт.

– С гренками, – объяснил он,
нежно потирая ее спину. –

Подумал, что ты голодна, а это единственное, что я умею готовить.

Я голодна, осознала она.

Сначала хочу запеканку, а потом тебя.

Она поднялась с его коленей, затем протянула руку, чтобы помочь ему встать, и, как только он оказался напротив, заключила его лицо в ладони.

– Ашер, еще никто и никогда не готовил для меня ужин.

Выражение его лица, несколько смущенное, стало

чрезвычайно довольным, и он усмехнулся.

– Моя благодарность, – она поцеловала его в губы, – может быть, – еще поцелуй, – бесконечной.

– Бесконечной? – пробормотал он так, словно не ожидал, что сохранил дар речи.

– Угу-м. – Саванна прижалась бедрами к твердости под его джинсами, а ее язычок, высунувшись, еще раз лизнул его рот.

– А... кхм... бесконечной

насколько? – спросил он, глядя на нее потемневшими, широко раскрытыми, чуть одурманенными глазами.

– Благодарность такого рода длится... Всю. Ночь. Напролет, – прошептала она с изрядной долей игривости. А после прикусила нижнюю губу, обошла его кругом и устремилась на кухню.

Глава 13

Проснувшись на рассвете в ее постели, Ашер не сразу понял,

где он. Утренний свет, проникая
сквозь прозрачные белые
занавески, превращал ее спальню
в сказочный сонный чертог, и он
притянул ее ближе, твердея от
контакта с ее мягкой попкой,
уткнувшейся в его пах.

Саванна тихо вздохнула. По
тому, как наливалась и
расслаблялась под его рукой ее
грудь, Ашер понял, что она еще
спит. Он прижался губами к ее
волосам, вдыхая знакомый аромат
лимонов и вспоминая вчерашний
вечер.

Устроившись на кухне ее родителей, они поужинали его запеканкой, обмакивая золотистые гренки в теплый кленовый сироп и болтая обо всем, что приходило им в голову. В какой-то момент она указала на белый крест, висевший на стене в окружении голубых ленточек, и рассказала, что он посвящен его матери. И будь он проклят, если его глаза не обожгли слезы. Запеканка была приготовлена по рецепту его матери, и он чувствовал, насколько ей было бы

приятно увидеть его на кухне Джуди Кармайкл вместе с ее красавицей-дочерью.

Позже он снова спросил ее о статье, а она снова отговорила с тем, что статья еще не готова. Ее ответ не пробудил внутри него беспокойства, однако определенно разжег интерес. Впрочем, Саванна быстро отвлекла его. Взяла за руку и увела к себе в спальню, где продемонстрировала, что именно означают слова «бесконечная благодарность».

В физическом плане их отношения ошеломяли. До ранения он вел нормальную половую жизнь, но ни одна из его былых связей и сравниться не могла с тем, что он испытал с Саванной. Она целиком и полностью затмила все, что было у него раньше. Он был глубоко тронут тем, что она, казалось, не замечала его уродства, его увечий – либо научившись смотреть сквозь них, либо примирившись с ними, – отчего ему, после стольких лет одиночества,

хотелось преклонить перед ней колени в знак благодарности и обожания.

Но помимо их обжигающего взаимного влечения его изумляло еще одно. С Саванной было очень легко разговаривать. У взросления в провинциальном Дэнверсе имелись свои преимущества: безопасность, доброжелательность жителей, свежий воздух, зеленая трава, поцелуи под трибунами местного стадиона. У него было типичное американское детство в

комплекте с внушительной суммой на трастовом фонде и любящими родителями, но время, проведенное на сборах в Шарлотсвилле и в армии показало Ашеру, что мир состоит не из одного сонного Дэнверса. Ему открылось столько новых идей, новых культур, новых разнообразных взглядов на вещи. Вернувшись домой, он начал запоем читать, чтобы по возможности не терять связи с миром – по крайней мере, ментально. Не то чтобы на

данном отрезке его жизни это имело значение, но даже если бы ему захотелось поделиться своими взглядами или мыслями с дэнверцами, он вряд ли встретил бы среди них понимание.

Вот почему Саванна, которая училась в Нью-Йорке, обозревала все главные мировые события и обладала острым умом, казалась ему такой потрясающей, удивительной и волнующей. Они были точно две похожие рыбки в очень тесном пруду. Его возлюбленная, она за

удивительно короткий срок стала ему еще и другом.

– О чем ты думаешь? – спросила она, выгибаясь перед ним, отчего по спине у него побежали мурашки.

– О тебе. – Наклонившись, он поцеловал ее в шею. – О том, насколько лучше стала моя жизнь после того, как в ней появилась ты.

Какое-то время они просто лежали в тишине спальни, кожа к коже, его сердце стучало у нее за спиной, а губы лениво касались

ее плеча.

– Я тоже влюбляюсь в тебя, –
наконец промолвила она тихо.

Ее слова – почти
непереносимо чудесные –
рикошетом отдались в его голове.
Ашер не ждал их и не предвидел,
и его сердце, истомившееся в
молчании без этих слов, не знало,
как поверить в то, что такое
возможно: чтобы столь
прелестное существо, как
Саванна, влюбилось в настолько
сломленное существо, как он.

– Скажи это еще раз, –

попросил он шепотом и,
почувствовав за веками жжение,
закрыв глаза, чтобы осталось
только одно: ее голос в его ушах.

Она перекатилась на спину, и
он подвинулся, чтобы она могла
лечь рядом. Открыл глаза и
взглянул на нее. Даже со
спутанными волосами и
припухшей губой Саванна была
для него самой красивой
девушкой на свете.

– Я влюбляюсь в тебя, Ашер.

Не прерывая зрительного
контакта с нею, он мягко отвел

волосы с ее лба.

– У меня просто дух захватывает от тебя.

– Ты мне нужен, – произнесла она. Ее груди часто вздымались и опадали, а соски сморщились под горящим взглядом его глаз.

– Что тебе нужно, радость моя? – Очертив кончиками пальцев контур ее лица, он остановился на ее губах и, когда они приоткрылись для него, скользнул пальцем между ее зубами, а она, лаская палец языком, с силой всосала его в рот.

Вспышка огня метко прострелила Ашера до самого паха, где набухла его эрекция, когда он вспомнил, что чувствовал, когда она сосала не палец, а нечто другое.

– Ты, – вырвался из глубины ее горла глухой, хриплый звук.

– Саванна... – выдохнул он, вытягивая палец обратно.

– Мне нужно, чтобы ты ко мне прикоснулся, – сказала она, смочив, а потом прикусив нижнюю губу.

– Где? Здесь?

Наблюдая за ее глазами, он пробежался скользкими пальцами по ее грудям и одним медленно закружил по соску.

– Угу-м. Еще, – вымолвила она, чуть дыша, и он, наклонив голову, прихватил ее набухший сосок губами и присосался к нему так же глубоко и жадно, как она только что сосала его пальцы. Выгнув спину, она приподнялась над постелью и затолкалась грудью в его рот, всхлипнула, и тогда он переключился на вторую ее грудь, сминая первую в ладони

– пылко, почти грубо – и
перекатывая в пальцах ее
возбужденный сосок до тех пор,
пока из ее горла не вырвался
вскрик.

– Еще? – прерывисто
прошептал он.

– Еще.

Ее потемневшие,
затуманенные страстью глаза
бросали ему вызов, когда она,
приподнявшись на локтях, с
нарастающим нетерпением
наблюдала за тем, как он
прокладывает дорожку поцелуев

от ее груди к мягкой, теплой коже ее живота.

– Пожалуйста... – Ее колени согнулись и раздвинулись, приглашая, ожидая его.

– Здесь? – прошептал он и, скользнув меж ее ног, поцеловал нежную белую кожу ее бедра, а затем, раскрыв пальцами ее складки, замер.

– Ашер, пожалуйста, – выдохнула она.

Он втянул между губами ее набухший бугорок целиком.

Она вскрикивала, обеими

руками цепляясь за простыни, перекручивая их, пока он сосал ее, кружа языком по воспаленному комочку нервов. Дергалась под ним и напрягалась всеми мышцами тела, а он пил сладость ее плоти до тех пор, пока не понял, что она больше не может терпеть.

– Я... мне надо... – всхлипнула она, вминаясь в подушку, и тогда он, оторвавшись от нее, быстро поднялся по ее телу вверх и одним плавным движением вонзился в нее до упора. Она

была такой горячей, такой влажной, что он застонал – сдавленным, почти что животным стоном.

– Кончи для меня, радость моя, – хрипло вымолвил он.

Саванна открыла глаза, их взгляды встретились, и она забилась на постели в оргазме, ударяясь бедрами о его бедра, до крови впиваясь в его спину ногтями; ее мышцы сжимались и разжимались вокруг него, затягивая его все глубже и подводя к самой быстрой

кульминации за всю его взрослую жизнь. Он вскрикнул, содрогаясь, пульсируя внутри нее, и, захватив ее губы, целовал, пока они оба не остались без сил. Слившись вспотевшими, изнуренными телами, они обнимали друг друга и в конце концов снова уснули.

***

– Вэн? Вэн, ты дома?

Глаза Саванны распахнулись.

Она оглянулась на Ашера.

Обнаженный, он спал рядом с нею, лежа на животе. Она

потормошила его за плечо, и он потянулся к ней.

– Скарлет пришла, – прошипела она, отбрасывая его руку. Боже, ее родители вряд ли поймут то, что она оставила на ночь мужчину. Она надеялась, Ашер успеет уйти до того, как домой кто-то вернется.

– Ну и что? – сонно спросил он, взглянув на нее, потом закрыл глаза и снова уткнулся в подушку.

Выскользнув из постели, Саванна подобрала с пола свои трусики и быстро натянула

первые попавшиеся джинсы и свою университетскую толстовку.

– Ашер! Ты оденешься или нет? – громко прошептала она ему на ухо.

– Вэн?

Раздался легкий стук в дверь, и Саванна, споткнувшись о ботинок Ашера, приотворила ее и увидела перед собой Скарлет.

– Скарлет, я только встала.

– Лежебока! Представляешь, нам в итоге пришлось вернуться восьмичасовым рейсом. Трента вызвали на конференцию по

телефону.

– О.

Скарлет нахмурилась, глядя на Саванну через щелку в двери.

– Ты дашь мне войти?

– Хм-м... ну, я...

– Доброе утро, Скарлет.

Рот Скарлет превратился в удивленную О. С любопытством и изумлением она уставилась на Саванну, а потом бросила быстрый взгляд за ее плечо.

– Доброе утро, Ашер.

Саванна оглянулась и увидела позади себя Ашера, на котором

не было ничего, кроме джинсов на бедрах и улыбки на лице. Он обнял ее за талию, прижал к груди и поцеловал в макушку. Потянул ее за собой назад, и она отворила сестре дверь.

– Смотри теперь, как бы я не рассказала про тебя маме с папой.

– Ты не станешь! –

воскликнула Саванна, чувствуя себя подростком.

– Уверена? – поддразнила ее Скарлет, заходя в комнату. Она присела на туалетный столик. Указала на свою губу, и ее лицо

стало серьезным. – Как ты, милая?

Высвободившись из объятий Ашера, Саванна опустилась на край кровати.

– Скарлет, нам надо поговорить. О том, что случилось на пляже.

Скарлет покосилась на Ашера, который наблюдал за ними, скрестив на груди руки.

– Ашер останется, – сказала Саванна, протягивая к нему руку.

Взяв ее ладонь, он сплелся с ней пальцами. Скарлет

посматривала на них с интересом и... Завистью? Да. Это было похоже на зависть.

– Скарлет... – начала было Саванна.

– Так, милая, – заговорила Скарлет. – Трент поговорил с Лэнсом, и они уже все-все мне объяснили. Вы немного перебрали и столкнулись головами, когда ты наклонилась, чтобы стошнить на песок. Бедный Лэнс, плохо стало тебе, а пострадал из-за этого он...

– Замолчи! – Пальцы Саванны

стальными тисками стиснули руку Ашера. – Ты знаешь, что все было совсем не так. И если спросишь Пташку и Дженни...

– О, милая, Пташка не захочет вмешиваться в чужие семейные дела. – Скарлет начала перебирать лежащие на туалетном столике предметы, не желая или не осмеливаясь смотреть ей в глаза. – Вэн, ты начала пить еще в автобусе и продолжила на барбекю. Нельзя сваливать на других вину за собственные проступки. А если...

– Ты что, спятила? Он бы изнасиловал меня, если б не Пташка и Дженни!

Скарлет сидела, по-прежнему опустив глаза, но руки ее замерли, а грудь начала тяжело вздыматься.

– Ну...

– Скарлет. Сейчас же – сию чертову минуту – скажи, что ты веришь мне и понимаешь, что могло произойти, если б не подошли девочки. Посмотри на меня и скажи, что ты знаешь: Лэнс Гамильтон мог

изнасиловать твою родную сестру, потому что это правда. Ты *знаешь*, что это правда, Кэти Скарлет Кармайкл!

Ашер чуть-чуть подвинулся, чтобы его бедро прижалось к ее бедру, и переложил их руки к себе на колено, но остался молчать. Так он давал ей понять, что находится на ее стороне, что он верит ей и верит в нее, и вместе с тем давал ей возможность завершить разговор с сестрой. И за это она полюбила его еще сильнее.

– Скарлет, он подонок,
извращенец и *насильник*.

Скарлет подняла, наконец,
лицо, и Саванна к своему ужасу
увидела в ее глазах холод и
злость.

– Саванна, он брат моего
жениха. Брат Трента. Человека, за
которого я выхожу замуж.

– А я твоя родная сестра, –
сказала Саванна тихо, словно не
веря своим ушам.

Скарлет встала.

– Милая, меня там не было. И я
не видела, что произошло. Лэнс

говорит одно, ты – другое. Вы оба
напились и в итоге оба же
пострадали. Допустим, он дал
волю рукам, но ведь и ты тоже,
разве нет? Я уверена, урок пошел
ему впрок. Так что давай все
оставим, как есть.

От шока приоткрыв рот,
Саванна смотрела на сестру, как
на совершенно незнакомого
человека. Да, они всегда были
разными – по сравнению со
Скарлет, домашней девочкой-
паинькой, Саванна всегда
казалась более независимой,

взрослой и искушенной, – но она и помыслить не могла, что какой-нибудь подонок вроде Лэнса Гамильтона сможет вбить между ними клин.

– Скарлет... – проговорила она и поморщилась от боли в своем голосе.

Скарлет разгладила подол сарафана.

– Вэн, все уже в прошлом.

– Это все, что ты можешь сказать?

Не глядя на нее, Скарлет повела плечами.

– Больше говорить не о чем.

– Ясно. – Со слезами на глазах

Саванна повернулась к Ашеру. –

Я не могу здесь оставаться.

Большим пальцем он вытер ее
мокрые щеки, сначала одну,
потом другую.

– Тогда, радость моя, ты какое-
то время поживешь у меня дома.

– Вэн! – развернувшись в
дверях, вскричала Скарлет. – Это
просто глупо.

– Твой отказ со всем
разобраться – вот, что по-
настоящему глупо, – произнесла

Саванна спокойным, сдержанным тоном, приободренная нежной поддержкой Ашера. – Твой будущий деверь пытался сделать со мной ужасную вещь, а ты ведешь себя так, словно ничего не случилось. Но оно случилось. И замалчивать это нельзя.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – резко спросила Скарлет, явно теряя терпение, и ее руки с маленькими наманикюренными пальчиками свернулись в тугие кулаки.

С руками на бедрах Саванна

соскочила с кровати.

– Я хочу, чтобы ты сказала, что веришь мне. Я хочу, чтобы ты поговорила с Трентом, а Трент пусть поговорит со своим братом. Я хочу, чтобы Лэнс признал, что перешел черту, извинился передо мной и пообещал, что этого никогда больше не повторится. Хочешь разобраться, как принято на юге? Без полиции? Хорошо. Но *дело должно быть улажено*. И пока этого не случится, я и близко к тебе не подойду.

Скарлет посмотрела на сестру долгим, пристальным взглядом.

– Мне очень жаль, Саванна.

Правда. Но я не считаю, что должна вмешиваться. – С этими словами она выскользнула из комнаты и осторожно притворила за собой дверь.

Ашер встал и обнял Саванну сзади, а она, повернувшись в его объятьях, расплакалась у него на груди.

***

Дело должно быть улажено. То

были единственные слова, что звенели в голове Ашера, когда на следующее утро он выехал в город.

Это вовсе не значило, что ему не нравилось видеть Саванну у себя дома. Напротив, ему было невыразимо приятно поутру проснуться с ней рядом, зная, что она никуда не уйдет, когда он вернется. Было приятно знать, что они проведут вместе весь день: прогуляются к роще, потом займутся любовью, а вечером поужинают вместе за длинным

обеденным столом, за которым он так долго сидел в одиночестве.

Но он слишком сильно любил ее, чтобы пользоваться ее размолвкой с сестрой. Он видел, как она переживает, но еще он знал, что Саванна не вернется домой, пока Скарлет не признает то, что случилось. И пока не добьется, чтобы брат ее жениха принес Саванне надлежащие извинения. На большее, увы, рассчитывать не приходилось. При отсутствии свидетелей – и при наличии почти идентичных

травм – доказать виновность Лэнса в суде было бы непростой задачей. Уж если даже Скарлет отказалась вступить за сестру, то Пташка с Дженни откажутся и подавно. Хотя они и так почти ничего не видели. Судя по тому, что рассказала Саванна, Лэнс успел скатиться с нее, когда они подошли.

Дело должно быть улажено.

Саванна была права. Так было принято на Юге. И пока Саванна и Скарлет улаживали дела между собой, он собирался заняться тем

же. На его женщину грубо посягнули. И будь он проклят, если спустит дело на тормозах.

Из чего следовало, что он впервые за восемь лет – если не брать в расчет поездки в дом Кармайклов – отправился в город. Но он почти не думал об этом, пока сворачивал на парковку рядом с небольшим белым зданием, где находился офис финансовой конторы «Гамильтон и сыновья».

Хэп Гамильтон, отец Лэнса и Трента, был душеприказчиком

семьи Ли, унаследовав эту должность от своего отца, Генри Гарварда Гамильтона. Ашер не был близко знаком с Хэпом, но они периодически общались по телефону, и за все эти годы у Ашера не возникало к Гамильтонам никаких претензий. Однако сейчас они появились. И он решил, что, уладив дела с Лэнсом, передаст работу со всеми своими счетами другой финансовой фирме, чтобы окончательно разорвать отношения с этой семьей.

Он припарковал машину и быстро, насколько позволяла больная нога, дошел до входной двери. В небольшой приемной сидела за компьютером молодая женщина. Она оторвалась от клавиатуры, и Ашер приготовился к неизбежной реакции.

Она ахнула, потом скривилась, обнажая зубы и в ужасе щуря глаза.

– О боже, – пискнула она и, захлопнув рот, быстро отвела взгляд от его лица, оглядывая его

строгую рубашку,
безукоризненно отглаженные
брюки и дорогую обувь. В конце
концов она выдохнула, и Ашер
увидел, что ее плечи
расслабились.

– Где кабинет Лэнса? –
потребовал он ответа низким,
отчетливым голосом.

Не поднимая глаз, она
показала налево.

– В-вон там. П-последняя дверь.

Не сказав больше ни слова,
Ашер свернул налево, в со вкусом
отделанный коридор, и прошел

мимо переговорной и маленькой кухни. Оказавшись у последнего кабинета, он взялся за ручку и распахнул дверь.

Лэнс Гамильтон сидел спиной к нему в черном кожаном кресле и разговаривал по телефону.

– Гарантировать не могу, миссис Симмонс, но сделаю все возможное.

При звуке захлопнувшейся двери, он развернулся и, увидев перед своим столом Ашера, вытаращил глаза. Вперился взглядом в его лицо, потом с

отвращением содрогнулся и
наморщил нос.

– Миссис Симмонс,
разрешите, я вам перезвоню. Ко
мне в кабинет залетело нечто
нежданное и неприятное. Да-да. В
кратчайшие сроки. Всего
хорошего.

Пристально глядя на Ашера,
он положил телефон на стол.
Потом откинулся в кресле,
сложил пальцы «домиком» и
приставил их к подбородку.

– А я-то думал, что ты
существуешь только в детских

страшилках, Ашер Ли.

– Как видишь, нет. – Ашер стиснул кулак.

– Чем могу быть полезен? – спросил Лэнс, с любопытством его оглядывая.

– Ты посмел тронуть то, что принадлежит мне.

– О-о. О-хо-хо. – Лэнс качнулся, развалившись в кресле, и на его лице расплылась приторная улыбка. – Стоп, ты же не об этой холодной шлюшке, Саванне Кармайкл?

Глаза Ашера заволокло

яростью. Примитивной, неистовой яростью. Он перегнулся через стол, схватил Лэнса за узел галстука у самого горла и дернул его вниз, так что тот впечатался физиономией в стол. Лэнс был настолько шокирован, что не успел отреагировать.

– Только попробуй назвать ее так еще раз, – прорычал Ашер.

– Дешевая подстилка северян, вот кто она такая.

В одно мгновение Ашер рывком поднял Лэнса на ноги,

потом отпустил его галстук и, замахнувшись мускулистой рукой, вмазал кулаком по его уже разбитому носу. На стол брызнула кровь. Лэнс попытался было ответить, но Ашер заблокировал ладонью его удар и с силой толкнул Лэнса назад. Тот неуклюже свалился в кресло, отчего оно опрокинулось, и растянулся на полу.

Ашер обошел стол и обрушился на него, пригвоздив молодого человека к полу и коленями прижав его руки к

бокам. Когда его кулак врезался в лицо Лэнса еще раз, раздался тошнотворный хруст, и Лэнс пронзительно вскрикнул.

– Ублюдок, ты сломал мне нос!

– Нравится распускать руки?

Так давай, подерись со мной.

– Я слишком хорошо воспитан, чтобы драться с калекой.

– Черта с два.

Лэнс безуспешно попытался высвободить руки.

– Что, женщин обижать проще, ты, больная дрянь?

– Я и пальцем не тронул эту

лживую шлюху.

Ашер плюнул в кровавое месиво, в которое превратилось лицо Лэнса.

– Я просил не называть ее так.

Он снова занес кулак, и Лэнс, всхлипнув, в страхе зажмурился, а по его щеке покатилась слеза.

Трус, подумал Ашер. *Ты трус и подонок*. Медленно опустив кулак, он заговорил глухим, убийственным тоном:

– А теперь слушай меня, Лэнс Гамильтон, и слушай внимательно. Если ты еще *хотя*

бы раз приблизишься к Саванне Кармайкл с чем угодно, помимо глубочайшего уважения, то, помяни мое слово, я вернусь и отстрелю тебе яйца. Кивни, если ты меня понял.

Лэнс открыл глаза. Былой задиристости в них почти не осталось, он тяжело дышал и наверняка испытывал сильную боль, но тем не менее умудрился кивнуть.

Ашер слез с него и направился к двери. Оглянувшись, он увидел Лэнса на коленях. Он держался за

край стола, помогая себе встать, а второй рукой зажимал окровавленный нос.

– Я выдвину обвинения! – крикнул Лэнс из-за стола.

Ашер развернулся на полпути к двери, в два шага пересек комнату, и Лэнс, не успев опомниться, получил новый удар в лицо. Подвывая от боли, он рухнул в кресло, и Ашер, взявшись за спинку, поймал его в ловушку.

– Черт, парень, да ты не знаешь, когда надо заткнуться!

Лэнс вжал голову в плечи, глядя на Ашера снизу вверх, и вид у него стал совсем жалкий.

– Итак, Лэнс. Обращаюсь к тебе по-хорошему в последний раз. В следующий я просто сделаю твое лицо копией своего. Ты не станешь выдвигать никаких обвинений. Ни против меня. Ни против Саванны. Только посмей еще хоть раз ее потревожить. Я разыщу Серену Шеперд и приложу максимум усилий, чтобы она вернулась в Дэнверс и подтвердила все – до последнего

слова, – что рассказала о тебе Саванна Кармайкл. Если не хочешь ославиться на всю округу и провести следующие десять лет за решеткой, держись от нее подальше. Ты меня понял, чертов насильник?

– Понял. Я все понял, – полностью сдавшись, пробормотал Лэнс из глубины кресла.

Когда Ашер вышел из кабинета, то обнаружил в коридоре Трента Гамильтона, бледного и шокированного. Он

явно все слышал.

– Твой братец опасен, – сказал Ашер, вытирая окровавленные костяшки о штаны. – Приструни его до того, как войдешь в их семью. Я серьезно. Иначе я разберусь и с тобой.

Трент сглотнул, взирая на Ашера с каким-то новым выражением на лице. С уважением? С восхищением? Да. За шоком и страхом таились именно эти чувства. Быть может, Лэнс Гамильтон унижал не одних только девушек. Быть может,

Трент тоже был жертвой его издевательств. Наконец, не отводя взгляд от Ашера, он кивнул.

Ашер сжал плечо Трента, после чего развернулся и пошел дальше по коридору.

***

– Ох, божечки! – воскликнула мисс Поттс. – Не может быть! Неужели это правда?

Саванна знала, что подслушивать неприлично, но ей до смерти хотелось кофе. Отворив дверь на кухню, она

вопросительно взглянула на мисс Поттс, и та, с напряженным вниманием держа телефон, жестом пригласила ее войти, а потом указала на кофе-машину. Саванна налила себе кофе и прислонилась к стойке.

– Боже мой, София. Я просто в шоке.

Мисс Поттс указала на стол, по центру которого стояло блюдо с бисквитами и маффинами.

Саванна взяла один и присела.

– Вызвали «скорую»? О боже. Неужели никто не мог просто

отвезти его в клинику, чтобы наложить швы? Ах, вот оно что. Сломан и сильно? О боже мой.

Саванна усмехнулась, кусая маффин. Подобные разговоры были хорошо ей знакомы. Она сотни раз слышала их на кухне у матери. Где-то в Дэнверсе кто-то с кем-то подрался, и весь город начинал жужжать сплетнями.

– Что ж, скажу прямо: я всегда подозревала, что ничего путного из него не вырастет. Он учился у меня в классе и с самого начала был тем еще смутьяном. Боялась,

его брат будет таким же, но Трент вел себя куда воспитаннее. В общем, я уверена, что он напросился сам. Кто-нибудь знает, из-за чего?

Услыхав имя Трента, Саванна сразу наострила уши и, стараясь не подавать виду, начала прислушиваться к разговору повнимательней. Мисс Поттс, однако, перехватила ее озадаченный взгляд и чарующе ей улыбнулась, после чего снова переключила внимание на телефон.

– Да. Да, София. Ты права. Ну, чудеса порой случаются и в реальности. Он, наверное, с минуты на минуту вернется. Ох, да. Да, конечно. Ну, всего доброго.

Мисс Поттс положила трубку и, восстановив на лице любезное выражение, с улыбкой повернулась к Саванне.

– Как тебе маффины, дорогая?

– Очень вкусные, – ответила Саванна, пристально рассматривая ее в попытке вычислить, что происходит. – Рецепт миссис Ли?

Мисс Поттс усмехнулась.

– Конечно.

– А что... хм... стряслось что-то серьезное, раз София Генри позвонила со сплетнями в такой ранний час? Хотя бы восемь сейчас есть?

– Да, дорогая. Уже почти девять.

– Мне показалось, я услышала имя Трента Гамильтона. И что-то об Ашере. – Саванна оглядела кухню. – А где, кстати, Ашер?

– Ну, полагаю, вот-вот вернется.

– Вернется?

– Похоже, у него возникли в городе кое-какие дела.

– Какие дела?

– Очень простые. Связанные с расквашенной физиономией Лэнса Гамильтона, – сладко пропела мисс Поттс.

– Что?

– Да, дорогая. Ты не ослышалась. Ашер Ли впервые за десять лет отправился в город. Припарковался у конторы «Гамильтон и сыновья», зашел внутрь, сломал Лэнсу Гамильтону

нос и уехал.

– А-ашер? – Пальцы ее ослабли, и она чуть не выронила маффин. – Ашер поехал...

– Да, Ашер, – подтвердила мисс Поттс. Забрала у Саванны маффин и аккуратно положила его на салфетку.

– О нет, – проговорила Саванна, оседая на стуле. – О нет. Что он сделал?

– Хочешь знать мое мнение? – Мисс Поттс указала на свою губу в том месте, где у самой Саванны еще не прошел синяк, затем

дотянулась через стол до ее руки.
– Он влюбился. Его девушку
обидели. Он поехал и со всем
разобрался.

Примитивная дрожь охватила
Саванну, и ее сердце сплясало за
ребрами племенной танец. Она
отругала себя, за то, что
мысленно восхитилась такому
варварству, но сама мысль о том,
что Ашер на самом деле решился
на вылазку в город, чтобы
отстоять ее честь, была настолько
сексуальной и сладкой, что она
ничего не могла с собой сделать.

– Мисс Поттс...

– Да-да? – прошебетала та с сияющим и донельзя довольным лицом.

– Он поехал в город. Он... – Саванна ошарашено уставилась на пожилую женщину.

– А ты как думала, дорогая. Он ведь мужчина. И он тебя любит. – Она потрепала Саванну по руке. – Он не казал носу в город почти десять лет, а теперь? У тебя дома он побывал столько раз, что и не сосчитать, и только что сломал Лэнсу Гамильтону нос.

Мисс Поттс пожала плечами и, уткнувшись в чашку, хихикнула, будто школьница. Саванна воззрилась на нее, словно та чуть-чуть тронулась, но потом мисс Поттс улыбнулась ей с безмятежностью королевы Англии, и ликование на ее лице сменилось благодарностью.

– Ты изменила его жизнь, Саванна. Неужели ты не замечаешь?

– Он избил человека. Это нецивилизованно. Я не должна этого одобрять.

– Но ты одобряешь, и я тоже. –
Мисс Поттс усмехнулась и,
опершись о стол, встала, чтобы
подлить себе кофе. – Мы южане,
милая. Так мы решаем дела
чести.

В ушах у Саванны отозвались
ее собственные вчерашние слова.
*Хочешь разобраться, как принято
на юге? Без полиции? Хорошо. Но
дело должно быть улажено. И пока
этого не случится, я и близко к тебе
не подойду.*

– Я не просила его... –
прошептала она, и ее сердце,

переполненное любовью к нему, быстро заколотилось. Он отправился в город, чтобы защитить ее честь. Ни один мужчина за всю ее жизнь не совершал ради нее столь благородного и романтического поступка. И Саванна впервые со всей ясностью почувствовала, что ее любят. Что о ней заботятся, что ее защищают. Она ощутила себя его женщиной и, несмотря на все свои современные взгляды, поняла, что ей это нравится. И захотела немедленно увидеть его,

обнять, сказать, насколько для нее важно то, что он переступил через свои страхи ради того, чтобы за нее заступиться. – Ох, Ашер.

– Что, радость моя?

На пороге кухни в рубашке, забрызганной кровью, стоял Ашер. Взгляд его темных глаз был устремлен прямо на нее.

– Я, пожалуй, пойду, – пробормотала мисс Поттс и, протиснувшись мимо Ашера, вышла в гостиную.

– Ашер Ли, – не дыша,

вымолвила Саванна и,
поднявшись из-за стола,
ощутила, как от избытка чувств у
нее слабеют колени. – Что ты
сейчас ради меня сделал?

– Саванна Кармайкл, –
произнес он, и на его лице,
смягчая его черты, появилась
самая нежная, самая любящая
улыбка, какую она когда-либо
видела. – Я люблю тебя. Разве ты
не знаешь, что ради тебя я сделаю
абсолютно все?

Она бросилась к нему на шею,
а когда он крепко обнял ее, нашла

в поцелуе его губы и дала себе клятву придумать способ, как никогда, никогда его не отпускать.

Глава 14

Когда вы впервые отправляетесь вместе в путешествие

Саванна и представить себе не могла, что вот так внезапно начнет жить с Ашером, но к утру пятницы ей стало у него дома настолько комфортно, что неловкость прошла. Родители

поначалу возражали против ее временного переезда к Ашеру, но, услышав о разыгравшейся в офисе Гамильтонов сцене, не проронили больше ни слова против. Хотя гулявшие по городу слухи были туманными, все, по-видимому, поняли, что Лэнс Гамильтон перешел границу с Саванной Кармайкал, после чего Ашер заставил его за это ответить.

И Саванна, и Ашер уже давно считались местными чудаками: урожденные дэнверцы, они

покинули тихий уют родного городка и отправились искать счастья в большом мире – Ашер в Шарлоттсвилле и в армии, а Саванна в Нью-Йорке. И хотя никто до конца не понимал, что такая хорошенькая девушка, как Саванна, разглядела в таком калеке, как Ашер, то, что они сошлись, было в целом неудивительно.

Две белые вороны нашли друг друга. Разве жизнь не странная штука? Разве любовь не великая вещь?

После того, как Лэнсу сломали нос, Скарлет написала сестре три слова: «Теперь дело улажено?» Саванна ответила: «Только между Ашером и Лэнсом. Между тобой и мной – нет.» С тех пор от Скарлет не было слышно ни слова.

Больше всего Саванну беспокоило нежелание Скарлет принять ее версию событий за правду. Подозревая, что Скарлет известно о том, какая Лэнс свинья, она, однако, не понимала, почему сестра отказывается это признать.

Как им проводить вместе праздники, если у Гамильтонов Саванна не будет чувствовать себя в безопасности? Как у них с Лэнсом могут быть общие племянники и племянницы, если ей страшно оставаться с ним наедине? Как минимум она рассчитывала получить от Лэнса искренние извинения. Либо обещание от Скарлет и Трента о том, что они никогда больше не попросят ее каким-либо образом с ним взаимодействовать. Но пока ни того, ни другого не

произошло, она не могла
впустить Скарлет обратно в свою
жизнь. Это причиняло боль. Но
так было правильно.

Как ощущалось правильным
остаться с Ашером, ставшим для
Саванны центром ее мира. Они
разговаривали и гуляли, читали
на диване, обнявшись, и лежали
бок о бок на покрывале для
пикника. Они делились друг с
другом моментами своих жизней,
и Саванну изумляло то, сколько у
них общего – и сколько между
ними различий. И то, насколько

неважно, что не все линии их судеб пересекались, ведь это было бы скучно, а Ашера можно было назвать каким угодно, но только не скучным.

И еще были ночи – когда он ласкал ее, вонзался в нее и делал ее своей, целиком и полностью. Она перестала гадать, какой ее жизнь станет без него. Ее сердце убедило разум в том, что их любовь, несмотря на всю свою новизну, была настолько искренней и настолько сильной, что они справятся со всем, что

грядет впереди, и вместе придумают, как им не разлучаться. Они избегали разговоров на эту тему, однако та легкость, с которой они день за днем проводили вместе, говорила о том, что они все больше увлекаются и привязываются друг к другу.

План Саванны был прост: закончить статью, а после засесть с Ашером за долгий разговор о том, что будет дальше. Ее устраивал любой вариант – если они будут вместе.

В пятницу днем, пообедав по предложению Ашера в роще, они лежали в обнимку на кушетке и, уткнувшись в свои киндлы, читали. Разморившись на солнце, Саванна начала клевать носом и тут услышала, как Ашер вздохнул.

– Что? – спросила она.

– Все никак не соберусь сказать тебе... – Его глаза были серьезны, словно он утаивал от нее какие-то важные или дурные новости.

Пuls Саванны ускорился. –
Завтра мне нужно будет уехать. В

Мэриленд.

– Уехать?

К своему унижительному стыду она не только удивилась тому, что он уезжает на выходные, но и расстроилась. Глубоко. Словно настоящая капризуля-собственница. И, кажется, даже надула губки.

Одним пальцем он нежно обвел ее рот, задержавшись на миг на заживающей ранке.

– Всего на одну ночь.

На целую ночь? Она надулась еще сильнее.

– О. А зачем?

Его взгляд дернулся в сторону, а рука, ласкавшая ее лицо, упала, словно он предпочел бы не отвечать.

– По медицинским делам.

Саванна прикусила нижнюю губу. Когда они обсуждали «медицинские дела» в прошлый раз, он сорвался и довел ее до слез. Снова взглянув на него, она сглотнула. Но разве с тех пор их отношения не эволюционировали? Разве они не сблизились до такой степени, что

ей стало можно задавать вопросы и об этой части его жизни?

Собравшись с духом, она спросила:

– Что за медицинские дела?

Глядя на нее, он потер подбородок.

– Ты вряд ли хочешь об этом знать, Саванна.

– Что? – На ее лице отобразилось замешательство. – Конечно, хочу.

– Уж слишком тоскливая это тема.

– Вот еще. Это часть того, кто

ты есть. А я хочу знать о тебе все.

– Как журналист?

– Как твоя девушка.

Он со хлопком закрыл киндл.

– Не хочу забивать тебе голову.

– Глупости. Я... я... Ты же

знаешь, как ты мне дорог.

Саванна не вполне понимала,

почему для нее было настолько

сложно ответить на

многочисленные «я тебя люблю»

Ашера. Да, она сказала, что

влюбляется в него, да, она

ощущала любовь в своем сердце,

однако такие же чувства – пусть и

в меньшей степени – она испытывала и к Патрику и потому на ответное признание пока не решалась. Она хотела произнести слова любви всего лишь еще одному человеку в своей жизни. Все чаще и чаще ей хотелось, чтобы этим человеком стал Ашер, но... Просто, чтобы обрести окончательную уверенность, ей нужно было еще чуть-чуть времени.

«Ты мне дорог» и «я люблю тебя» жили в совершенно разных районах, и Ашер явно желал

перебраться от первого ко
второму. Она это знала.
Чувствовала.

Его взгляд на секунду
посуровел, но потом смягчился.

– Если тебе неудобно ночевать
здесь одной, я постараюсь
обернуться в один день.

– Ашер, но это же четыре часа
туда и четыре обратно! – И тут ее
осенило. – Я могла бы поехать
вместе с тобой.

– Как ты сама заметила, это
четыре часа туда и четыре
обратно.

С напускной беспечностью она пожала плечами. В конце концов, он не сказал «нет».

– *Хоть четыреста.* Зато мы будем вместе.

Он моргнул, а потом притянул ее к себе, и на его лице расцвела широкая улыбка.

– Восемь часов езды – затем, чтобы я смог примерить свою новую руку.

– Бионическую? – спросила она.

– Угу. И когда все будет закончено, я стану частично

бионическим человеком, –
счастливым голосом произнес он,
целуя ее волосы.

– Пока ты остаешься *моим*
частично бионическим
человеком, – сказала она,
потянувшись к его губам, – я
только за.

***

Они ехали в уютном
молчании. Мимо проносились
виргинские поля. Саванна быстро
щелкала клавишами лэптопа,
сидя на пассажирском сидении.

До Мэриленда осталась половина пути.

Ее предложение поехать с ним вместе стало для Ашера неожиданностью. После стольких лет одиночества казалось невероятным, что всего за несколько коротких недель он зашел так далеко – стал принадлежать ей, а она стала принадлежать ему. Стоило, наверное, обеспокоиться тем, не слишком ли быстро развиваются их отношения, но Ашер и не думал об этом. Более того, он

хотел, чтобы все развивалось еще быстрее – он хотел гарантированную вечность с Саванной.

Но было одно «но». Недавняя поездка в город напомнила Ашеру, сколь пугающим его лицо было для посторонних. Секретарша Гамильтонов едва осмелилась поднять на него глаза. Проблема с обсуждением будущего заключалась в том, что планировать это будущее было невозможно, ведь Ашер даже не мог вписаться в людское

общество.

Он считал предстоящие ему многочисленные операции своим единственным реальным шансом на будущее с Саванной. Но его терзало то, что он до сих пор ничего ей об этом не рассказал. Он не знал, как это сделать. В голове у него начало звучало так:

После того, как ты допишешь статью, я на полгода уеду в Мэриленд, где мне предстоит перенести несколько операций на лице. Я знаю, ты планируешь переехать в Финикс, если тебе

предложат работу. Я знаю, мы вместе совсем недолго, но я люблю тебя, и от одной только мысли о разлуке с тобой мне хочется умереть, и...

Дальше этого «и» Ашер так и не продвинулся, потому что способа сделать так, чтобы этот разговор сложился хорошо, не существовало. И... он приказал себе жить настоящим и наслаждаться тем временем, что у них осталось. Временем, которое быстро подходило к концу.

Он покосился на нее,

испытывая некоторый дискомфорт оттого, что всю поездку был вынужден сидеть, повернувшись к ней израненной стороной лица. Неужели это нисколько ее не волнует? Почему она не морщится, глядя на него? Как ей удастся принимать его ласки без ужаса или отвращения? Не зная ответов на эти вопросы, Ашер не мог до конца доверять ей, что беспокоило его еще сильнее. И он решил не мучиться, а спросить ее напрямую.

– Саванна?

– Хм-м-м?

Хотя ее пальцы замерли, она продолжала напряженно смотреть на экран, точно перечитывая написанное.

– Моя внешность...

Он по-прежнему следил за дорогой, но краем глаза уловил, что она подняла голову.

– Что с ней?

– Она ужасна. Иногда я не понимаю, как ты можешь... в смысле, почему ты...

– Останови машину, –

попросила она тихо, но твердо.

Он выполнил ее просьбу, а она закрыла лэптоп и положила его на пол. Он чувствовал на своем лице ее взгляд – на поврежденной, жестоко пострадавшей стороне лица, взгляд на которую пару дней назад заставил секретаршу в приемной испуганно ахнуть. Несколько минут они просидели в тишине. Ашер неотрывно смотрел в лобовое стекло, а Саванна – на Ашера.

– Взгляни на меня, – наконец

сказала она.

Ашер посмотрел ей в лицо, страшась того, что ему предстоит там увидеть, но ее глаза лучились такой нежностью и сочувствием, что он чуть не заплакал.

– Ты смотрел «Подпольную империю» по НВО?

– Хм... нет, – ответил он, удивленный таким вопросом.

Не сводя с него глаз, она тихо заговорила:

– Там был один персонаж... Я не плакса, но когда в прошлом сезоне он умер, я плакала. Даже

два раза. С самого начала сериала он был моим любимым героем. Я жила ради сцен с ним. Я бросала все свои дела ради того, чтобы в воскресенье вечером увидеть новую серию. Уходила раньше времени с вечеринок. Прерывала телефонные разговоры. И когда серия заканчивалась, я пересматривала все его сцены заново. Я пересматривала их всю неделю, чтобы продержаться до следующей. Если возможно влюбиться в телевизионного героя, то я, наверное, была

немного в него влюблена.

А ревновать к телевизионному герою возможно? Даже если и нет, Ашер ревновал. Он сделал глубокий вдох, глядя, как Саванна с блеском в глазах и улыбкой на губах рассказывает о красавчике-телеактере, с которым Ашеру было никогда не сравниться.

– Этого персонажа звали Ричард Хэрроу, а сыграл его Джек Хьюстон. Он был высоким и худощавым, не таким крепким, как ты. Лет тридцати с небольшим. С густыми черными

волосами и... – она тронула свою верхнюю губу, – и с усиками. У него был хрипловатый голос, который казался мне таким сексуальным, что я пересматривала его сцены по нескольку раз – только, чтобы прочувствовать его голос. В нем было что-то такое... Он был одновременно уверенным и сомневающимся, резким и нежным, мечтательным, преданным и ранимым. Привлекательным. Сложным. В одной серии он опускал руки, а в

следующей бился за свою жизнь, пока оставались силы. И он был готов на все, *абсолютно на все*, ради тех, кого он любил. Каждое воскресенье я включала и смотрела «Подпольную империю» только ради него – ради Ричарда Хэрроу.

Ашер судорожно вздохнул.

– Ну, здóрово, Саванна. Я спросил тебя о своем лице, а ты начала рассказывать про какого-то сногшибательного актера. Спасибо за то, что вернула меня в реальность, сообщив, насколько

то, что ты хочешь, отличается от того, что у тебя есть. – Он взялся за ключ в замке зажигания. – Если тебе...

– Заткнись, Ашер, – сказала она и, повозившись с телефоном, положила его на приборную панель. – Вот его фотография.

Привлекательный. Она ведь назвала его привлекательным, да? В смятении Ашер отвернулся к окну, не желая смотреть на *привлекательного* актера и не понимая, зачем она поделилась с ним этой историей, когда ему

нужно было, чтобы его утешили и объяснили, почему такая прекрасная девушка, как Саванна Кармайкл, тратит свое время на такого, как он. Он хотел доверять ей, а она зачем-то подсунула ему под нос своего актера.

– Давай просто поедem, а?

Дотянувшись до его руки, она обернула ладонью его культю.

– Сперва посмотри.

Ашер опустил взгляд на ее безупречные пальцы на своей изуродованной руке и ощутил, как внутри начинает разгораться

злость. Если это была шутка, то несмешная. Он уже собирался сказать, чтобы она забрала свой треклятый телефон и засунула его себе в одно место, когда мимолетно прошелся взглядом по фотографии на экране. Он уставился на нее, не веря своим глазам, пока пальцы Саванны нежно поглаживали его руку.

– Это он? – Ашер взял телефон и поднес его ближе. Долго-долго, пока не защищало глаза, он рассматривал фотографию, а потом оглянулся и встретил

взгляд ее карих глаз. – Это что... тот самый актер, тот персонаж, о котором ты говорила?

Она мягко улыбнулась и кивнула.

Он снова посмотрел на человека на фотографии. Правая сторона его лица была почти совершенно нормальной. А вот левая... О боже. На месте глазницы у него зияла багровая дыра без глазного яблока, а под нею начиналась обожженная, испещренная красными шрамами плоть, которая

доходила до самого рта –
разорванного и так и оставшегося
незащитым. Фактически его
лицевые повреждения были так
же серьезны, как увечья Ашера.
Почти не дыша, он долго смотрел
на фотографию, прежде чем
поднять глаза на Саванну.

Она всхлипнула и, отпустив
его руку, вытерла катившуюся по
щеке слезу. Потом тихо
хмыкнула, словно смеясь над
собой.

– По сюжету он был ветераном
Первой мировой войны. Правда,

нам так и не рассказали, как он получил свои увечья. Он был замечательным. Всеобщим любимцем. В него влюблялись все, кто смотрел сериал. Теперь ты понимаешь? Я словно готовилась ко встрече с тобой. Но в тебе есть гораздо больше, чем в герое из сериала, Ашер. Ты не только уверенный и сомневающийся, не только резкий и нежный, преданный, ранимый... *привлекательный*... сложный, как тот персонаж. Еще ты мой. Ты принадлежишь мне,

как и твое теплое тело, которое прижимается ко мне по ночам, и то, что ты делаешь этим телом заставляет меня... спросить себя, как я вообще жила до встречи с тобой.

Ашер чувствовал в точности то же самое. Каждую секунду, проведенную с Саванной, он задавался тем же самым вопросом. Зная, насколько лучше и слаще может стать твоя жизнь рядом с кем-то другим, было практически невыносимо думать ни о прошлом, ни о

неопределенном будущем.

– Вот такой он, Ричард Хэрроу.

– Она забрала у него телефон и ласково взглянула на экран перед тем, как положить его на крышку ноутбука. Когда она снова подняла взгляд на Ашера, ее маленькая улыбка поблекла. – Тот, в кого я была чуть-чуть влюблена... прямо перед тем, как влюбиться в тебя.

Последние слова были произнесены ею так тихо, что у него перехватило дыхание, а сердце на секунду остановилось,

точно от испуга, что он неверно ее расслышал. Ашер всмотрелся в ее глаза и в их глубине увидел истину ее слов и ее истории. И душой понял, что может доверять ей, что отныне ему не нужно беспокоиться об искренности ее чувств. Он может ей доверять. Он может ей верить.

– Поэтому не спрашивай меня больше о своем лице. И ни на минуту не задавайся вопросом, не чувствую ли я себя обделенной, выбрав тебя. Просто знай: ты вышел из моих снов таким, какой

ты есть. И я не позволю тебе уйти.

Ашер не знал, что сказать. Но даже если б он и смог подобрать слова, то вряд ли у него получилось бы их произнести. Он обнял ее и как можно крепче прижал к себе, целуя ее волосы. И пока она нежно поглаживала его по спине, ощутил, как напряжение начинает постепенно уходить из его тела.

– Я не заслуживаю тебя, – проговорил он, уткнувшись в мягкую кожу ее шеи.

– После того, что ты перенес, ты заслуживаешь всего, чего только захочешь. И если это я... то мне повезло.

– Это ты, – произнес он сквозь бурю эмоций. – Но повезло одному мне.

– Ладно, Хэрроу, – сказала она и, пока на ее щеках высыхали слезы, накрыла ладонью изувеченную сторону его лица. – Если для тебя это так важно, то пусть повезло одному тебе. Только пообещай мне и дальше быть моей сбывшейся мечтой.

Вместо ответа Ашер подался вперед и прижался губами к ее губам, проглотив ее вздох и пробежавшись ладонью от ее талии вверх до шеи. Она убедила его самым потрясающим и самым искренним способом из всех возможных, и, целуя ее, он ощутил в себе перемену. Из мужчины, который удивлялся тому, почему его желает столь прекрасная девушка, он стал тем самым желанным мужчиной. Он чувствовал это в том, как его сердце стало биться сильнее, в

том, как властно его пальцы обхватили ее затылок, а поцелуй стал требовательнее, потому что он знал: она хотела, чтобы он был таким. Потому что он поверил в то, что они безраздельно принадлежат друг другу.

И в этот момент он снова обрел себя. Впервые за без малого десять лет то, кем он был и как хотел выглядеть, одержало верх над тем, как он выглядел сейчас. Человек, в обиде и гневе спрятавшийся от мира, почти полностью исчез, уступив место

Ашеру Ли – уверенному и сомневающемуся, резкому и нежному, преданному, мечтательному, ранимому, привлекательному и сложному – вновь ставшему полноценным силой любви Саванны Кармайл.

***

После того, как Ашер ушел на примерку протеза, Саванна устроилась, скрестив ноги, на кровати их большого и удобного гостиничного номера и стала вносить последние правки в

материал для «Финикс Таймс». До Четвертого июля оставалась всего неделя, поэтому Мэддоксу был нужен финализированный вариант статьи, чтобы успеть отредактировать его и разместить в газете.

Хрустя чипсами, она еще раз взглянула на заголовок – *Адам и Кассандра: Всеамериканская история любви* – и усмехнулась.

Поскольку имена были теперь заменены на псевдонимы, Саванна решила использовать куски своих реальных разговоров

с Ашером. Пока она просматривала тридцатистраничный документ, ей в глаза то и дело бросались цитаты:

Я... Я провел в одиночестве много лет. И с манерами у меня беда. ... Вы заговорили покерными метафорами, или я потихоньку схожу с ума? ... Если ад выглядит именно так, то мне стоит пересмотреть свое представление о рае. ... Я был один. И думал о вас. ... Хотеть – это мучительно, когда твои шансы получить то, что ты

хочешь, равны нулю. ... Я схожу с ума по тебе, детка. ... Я буду счастлив, если ты поведешь мою машину куда угодно и с любой скоростью. ... Это тяжелая история, красавица. Не легкое читиво. ... Я влюбляюсь в тебя, Кассандра. ... Я люблю тебя. Разве ты не знаешь, что ради тебя я сделаю абсолютно все?

Пока Саванна листала страницы, ее глаза заблестели от слез. Эти слова – столь бесценные для нее, столь дорогие – были живым свидетельством того, как

Ашер в нее влюблялся. И внезапно она даже обрадовалась тому, что за фасадом анонимности навсегда сохранится история о том, как они обрели друг друга.

Она открыла последнюю страницу и, перед тем, как отправлять статью, внимательно перечитала заключение.

Адам все еще нечасто решается выйти в мир, но я поощряю его преодолевать эту боязнь. Что до меня, то я нашла своего

современного Ричарда Хэрроу – и для меня на целом свете нет никого прекрасней, чем он.

Мы с Адамом пока не обсуждали будущее, но я надеюсь, мы останемся вместе навечно.

Влюбиться в мужчину своей мечты – такое случается не каждый день, и когда оно происходит, хочется, чтобы это «навечно» началось как можно скорее.

Нам еще через многое предстоит пройти, но я верю в нас и знаю, что мы обязательно найдем наше всеамериканское «долго и

счастливо».

За последнюю неделю Саванна свыклась с идеей использовать псевдонимы для того, чтобы защитить себя и Ашера – и в первую очередь для того, чтобы перестать беспокоиться о том, как Ашер отреагирует на статью. Но сейчас, когда она прочла законченный текст, ее вновь одолели сомнения. Опасаясь его реакции, она намеренно уклонялась от расспросов о статье. Ашер был закрытым

человеком – можно сказать, самым закрытым из всех, что она знала, – однако он сам согласился на интервью и разрешил опубликовать историю своей жизни. *Под видом истории об искалеченном солдате и о том, как неприветливо его встретили дома –* напомнило ее встревоженное сердце, и она шикнула на него. Прайвеси Ашера защищено, разве не так? Так. Так! И кроме того, статья будет напечатана бог знает где – в Аризоне. Никто из тех, кто может узнать его, никогда

и в глаза ее не увидит, верно?
Верно.

И она, отмахнувшись от своих мыслей, начала писать письмо редактору.

Дорогой м-р Макнаб!

*Пожалуйста, прочтите
приложенный к письму
завершенный материал. Знаю, вы
читали еженедельные части, но я
собрала их вместе в единый рассказ и
отредактировала некоторые
места.*

Я хотела бы еще раз обратиться

ваше внимание на то, насколько для меня важна анонимность. Хотя Ашер Ли дал разрешение на публикацию своей истории, она не совсем совпадает с его представлениями о том, что должно было получиться в итоге. Он более восьми лет вел крайне уединенную жизнь, и для меня важно защищать и уважать его прайвеси.

Поэтому вы заметите, что я изменила его имя, а вместо своего использовала псевдоним – Кассандра Калхун. Заранее спасибо за то, что

понимаете необходимость
подобного шага.

Если вы сочтете меня
достойным кандидатом на
должность сотрудника вашей
газеты, я надеюсь, вы дадите мне
шанс попробовать себя в этой
работе. Уверяю вас, вы не найдете
другого такого увлеченного и
преданного своему делу человека, как
я.

С благодарностью, Саванна
Калхун Кармайкл

Она перечитала письмо еще

раз, а потом, удовлетворенная результатом, нажала кнопку «отправить».

***

После примерки протеза Ашер с полчаса бродил вокруг клиники, прежде чем вернуться в отель. Ему было необходимо рассказать ей об операциях и выслушать ее мысли по поводу того, что должно произойти дальше. Никто из них не планировал оставаться в Дэнверсе, но вдруг она согласится

попробовать отношения на расстоянии? С нею в Финиксе и с ним в Мэриленде. Они будут звонить друг другу и переписываться, и он каждые выходные будет покупать ей билет, чтобы она его навещала. Если бы только она сказала «да».

Его ладонь вспотела, когда он открывал дверь в их номер.

– Как все прошло? – раздался ее голос, когда он ступил в освещенную тусклым светом прихожую.

– Нормально. Будет готово на

следующей неделе. Саванна, мне нужно поговорить...

Саванна сидела в центре постели, одетая в ту самую красную пижаму, которая сразила его наповал в день, когда он приехал перед ней извиняться. Невесомый шелковый топ, который держался на тонких бретельках, и микроскопические шортики из того же красного шелка. Сидя на пятках, с волосами, свободно разметавшимися по плечам, и торчащими под шелком сосками,

она выглядела сладкой,
податливой и с ума сойти какой
сексуальной.

– Дыши, – напомнила она ему,
усмехаясь.

Он со свистом втянул в себя
воздух. Ох, черт. И как теперь
завести с ней разговор?

– Так что ты хотел сказать? –
спросила она, опуская
обольстительный взгляд к тому
месту ниже его талии, где он
твердел, будто цемент на солнце.

– Я совершенно уверен, что
собирался сказать, что нам нужно

раздеться и весь день провести в постели.

– Только в постели? –
промурлыкала Саванна. Пососав
пальчик, она обвела им
проступающий сквозь шелк
бугорок соска, и тонкая ткань
потемнела от влаги. О.
Милостивый. Господь. Да она
задумала убить его.

Он оглядел комнату. В ду́ше...
на полу... на диване.

– Завтра ты не сможешь
ходить.

– Это обещание? – спросила

она, кружа пальчиком по второму соску.

– Еще какое. – Он взялся сзади за ворот рубашки и через голову стянул ее. – А теперь ложись.

От его тона ее глаза приоткрылись чуть шире, но она выпростала из-под себя ноги и откинулась на подушки. Глядя на то, как часто начали вздыматься ее груди, Ашер расстегнул ремень. Потом спустил с бедер джинсы и боксеры и забрался на кровать.

– Вот это, – его рука, плавно

поднявшись по ее бедру, задела кружевной край ее шортиков, – нужно снять.

– Они тебе не нравятся?

– Я их обожаю, – ответил он.

Одним движением сдернув с нее шорты, он потер их между большим и указательным пальцами, прежде чем бросить на пол. – Боже, ты вся промокла.

– Я ждала тебя, – прошептала она.

– Раздвинь ноги, радость моя.

Она подчинилась, и он, неотрывно удерживая ее взгляд,

опустился перед ней на колени. С твердой до боли эрекцией он наклонился и положил ладонь на мягкие теплые завитки в местечке, где сходились ее ноги. Нажал легонько, и ее бедра приподнялись, встречая его.

– Открой глаза, Саванна. Я собираюсь попробовать тебя на вкус и хочу, чтобы ты на меня смотрела.

Она прерывисто всхлипывала, наблюдая, как он все ниже и ниже склоняется к пульсирующему бугорку, скрытому между

лепестками возбужденной плоти.

– Ашер, – выдохнула она, когда его пальцы раздвинули ее складки, а язык опустился именно туда, где она хотела. Лизнув ее солоноватую сладость, он закружил по набухшей плоти языком, его собственный аппетит разгорался от того, как ее тело вздымалось ему навстречу, от тихих стонов, что рвались из глубины ее горла. Чтобы удержать ее на месте, он просунул под ее попку ладонь, а потом, сомкнув вокруг ее плоти

губы, затрепетал языком все быстрее и быстрее, пока она, толкнувшись ему в лицо, не выкрикнула его имя. Он ощущал, как ее тело напрягается – и обмякает, чувствовал сотрясающие ее спазмы, пока она снова и снова шептала скороговоркой: – Ашер, Ашер, Ашер, Ашер...

– Я хочу тебя, – произнес он жарким, напряженным голосом, становясь меж ее ног на колени.

– Ашер, пожалуйста, – проговорила она, открывая глаза.

– Ты так сильно мне нужен.

Это было все, что ему требовалось услышать. Бурного отклика ее тела почти хватило для того, чтобы толкнуть за грань его самого. Он подался вперед и одним плавным толчком скользнул в ее жаркую влажность, застонав, когда она приняла его длину целиком.

– Не закрывай глаза, – сказал он и замер, пульсируя внутри нее, наливаясь и становясь еще больше, пока вокруг него сжимались ее теплые стенки.

Ее глаза распахнулись –
потемневшие, затуманенные.
Губы, которые он так любил
целовать, изогнулись, и она
сделала несколько маленьких
вдохов, потом прижалась к нему
бедрами, и он почувствовал, как
ее расслабившиеся мышцы
стискивают его.

– Они открыты, –
пробормотала она.

Приподнявшись, он почти
полностью вышел, затем с
болезненной нежностью
погрузился в нее вновь, не

представляя, как удержаться от того, чтобы не начать вколачиваться в нее, как безумец, в погоне за кульминацией, сравнимой по силе с той, которую только что испытала она.

– Они прекрасны, – прошептал он.

– Они просто карие... а-а-ах, – застонала она, когда он вышел и вновь толкнулся вперед. Она задышалась, заканчивая каждый свой вздох сексуальным стоном.

– Они твои, – сказал он,

чувствуя, как с ускорением толчков внутри нарастает напряжение. Чувствуя, как тает его самоконтроль. – А значит, они мои.

– Твои... – прошептала она в его губы, и он внедрился в ее рот языком в ритме, повторявшем движения его бедер.

Когда он слегка отстранился, она всхлипнула.

– Кончи вместе со мной, радость моя, – настойчиво попросил он. – Кончи еще раз.

Он ощутил, как после его

приказа она напряглась еще больше, стискивая его и часто дыша ему в рот, а потом запрокинула голову, и ее тело забилось, завибрировало в экстазе. Глядя с ощущением чуда в ее лицо, он прижал к себе ее обмякшее, содрогающееся тело и ворвался в нее в последний раз. Острое чувство единства с нею толкнуло его за грань разумного, и он, крикнув слова любви в ее взмокшую шею, рухнул на нее сверху – обессиленным, вознагражденным любовью и

страстью.

Глава 15

Кончиками пальцев Саванна пробежалась по гладкой, горячей коже его спины, наслаждаясь тяжестью его тела и тем, что он по-прежнему оставался внутри нее. Она так долго ощущала себя одинокой – амбициозной выскочкой в маленьком южном городке, деревенской девчонкой в Нью-Йорке, твердолобой северянкой в Виргинии. С Ашером она была просто

Саванной. Девушкой,
полюбившей парня. Женщиной,
полюбившей мужчину, который
любил ее всю целиком. Именно
такой она и чувствовала себя с
ним рядом. Наконец-то целой.

– Ашер, – шепнула она ему на
ухо, желая сказать ему, желая,
чтобы он знал, что до встречи с
ним она была лишь половинкой
себя.

Он шевельнулся, начал
приподниматься.

– Я раздавил тебя?

– Нет. – Она притянула его

обратно и обхватила его бедра ногами. И, напрягая внутренние мышцы, почувствовала, как он вновь начинает твердеть. –
Полежи так еще немного.

Он снова расслабился, опустившись на нее своим весом, и установил локти по обе стороны ее головы. Глядя ей в глаза, убрал прилипшие к ее лбу прядки волос.

– Саванна, – проговорил он серьезно и тихо. – Что, если мне понадобится здесь задержаться?
– То есть... уехать домой в

понедельник?

Ашер медленно покачал головой, сосредоточив внимание на своих пальцах, нежно ласкающих ее кожу.

– Нет. Завтра мы уедем в Дэнверс, но что, если мне придется вернуться в Мэриленд больше, чем на выходные? И на какое-то время остаться.

Она открыла было рот, чтобы что-то сказать, потом закрыла его. Закусила губу – задумчиво, но встревоженно. Он понял, что она разбирает в голове его слова.

– Ты имеешь в виду, *переехать* сюда?

Он кивнул и наконец посмотрел ей в глаза.

– Временно.

– На сколько?

Положив ладони ему на плечи, она мягко на них нажала, и тогда Ашер, поцеловав ее в лоб, перекатился на спину, а она легла на бок и, всматриваясь в его лицо, подперла щеку ладонью.

– Приблизительно на полгода.

В ее глазах вспыхнуло беспокойство.

– Зачем? Ты болен?

– Нет, детка. О нет, ничего такого. Но я... – Он тоже лег на бок и оперся на локоть. – Мне предстоит еще несколько процедур. Знаешь, я ведь не все рассказал тебе о взрыве... и о том, что было после. Ты готова услышать об этом?

Саванна кивнула, потом подалась вперед и поцеловала его. В их отношениях наступал поворотный момент. Ашер наконец был готов полностью перед нею открыться и поведать

ей самую сокровенную, самую личную правду о своей страшной трагедии. Внезапно она испытала облегчение: статья была отправлена, а значит эта часть Ашера навсегда останется только с ней.

– Я всегда готова, Ашер.

Его взгляд по-прежнему говорил о том, как сильно он ее любит. Но лицо мало-помалу суровело, пока меж его бровей не залегла складка.

– Хорошо. Я уже рассказывал тебе о взрыве. О том, как остался

без руки. Без уха. Без... половины лица. – Он сглотнул. Стиснул челюсти. – Знаешь, все случилось так быстро. Шум. Пыль. Секунда – и ты... уничтожен. Стал монстром. Чудовищем, которого до слез пугаются дети и от которого в ужасе отворачиваются взрослые. – Она запротестовала, но он, дернув головой, остановил ее. Потом печально улыбнулся. – Я не о тебе, радость моя. Но с остальными все именно так. – Поцеловав ее в губы, он заговорил снова: – Пока тебе ставят

капельницу, то все время говорят с тобой, чтобы ты оставался в сознании. А затем, минут, может, через двадцать, внезапно оказывается, что ты внутри «Черного ястреба», внутри вертолета, и плохо понимаешь, что происходит. Ты пытаешься сложить все вместе и... В общем, нас троих – меня, Уильямса и Лагерти – доставили в Кандагар, в тамошний мультинациональный госпиталь НАТО.

Глаза Саванны наполнились слезами, и она, восстанавливая

контроль, глубоко задышала, чтобы не дать им пролиться. Ее сердце разрывалось от боли, пока разворачивалась его история, но ей не хотелось, чтобы он подумал, что расстраивает ее. Она хотела, чтобы он продолжал говорить, но вот голос его затих, и он словно ушел в себя. Подавшись вперед, она прижалась губами к его щеке, а когда отклонилась обратно, он взглянул на нее – потрясенный, ошеломленный, – и она взволновалась на миг, что он где-то далеко, но не с ней

рядом.

– Ашер? Ашер?

Он дважды моргнул и, прежде чем вернуться к рассказу, сделал глубокий вдох.

– В общем, как я потом узнал, врачам понадобилось три часа на то, чтобы ампутировать мою руку. Обычно такие операции проходят быстрее, но они хотели спасти локоть, за что я им благодарен, а рана была грязной, в земле и песке.

Еще раз быстро моргнув, он тяжело задышал через нос, как

если бы сдерживал слезы.

– Ашер, – произнесла Саванна, сама с трудом удерживаясь от слез. – Сейчас я перевернусь и прижмусь к тебе. Я хочу, чтобы ты держался за меня и продолжал говорить, хорошо? Просто рассказывай мне все, что ты хочешь, ладно?

Не дожидаясь, пока он ответит, она сменила положение, прижавшись спиной к его теплой и твердой груди. Его рука плотно обвилась вокруг нее, притягивая ее ближе, и он расправил ладонь

у нее под грудью.

– Продолжай, Ашер.

– Мне... мне обработали лицо, но вся моя голова была разбита. Я лишился уха. Скула и челюсть были частично раздроблены.

Глаза и зрение остались целы, но лишь потому, что мне повезло.

Боль была такая, что меня ввели в искусственную кому, только так я смог дотянуть до Сан-Антонио.

Саванна накрыла его руку ладонью и бережно сжала ее.

– Я... там я и провел весь следующий год – на

реабилитации в военном госпитале. Учился жить с одной рукой. Восстанавливал работу легких, потому что они тоже пострадали. Разрабатывал ногу. Мне сделали больше двадцати операций на лице, чтобы я мог выглядеть хотя бы так, как сейчас.

Саванна беззвучно всхлипывала. По ее лицу, капая на подушку, струились слезы.

– Детка, ты в порядке? – спросил он.

Снова сжав его руку, она кивнула.

– В какой-то момент ты
доходишь до точки, где должен
принять решение, хочешь ты
жить или нет, – продолжал он. –
У тебя осталась только одна рука,
а все твоё тело – сплошной
сгусток боли. Ты глядишь на себя
в зеркало и понимаешь... – Голос
его, дрогнув, прервался, и он
откашлялся. – Ты понимаешь, что
отныне приговорен к
одинокости... и что никто...
никто и никогда...

Он снова задышал через нос,
тяжело, через силу, и Саванна,

заподозрив, что он тоже плачет, перевернулась в его объятьях и легла как раньше, к нему лицом. Она переплелась с ним ногами, ее груди прижались к его груди, а губы приникли к жилке, что билась на его шее. Он крепко обнял ее, его плечи вздрагивали от безмолвных рыданий.

И в этот момент она с ужасающей, леденящей ясностью осознала, что Ашеру не к кому было возвращаться домой. После стольких лет, проведенных вдали от Дэнверса, его никто не ждал. У

него никого не осталось. Ни любящих родителей. Ни друзей. Никого, кроме старой подруги его бабушки, которая согласилась приходить к нему и заниматься хозяйством. Он был совершенно один. И все же он принял решение жить.

Она обнимала его за шею, пока он плакал у нее на плече, и не могла остановить свои слезы, заливающие ее лицо.

Открывшаяся перед нею бездна его отчаяния, его сокрушительного одиночества

разбила ей сердце и надломил
душу.

Как, во имя всего святого, он
нашел в себе силы выжить? Если
ему не к кому и не к чему было
возвращаться. Если только он
неосознанно не предчувствовал,
что однажды его разыщет она.

– Ашер, – с закрытыми
глазами вымолвила она,
уткнувшись ему в шею.

Он долго молчал, затем,
откашлявшись, нашел, наконец, в
себе силы ответить.

– Да?

– Ты выжил, Ашер. Я думаю, что, быть может, ты выжил ради меня.

Ее слова подействовали на него так, что он содрогнулся в ее объятьях и выдохнул – резко, словно его ударили в спину.

– Дыши, – приказала она ему – во второй раз.

***

Ашер сделал глубокий, очистительный вдох, потрясенный волной обрушившихся на него эмоций.

Быть может, ты выжил ради меня.
Неужели она поняла, насколько бессмысленной была его жизнь после того, как он вернулся с войны? Туда, где никому не был нужен. Пока в его дверь не постучала одна прекрасная девушка в сарафане своей сестры и с тарелкой брауни. Только тогда его сердце очнулось и забилося вновь.

Она была права. Он понял это только сейчас. Он остался в живых ради нее.

– Да. Я выжил ради тебя. Ради

мечты о тебе.

– И теперь я здесь.

– И я никогда не отпущу тебя,
– пообещал он яростно. Его ладонь властным движением переместилась на ее бедро и осталась лежать там, тяжело и настойчиво.

– Мы собираемся начать этот разговор прямо сейчас? – спросила она и, отпустив его шею, стерла со щек оставшуюся влагу.

Ашер судорожно вздохнул.
Закончив рассказывать свою

историю, он чувствовал себя эмоционально опустошенным, вымотанным, однако поговорить с ней о будущем было необходимо. Он больше не мог выносить неизвестность.

– Думаю, да. – Костяшками пальцев он очертил контур ее лица.

– Ашер... об этом невыносимо говорить, но... но если мне предложат работу в Финиксе, я соглашусь, – выпалила она быстро, словно иначе рисковала потерять самообладание. – Это

мой единственный шанс снова
встать на ноги. Я не могу
закончить карьеру на позорном
увольнении из «Сэнтинел» из-за
ублюдка Пата Монро. Я не могу
позволить ему выиграть. Я
должна перевернуть страницу и
узнать, что будет в моей
следующей главе. Мне жаль,
Ашер. Мне очень жаль. Ты
знаешь, что я влюбилась в тебя.
Но я никогда не прощу себе, если
отвернусь от... от... – Она больше
не могла говорить. По ее лицу
потекли свежие слезы. – Я н-не

плакса.

– Я знаю. – Большим пальцем он вытер ее щеки, боготворя каждую клетку ее тела, каждый удар ее сердца. Она была сильной, целеустремленной, смелой – без этих качеств она никогда бы не стала искать его, а ему никогда бы не выпал шанс узнать ее и полюбить. – Ш-ш, детка. Ш-ш. Я никогда не попрошу тебя отказаться от своей мечты. Никогда.

С радостью и облегчением она бросилась ему на шею, а он,

раздвинув кончиком языка ее губы, поцеловал ее. Когда он отстранился, тяжело и возбужденно дыша, она потерлась о него бедрами.

Но как бы Ашеру ни хотелось забыться в ее объятьях, он знал, что обязан быть с нею таким же честным, какой она была с ним. *Скажи ей, Ашер. Скажи.*

– Но я не могу поехать с тобой, – прошептал он ей на ухо. – Когда я вернулся, люди не узнавали меня. Их до сих пор передергивает, когда они на меня

смотрят. Я не могу быть с тобой таким, как сейчас.

– Можешь. Ты можешь жить в Финиксе точно так, как ты живешь здесь. Ашер, мне все равно. Я только...

– Нет, детка. Нет. Я не могу поступить так с тобой. – Он облизнул губы, глядя в ее полные слез глаза. – Я не могу просить тебя вместе со мной скрываться от мира. Ничего не получится. Рано или поздно я начну ревновать к той части твоей жизни, где нет меня. А тебе надоест постоянно

сидеть со мной дома. Мы сами все уничтожим.

Она шмыгнула носом, наклонилась, прильнув губами к его губам, и на ее языке он ощутил соленые слезы.

– Пожалуйста, поедem со мной,
– взмолилась она тихо.

Невозможность выполнить ее просьбу убивала Ашера, ведь ради нее он был готов на все. На одно безумное мгновение он испытал искушение уступить. *Я соглашусь. Я продам свой дом в Дэнверсе и куплю новый в Финиксе.*

К черту операции. Я буду жить, как жил раньше, со своими книгами и садом на заднем дворе. И каждый день буду ждать ее дома, а она будет возвращаться ко мне. И по вечерам будет рассказывать мне о мире, будет ходить на вечеринки, встречаться с людьми, а потом приносить мир ко мне, и... и...

Ха. Приносить мир ко мне. С каких это пор внешний мир приобрел для Ашера Ли столь большое значение? Ход его мыслей прервался, а частый стук сердца замедлился, когда он

заново все обдумал. Оказывается, мир имел-таки для него значение. Черт, он скучал по миру. И хотел снова стать его частью. Дело было не только в Саванне. Дело было и в нем самом тоже.

– Я должен это сделать, – прошептал он. – Не только ради тебя. Но и ради себя самого.

Она отодвинулась, чтобы взглянуть на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне надоело жить в изоляции. Надоело прятаться. Я хочу иметь возможность сходить в

ресторан или в библиотеку, но чтобы люди при этом не показывали на меня пальцем. Я думал, что мир мне не нужен, и, только встретив тебя, осознал, что это не так. Благодаря тебе я снова хочу жить внутри мира, а не снаружи.

Он вспомнил, что сказал мисс Поттс в день, когда впервые увидел Саванну. *Я не гожусь на то, чтобы воссоединиться с человеческим родом.* Но теперь он считал иначе. Благодаря Саванне он снова захотел жить. Ашер

посмотрел на ее лицо, на ее скулы, на то, как на них ложилась веером тень от ресниц, когда она моргала, и подумал, как же сильно будет скучать по ней.

– Ты знаешь, что я люблю тебя? – спросил он.

Кивнув, она накрыла его щеку ладонью.

– Такой любовью, которая не заканчивается, а живет вечно, – проговорил он мягко. – Неважно, что ты уедешь в Финикс, а я на какое-то время останусь здесь. Мы снова найдем друг друга. Ты

поняла меня, Саванна Кармайкл?

Она снова кивнула – грустно, со слезами, все еще блестящими на глазах.

– Я должен сказать тебе еще одну вещь. Я не боюсь, что ты найдешь себе кого-то другого, потому что никто во всем мире не способен любить тебя сильнее меня. Это просто невозможно, ведь еще ни один мужчина в истории не любил женщину так, как люблю тебя я. И я не боюсь, что найду другую, потому что ты вернула меня из мертвых и

подарила мне второй шанс
начать жить. Ты мое чудо,
Саванна, и я *всегда* буду
принадлежать только тебе.

Кивнув в третий раз, она
прихватила губами его верхнюю
губу и стала посасывать ее лениво
и нежно, потираясь грудями о его
торс и баюкая в ладонях его лицо.
Он понимал, что так она утешает
его, но когда она отодвинулась, ее
взгляд заблестел страстью, и его
плоть ответила ей так, как
отвечала и будет отвечать всегда,
отвердев по ее команде. Он хотел

забыть о предстоящей разлуке. Он хотел забыть о том, что им предстоит провести врозь много больше, чем один день. Он хотел раствориться в ней и увидеть, как она растворяется в нем.

– Когда тебе нужно вернуться?
– спросила она. Ее дыхание, пока она смотрела на него, все ускорялось.

– Через неделю, – ответил он. Каждая клетка его тела умоляла его овладеть ею, испытать ее вкус, погружаться в нее до тех пор, пока не исчезнет все, кроме

настоящего момента, где они еще оставались вместе. – Первая операция назначена на шестое.

Они разговаривали об очень серьезных, о невеселых вещах, и все же его сердце быстро стучало от любви к ней, а тело изнывало от отчаянного желания ощутить целостность, которую он ощущал только в ее объятьях.

– У нас осталось восемь дней, – произнесла она, прочитав призыв в его взгляде. Толкнула его в грудь, так что он опрокинулся на спину, и оседлала, перекинув

ногу через его бедра.

– И мы используем их на полную, – пообещал он, разминая мягкую кожу ее бедра, пока она, ерзая на нем, поднималась к его эрекции. Его рука плавно сместилась к спутанным завиткам меж ее ног и, лаская ее, начала продвигаться к цели.

– На... полную, – ахнула она, когда он нежно ввел два своих пальца в ее мягкий и влажный рай. В ее глазах заплескалось желание. – Люби меня, Ашер.

И он выполнил ее просьбу.

Зная, что она останется его любовью на всю жизнь.

Навечно.

***

В понедельник утром, пока Ашер занимался в своей домашней тренажерной комнате, Саванна получила письмо от Мэддокса Макнаба. Он сообщал, что статья ему очень понравилась, и что в воскресенье Четвертого июля, после внесения некоторых правок, она будет опубликована на первой полосе.

И пусть официально предложения о работе ей не поступило, Саванна полагала, что теперь это просто формальность. Оно поступит – как только статья уйдет в печать. Мысль о расставании с Ашером была для нее невыносима, однако она заранее знала, каким будет ее ответ. Жаль, конечно, что во второй главе своей карьеры она станет не ведущим журналистом «Сэнтинел» и не диктором теленовостей, а обозревателем в «Финикс Таймс», и все-таки это

было лучше, чем ничего.

Это было достойное место для нового старта, но, несмотря на все старания Саванны испытать по этому поводу энтузиазм, ее сердце сопротивлялось идее оставить Ашера в Мэриленде, пока она сама будет заниматься покорением новых карьерных высот. Да, он сам благословил ее в путь. Да, он сказал, что никогда не встанет на дороге у ее мечты. Бога ради, они были вместе всего один месяц. Но ради карьеры на полгода бросить его одного, пока

он будет переживать болезненные операции... Она чувствовала, что поступает неправильно, и это ощущение терзало ее, заставляя пересматривать свой жизненный путь, заставляя задуматься, верно ли она расставила приоритеты, или, ослепленная амбициями, как раньше, перестала воспринимать реальность.

Ей не хватало мягких советов матери и даже кипучей веселости Скарлет – вот почему она так обрадовалась, когда на

следующий день получила сообщение от сестры.

«Привет, Вэн. Ты не против, если после работы мы с Трентом зайдём к Ашеру?»

Саванна подняла взгляд на Ашера. Он читал, сидя в кресле с ней рядом, пока за окном шелестел летний дождь. Все утро они занимались тем, что паковали его вещи для Мэриленда.

– Ашер. Мне сейчас написала Скарлет.

Он взглянул на нее с

невозмутимым, но
заинтересованным видом.

– Что она говорит?

– Спрашивает, можно ли им с
Трентом зайти к нам сегодня
вечером.

Он отложил киндл и глубоко
вздохнул.

– Ты готова выслушать то, что
они скажут?

– Если только это будет не
очередная чушь.

Усмехнувшись, он склонил
голову набок.

– Вот она, моя девочка.

– Нет, я серьезно. Пусть только попробует опять заявить, что Лэнс невиновен.

Глядя на сообщение, Саванна вздохнула.

– Я все время, до последней минуты, буду с тобой рядом, – сказал он тихо и, потянувшись через разделяющий их маленький столик, коснулся ее руки.

Саванна взяла его за руку и переплелась с ним пальцами. В его глазах стояла печаль, и от простой сладости его слов внутри

у нее все сжалось. До последней минуты. Последних пяти дней – напомнило ее сознание, усугубив пытку. А что потом? Жгучее одиночество разлуки. Месяцы агонии вдали друг от друга.

«Да, давай разберемся», – напечатала она. «Увидимся в 5:30».

– Я написала ей прийти в половине шестого, чтобы они ушли до того, как мы сядем ужинать.

– Если вы помиритесь, ты вернешься домой?

Он смотрел прямо перед собой, на витражное стекло, которое заливали струи дождя, и казался совершенно спокойным, но Саванна видела, что его пальцы свернулись в кулак.

– Нет, Ашер, – прошептала она. Отложила книгу и встала. Потом забрала у него киндл и села верхом к нему на колени, а он обнял ее за талию. – Все оставшееся нам время я хочу провести с тобой.

Он поцеловал ее, и Саванна закрыла глаза, фиксируя в памяти

жар его рта и гладкую силу его языка. То, как ее плавилась ее внутренности, а между ног проступала влага. То, как оживала под джинсами его плоть. То, как его правый локоть вжимался в ее бедро, удерживая ее на месте, а левая рука, пробравшись ей под одежду, ласкала ее живот.

Запоминай его, Саванна.

Запоминай так, чтобы вдали от него вспоминать, что ты чувствовала, пока вы были вместе. Запоминай прикосновения его пальцев к своим покрытым

мурашками грудям, то, как его рот посасывал твои соски, то, что ты чувствовала, когда он, твердый и нетерпеливый, заполнял тебя до предела, скользнув в твое томящееся в ожидании тепло. Запоминай, что ты чувствовала, когда была любима.

Она всхлипнула в его рот, и он проглотил ее стон. Проник ладонью под чашечку ее лифчика, а она, стянув через голову рубашку, обнажила для него свои груди.

– Я хочу тебя. – Открыв глаза,

она встретила его взгляд. – Прямо здесь. Прямо сейчас. Это единственное, что может сделать происходящее хоть сколько-нибудь переносимым.

– Я знаю, – сказал он.

– И медленно. – Соскользнув с коленей Ашера, она взялась за пряжку его ремня. – Я хочу все запомнить. Я не хочу забывать.

– Я тоже, детка.

Она расстегнула его брюки и с его помощью спустила их вниз. Его плоть выпрыгнула наружу, упругая, набухшая,

поблескивающая на конце влагой. Глядя ему в глаза, она сняла с себя шорты и трусики, после чего вновь оседала его и, вжимаясь коленками в подушки по бокам его бедер, начала медленно на него опускаться.

Придерживая ее, он издавал короткие звуки, которые всплесками желания отдавались у нее внутри. Его веки дрогнули, а потом его подернутый блаженством взгляд пленил ее и удерживал, пока она как можно медленней опускалась, стараясь

прочувствовать его и внутри, и снаружи. То, как ощущалась его ладонь на ее обнаженном бедре, то, как он растягивал ее узкий вход и как в конце, склонив шею, уткнулся лбом в ее грудь.

Когда она приняла его в себя целиком, он выдохнул, овеивая горячим дыханием ее шею. Нашел взглядом ее глаза и заглянул в самую их глубину, пока они оба, соединенные самым интимным образом, оставались неподвижны.

Он подрагивал внутри нее, но

не двигался, удерживая ее взгляд и свое дыхание. По его щеке скатилась капелька пота.

– Ты когда-нибудь занималась тантрическим сексом? – спросил он низким, гортанным голосом. – Я читал о нем.

Она потекла еще сильнее, если такое было вообще возможно. Ее глаза в предвкушении распахнулись, а рот приоткрылся. Нет, не занималась. Но очень хотела попробовать.

– Смотри мне в глаза, –

прошептал он и сделал глубокий вдох через нос. Его грудная клетка расширилась, твердые мышцы мимолетно задели ее соски, отчего они моментально сморщились. Она заворуженно смотрела на него.

– Дыши вместе со мной.

Неотрывно глядя друг другу в глаза, они вместе сделали вдох. По спине Саванны побежали мурашки, когда ее возбужденные соски вновь коснулись его кожи. Его бедра немного приподнялись, и она, находясь во власти

заполонивших ее ощущений,
едва удержалась от того, чтобы не
закрыть глаза.

– Еще вдох, – приказал он.

Они задышали в унисон. Она
ухватилась за его плечи, чтобы
оставаться неподвижной, а он,
напрягая мышцы ягодиц,
медленно втокнулся в нее.
Затем, расслабившись, вышел.
Его движения были плавными,
едва заметными, но она ощущала
их всеми нервными окончаниями,
пока он медленно массировал ее
изнутри, а его торс терся о

чувствительные бугорки ее сосков.

– Еще, – приказал он снова, и она, глотнув воздуха, сжала внутренние мышцы в момент, когда он сделал очередной толчок. – Задержи дыхание.

Она задыхалась, покрываясь испариной, ее соски вжимались в его твердую грудь, а внутри пульсировала его длинная плоть, туго сдавленная ее мышцами. Его дыхание становилось все более бесконтрольным, частым и рваным, пока он смотрел на нее,

ни на миг не прерывая
зрительного контакта.

Наконец он расслабил
мышцы, и она ощутила, как его
член, находящийся глубоко
внутри нее, на дюйм выскользнул
наружу. Давление внизу живота,
в том мокром, сокровенном,
принадлежащем ему одному
местечке стало почти
невыносимо интенсивным.

Она застонала, когда они снова
сделали одновременный вдох,
крепко держась за него, пока он
проникал в нее все глубже и

глубже, предъявляя права на самые сокровенные уголки ее существа. Его пылающий взгляд прожигал ее насквозь, он словно заглядывал в самую ее душу, и она, ощущая себя как никогда обнаженной, была не в силах отвести от него глаз, хоть и чувствовала, как по лицу медленно катятся слезы.

– Что мы делаем? – спросила она, смыкая руки вокруг его шеи.

– Я разрушаю тебя, – ответил он с непреклонной твердостью, – для всех остальных.

Он снова подался вверх, и она ахнула.

– Ашер...

Ощущения, что
накапливались меж ее бедер,
были слишком острыми,
слишком сладкими, слишком
требовательными, чтобы их
игнорировать. Ее бросало то в
жар, то в холод. То дрожа, то
покрываясь потом, она
запрокинула голову и расслабила
внутренние мышцы, чувствуя, как
он, разрушая ее самоконтроль,
вновь и вновь погружается в нее

своей твердостью.

Непроизвольно она толкнулась бедрами ему навстречу, отчего он, забыв о дыхании, застонал. Обхватив ее спину своей твердой как сталь рукой, он склонил голову и, дотянувшись губами до ее соска, начал вонзаться в нее сильнее. Она выгнулась, откинулась на его руке, предлагая ему свои груди, и ее тело омыли первые волны оргазма, раскалывая ее мысли, пока в сознании не осталось только одно слово, имя ее

любимого, повторяющееся, точно молитва – Ашер, Ашер, Ашер...

Его ладонь соскользнула по ее спине вверх, стиснула сзади шею, и он, рывком притянув Саванну к себе, захватил ее губы в плен в требовательном, неистовом поцелуе, врываясь в ее рот языком, пока из его горла рвалось ее имя.

– Саванна! – вскрикнул он и в последний раз вонзился в ее влажный жар. – Сейчас!

Из ее горла исторгся крик, когда кончик его твердого члена

поцеловал ее матку, она стиснула его, и он кончил, долгими толчками выплескиваясь в нее, пока ее мышцы яростно сокращались, с силой сжимаясь и разжимаясь, выдаивая его до тех пор, пока его голова не упала ей на плечо. Рука, обнимающая ее спину, расслабилась, и она, обмякнув, уткнулась лбом в его шею, где с каждым проходящим моментом ей все сильнее хотелось остаться навечно.

***

– ...так что, можешь не волноваться, Вэн. К завтрашнему дню Лэнс будет в Калифорнии, и на свадьбу он не вернется. Он не вернется еще очень-очень долго. Честное слово.

Ашер сжал плечо Саванны, и она благодарно взглянула на него, после чего вновь повернулась к сестре.

– А что скажешь насчет Мерти-Бич? – спросила она.

Скарлет взяла Трента за руку и кивнула ему.

– Лэнс во всем признался,

Саванна... пока был под анестезией в больнице, когда ему вправляли нос. – Глаза Трента беспокойно переметнулись на Ашера, затем вернулись к Саванне. – Он сказал, что позволил себе лишнее и получил по заслугам.

Ашер почувствовал, как Саванна напряглась, и считал ее реакцию, как по открытой книге. «Позволил себе лишнее» и «пытался изнасиловать» не были равноценными понятиями. К его удивлению она только вздохнула

и поправила Трента:

– Он не просто позволил себе лишнее, Трент.

– Я представляю, Саванна, – ответил Трент. – То, что он мой брат, не значит, что я не вижу, что он за человек.

– Но, Вэн, теперь его нет. Он посчитал, что будет слишком унижительно оставаться здесь после того, как его избил какой-то... в общем, он решил перебраться в Сан-Франциско.

– Я сказал ему, что на свадьбу он может приехать только в

одном случае, – произнес Трент, – если принесет тебе свои извинения, но он ответил, что вряд ли скоро вернется. – С покрасневшими щеками он уставился в пол. – Саванна, от лица своей семьи я прошу у тебя прощения за то, что Лэнс испугал тебя и разбил губу. Он всегда был подлецом. Поверь, я знаю это, как никто другой.

Ашер подозревал это с того самого дня, когда увидел выражение его лица после визита к Лэнсу. Трент медленно, с

уважением кивнул ему, и Ашер, ответив ему таким же кивком, повернулся к Саванне.

– Радость моя, я оставляю тебя с сестрой – вам ведь наверняка есть, о чем поболтать, – а мы с Трентом выпьем бурбона в буфетной.

Саванна с удивленной улыбкой оглянулась на него. Ашер нечасто в полную меру разворачивал в ее присутствии свой южный шарм, но это не значило, что при желании он не мог этого сделать. Подмигнув ей, он жестом пригласил Трента

проследовать за собой. Когда они вышли из комнаты, он обернулся через плечо и успел заметить, как Скарлет, соскочив со своего места, села рядом с Саванной, а та раскрыла младшей сестре объятья.

Положив руку Тренту на плечо, он повел его в нужном направлении.

– Ну что, еще две с половиной недели – и свадьба?

– Да, сэ. Для нас со Скарлет будет большой честью, если вы с Вэн согласитесь прийти.

Когда они оказались в буфетной, Ашер указал на стоящие слева кресла.

– Садись. Я налью нам выпить.

Ему еще не приходилось принимать в родительском доме мужчин, хотя он был частым свидетелем того, как родители приглашали друзей, и помнил, как отец предлагал гостям пропустить по рюмке, пока дамы прогуливались по саду или общались в гостиной.

Он разлил бурбон и, добавив льда, покрутил в бокалах

янтарную жидкость, прежде чем присоединиться к Тренту и сесть в одно из кожаных кресел напротив камина, который много лет не видел огня.

– Так что скажете? – спросил Трент. – Мы можем на вас рассчитывать?

– Я благодарен вам за приглашение, – сказал Ашер, – и мы с Саванной с радостью бы пришли, но меня здесь не будет. Совсем скоро я на несколько месяцев уезжаю в Мэриленд.

Трент отхлебнул бурбона и

негромко присвистнул.

– Черт, отличная штука.

– Это из запасов отца.

– Сэр, можно задать вам вопрос?

– При условии, что ты перестанешь называть меня «сэр», – сказал Ашер.

– Простите, мистер... хм... Ашер. Скажите... а круто это было, расквасить Лэнсу физиономию?

К своему удивлению Ашер понял, что Трент Гамильтон говорит совершенно серьезно.

– О, да. Я знаю, он твой брат, но пока Саванна принадлежит мне, я никому не позволю и пальцем ее тронуть. – Он пожал плечами. – Так уж у нас заведено.

Трент согласно кивнул.

– Я вас недооценивал.

Ашер сделал глоток бурбона.

– Все из-за моего лица. Оно отпугивает людей. Собственно, потому я и уезжаю. Дядя Сэм предложил немного его подправить.

– Я присмотрю за Саванной, пока вас не будет.

– Спасибо, но вряд ли она здесь останется. Она уезжает в Финикс.

Трент нахмурился.

– Но вы же...

– Мы справимся, – твердо ответил Ашер, вспоминая, как несколько часов назад Саванна рассыпалась на части в его объятьях. Он любил ее до безумия, как не любил никого и никогда. – На самом деле, если все сложится... то в один прекрасный день мы с тобой станем братьями.

Глаза Трента округлились, и он поднял бокал.

– За девочек Кармайкл.

Ашер легко чокнулся с ним бокалом.

– За *наших* девочек Кармайкл.
За Саванну и Скарлет.

***

– Милая, так ты вернешься домой?

– Да, – сказала Саванна. – В понедельник утром.

– Не раньше?

– В понедельник Ашер

уезжает в Мэриленд. Я останусь с ним до отъезда.

– Кстати, пока не забыла.

Четвертого июля мама устраивает барбекю. Только члены семьи. Она приглашает Ашера. – Скарлет сделала глубокий вдох и зажмурилась. – Саванна, ты же не... ты же не влюблена в него?

– По уши, – призналась она, не колеблясь.

– О. О, даже так. Но он же... калека, отшельник. Как ты представляешь ваше будущее?

– Он не калека, Скарлет. У него есть увечья, но мне плевать. Что касается отшельника, то сколько раз он приезжал к маме с папой? На той неделе мы вместе ездили в Мэриленд. А еще, по слухам, не так давно он нанес визит Лэнсу Гамильтону. Лично я представляю себе отшельника по-другому.

– Саванна, ты знаешь, что я имею в виду. У тебя нет плана. Ты уезжаешь в Финикс, а он... он Ашер Ли.

– Он мой, – сказала Саванна,

вложив в голос ясное
предупреждение.

– Ладно тебе, милая, и как это
срабатывает?

– У меня нет всех ответов! –
вырвалось у Саванны. Когда она
думала об их
умопомрачительном сексе, об
интимности их отношений, о
любви, ее сердце наливалось
болью. Она взглянула на Скарлет,
которая задавала ей простые и
логичные вопросы. Она бы
спрашивала ее ровно о том же,
поменяйся они ролями. –

Помнишь статью, которую ты мне читала в день, когда позвонила Дерби Джонс? Двенадцать главных вех в развитии отношений?

– Конечно. Удивительно, что и ты ее помнишь. Это совсем на тебя не похоже.

Саванна усмехнулась.

– Ты тогда спрашивала, почему я не хочу быть женщиной, у которой есть все: и карьера, и муж.

– А ты ответила, что не стремишься к браку.

Саванна вздохнула.

– Да. Верно.

– Хочешь сказать, теперь твое мнение изменилось?

Чувствуя стеснение в груди, Саванна подняла взгляд на Скарлет. Да. Ее мнение изменилось. И стремилась она сейчас только к одному. Не к Финиксу и не к Нью-Йорку, а к Ашеру, и это пугало ее, потому что быть чьей-то милой маленькой женушкой никогда не входило в ее планы.

– Я не знаю, как мне

поступить.

– Ах, милая. – Скарлет обняла Саванну и потрепала ее по плечу.
– Кажется, ты запуталась.

– Я не могу его бросить. И не могу остаться. – Она посмотрела сестре в лицо. – Что мне делать, Скарлет?

Помолчав, Скарлет заговорила спокойным и ясным голосом, и Саванна поняла, что в сердечных делах ее младшая сестричка будет поумнее ее самой.

– Следовать зову сердца. Если оно отдано карьере, поезжай в

Финикс. А если Ашеру Ли – в Мэриленд.

– А если и то, и другое для меня одинаково важно?

– Милая, одной задницей на двух стульях не усядешь.

Попробуй – и свалишься на пол.

Скарлет никогда не позволяла себе сквернословить. Никогда.

Целых десять секунд Саванна онемело глазела на сестру, а

потом взорвалась смехом, и

Скарлет, шокированно прикрыв рот рукой, тоже расхохоталась.

Однако вопрос никуда не

делся. И после того, как Скарлет с Трентом ушли, он так от нее и не отцепился. Карьера или сердце? Никуда не денешься. Ей придется сделать выбор.

И каким бы он ни был, она окажется в проигрыше.

И каким бы он ни был, ей придется с ним жить.

Глава 16

Ваша первая серьезная ссора

Наступило воскресенье. В ярких лучах утреннего солнца Ашер смотрел на спящую рядом

Саванну. Сегодняшней ночи предстояло стать последней ночью, которую они проведут вместе. Завтра он отправится в Мэриленд, и начнется разлука длиной в долгие полгода.

Риэлтор, которого Ашеру порекомендовали в больнице, нашел для него симпатичную меблированную квартиру в двух шагах от больницы, и Ашер подписал все необходимые для полугодовой аренды бумаги. Коробки с одеждой, книгами и прочими личными вещами

курьер UPS забрал еще в пятницу утром. Все было почти готово к отъезду. У двери в спальню стояли два собранных чемодана, а еще один лежал открытым на сиденье возле окна.

Стараясь не разбудить Саванну, он встал. Подобрал с пола боксеры и надел их, а потом, присев у окна, устремил взгляд на деревья, окружавшие дом, и на виднеющуюся вдали рощу. Удивительно, но несмотря на свое страстное желание вырваться отсюда, он знал, что будет

скучать по дому.

Но еще Ашер знал, что больше всего будет скучать по Саванне. Хотя он почти примирился с их расставанием – они договорились ежедневно переписываться и как можно чаще звонить друг другу, – в глубине души он по-прежнему задавался вопросом, не было ли с его стороны эгоизмом поставить что-то превыше нее. *Еще не поздно,* шепнул ему внутренний голос, но Ашер заставил его замолкнуть, потому что менять планы было

все-таки поздно. Более того, сейчас, когда он собирался в путешествие, целью которого было сделать так, чтобы они смогли быть вместе, поехать вслед за ней в Финикс было бы чистой слабостью.

Ашер вернулся к кровати и осторожно присел у ее свернувшегося калачиком тела. Вчера вечером, разговаривая с Трентом, он не шутил. Взглянув на цветущие на ее щеках розы, он хотел было наклониться и поцеловать ее, но не стал, зная,

что она может проснуться, если он поцарапает ее своей легкой утренней щетиной.

– Однажды я женюсь на тебе, – прошептал он.

– Хм-м-м? – пробормотала она хрипловато и сонно.

– Ничего, детка. – Он нежно пригладил ее волосы. – Я хочу сходить прогуляться.

– Я с тобой, – прошептала она, не открывая глаз.

– Спи.

– Я могу поспать и потом.

Когда ты уедешь. – Из уголка ее

глаза сбежала слезинка и,
скатившись по носу вниз,
неслышно капнула на подушку.

Сердце Ашера сжалось. Он
коснулся губами ее виска.

– Спи, радость моя. Сейчас
только половина девятого. Я
вернусь через час.

– Хорошо, – сквозь дремоту
проговорила она и легла на
другой бок.

Она проснулась в слезах. В
слезах – тогда как больше всего на
свете он хотел сделать ее
счастливой. Он так хотел найти

какой-нибудь способ убедить ее, что они еще в самом начале чего-то прекрасного, что их отношения – особенный дар и что, пока они остаются сильными, честными и преданными друг другу, они смогут быть вместе до конца.

Ашер натянул беговые шорты и футболку, затем выудил из шкафа кроссовки. С больной ногой было не побегать, но вот утренние прогулки шли ей на пользу.

У подножья лестницы он

встретил мисс Поттс. С воскресенья – когда Саванна перебралась к нему – они в какой-то степени избегали друг друга, поскольку мисс Поттс не одобряла то, что Саванна ночует в его постели. Впрочем, надо было отдать ей должное. Почтительно озвучив свое мнение в первый же день, она с тех пор держала его при себе.

– Доброе утро, мисс Поттс, – сказал Ашер.

– Ах, Ашер. – Она улыбнулась ему, и на ее лице собрались

морщинки. – Не представляю, что я буду делать без вас в этом большом старом доме до самого Рождества. Вы точно не хотите, чтобы я приехала в Мэриленд?

Он покачал головой и, обняв ее, ласково притянул к себе. В его жизни так долго не было никого, кроме мисс Поттс. До сих пор он не задумывался о том, что Саванна своим появлением, можно сказать, оттеснила пожилую женщину в сторону.

– Вы были так добры ко мне, – проговорил он, сжимая ее плечи.

Она шмыгнула носом.

– Вы мне как внук. Вы дали мне то, чем жизнь не сочла нужным меня одарить.

– Мы навсегда останемся одной семьей. – Он улыбнулся ей. – Мисс Поттс, ну кто, кроме вас, сможет при надобности задать мне взбучку?

– Ох, не знаю, – сказала она, а потом указала взглядом наверх. – Мне кажется, вон той девушке вполне по силам удержать вас в узде. – Еще раз всхлипнув, она просияла широкой улыбкой. – И,

знаете, я была бы не прочь
обзавестись парочкой правнуков.
Пока я еще молода, чтобы с ними
понянчиться.

– Не гоните лошадей, мисс
Поттс. И кстати. Я думал, вам не
нравится, что Саванна спит в
моей постели.

– Мне не нравится, что в вашей
постели спит ваша *девушка*. Вот
если б она была вашей женой... –
Глаза мисс Поттс заискрились, и
она легко коснулась его руки. –
Вам будет хорошо с нею, Ашер.

– Да, – сказал он. – Я знаю.

***

Когда телефон зажужжал в третий раз, Саванна сдалась. Зевнув, она медленно открыла глаза. Вскоре раздалось четвертое и пятое бз-з, и она оглянулась в поисках чертовой трубки. У нее, конечно, были разрешены алерты из Твиттера, однако после нью-йоркского провала она настроила сервис так, чтобы уведомления приходили только в том случае, если где-то упоминалось ее имя. Бз-з, бз-з, бз-з.

– Черт, да что с тобой такое? –

невнятно пробормотала Саванна. Нашарив на тумбочке телефон, она откинулась на подушки и сощурила сонные глаза, привыкая к яркому свету экрана. Сначала она увидела время – 9:12 утра. А после – оповещения, одно за другим всплывающие на экране.

Выпрямившись, она ввела пароль. И при виде усыпанных красными кружками иконок у нее екнуло сердце, а в кровь будто брызнули адреналин. Девятнадцать непрочитанных

писем, пятьдесят шесть уведомлений из Твиттера и тридцать одно... нет, тридцать два... нет, тридцать три из Фейсбука. Что происходит? Неужели помимо своего имени она оставила включенным еще какой-то алерт, который сегодня утром, точно вирус, разлетелся по всем новостным сетям?

Ее шея дернулась, когда раздался звонок домашнего телефона. За все время он просыпался при ней всего пару раз и только во второй половине

дня, когда мисс Поттс звонила со свежими сплетнями ее приятельница София. Почему он звонит сейчас? В девять утра в воскресенье. В праздничный день. Когда ни один дэнверец не позволил бы себе побеспокоить соседа. Кто звонит Ашеру в такой неурочный час?

Чувствуя, как по коже ползет нехорошее предчувствие, Саванна вернулась к своему сотовому и нажала на иконку Твиттера. Шестьдесят два уведомления? Когда за весь июнь она получила

всего пять? Под звон домашнего телефона она начала листать сообщения.

О боже.

#БожеБлагословиАмерику

#ЧитатьСРОЧНО

#СаваннаКармайл

#ФиниксТаймс Любовьная история века!

#Красавица_и_чудовище

#ЛучшаяИсторияЛюбви Вы обязаны это прочесть!!

#ВсегдаВерен #СаваннаКармайл

#РоманСолдатаИРепортерши

Читайте в свежем номере

#ФиниксТаймс

#СаваннаКармайлАшерЛи

благослови вас Господь

– П-погодите... Что?!

Рот Саванны сам собой

распахнулся, пока она

перечитывала последний твит.

Почему там стоит имя Ашера?

Домашний телефон опять

зазвонил, а на экране сотового

появились новые оповещения.

С бешено бьющимся сердцем

она открыла почту и принялась

просматривать заголовки писем.

«Отличная статья», «Очень

понравилось», «Поздравляю»...
От Мэддокса не было ни слова,
поэтому она запустила на
телефоне браузер и вбила в
адресную строку
www.phoenixtimes.net.

– Ну же, давай открывайся, –
пробормотала Саванна и,
спрыгнув с кровати, надела
трусики.

Где сейчас может быть Ашер?
Внизу? Нет. Откуда-то она
помнила, что он ушел на
прогулку в лес. И, кажется,
поцеловал ее перед уходом.

– Быстрее, – заклинала она маленький курсор, который крутился, загружая страницу. Она натянула через голову блузку и, не отрывая глаз от экрана, начала беспокойно расхаживать из угла в угол. От нарастающей внутри паники ее бросало то в жар, то в холод. – Дыши, Саванна, – приказала она себе, стискивая телефон во вспотевшей ладони. Во имя всего святого, как такое могло произойти? Несмотря на постоянно выскакивающие оповещения, она продолжала

отчаянно убеждать себя, что все это какая-то ошибка.

Когда главная страница наконец-то открылась, она кликнула на рубрику «образ жизни», и загрузка началось по новой.

– Проклятье, ну давай же, – проговорила она, опустила взгляд и... и увидела заголовок.

Саванна и Ашер:

Всеамериканская история любви.

– Нет! – вскрикнула она и, прокрутив страницу ниже, прочла под заголовком именно

то, чего так боялась. Имя автора.
Свое имя. Саванна Кармайл.

В доме снова зазвонил
телефон. Сраженная, она осела в
кресло возле окна и уставилась на
экран.

Одним солнечным майским днем
я постучалась в дом Ашера Ли. На
мне был сарафан, взятый взаймы у
сестры, а в руках я держала
тарелку брауни. Мистер Ли был
загадочным монстром нашего
городка. Изгоем. Отшельником.
Страшилищем. В Хэллоуин дети
забрасывали его жилище яйцами, а

матери наказывали своим дочерям возвращаться домой до темноты, чтобы Ашер Ли не сделал с ними что-нибудь страшное. Но знаете, что? Ашер Ли оказался обычным человеком, отличающимся от остальных мужчин лишь своими отвратительными увечьями, полученными на службе нашей великой Родине.

Она слабела с каждой минутой, читая свою до неузнаваемости отредактированную статью. Слов «загадочный монстр»,

«страшилище» и «отвратительные увечья» в ее тексте не было. И она не писала о матерях, которые якобы прятали от Ашера своих дочерей.

– О господи.

Она слышала, что некоторые газеты так поступают, но ей – ни разу, ни на секунду – и в голову не приходило, что под «правками» Мэддокс Макнаб подразумевал практически полную переделку ее статьи.

Они опубликовали их реальные имена. И ради

сенсации перекроили весь ее текст. И поставили под этим текстом ее имя.

На середине статьи она остановилась, потому что ее внутренности завязались в узлы, которые не собирались распутываться сами собой. Ей не нужно было читать дальше, чтобы понять: ее текст вывернут наизнанку. Тем временем приходили все новые и новые оповещения. Люди читали и комментировали «ее» статью.

Шок быстро

трансформировался в ярость, и она нашла рабочий номер Макнаба. Через шесть гудков включился автоответчик.

– Вы позвонили Мэддоксу Макнабу, главному редактору...

Саванна прервала звонок, и по ее щеке скатилась слеза. Она не знала его домашнего номера. Но у нее был телефон Дерби Джонс.

– Алло? Который час? – спросил заспанный голос на другом конце провода, и Саванна поняла, что в Финиксе еще полвосьмого. И что сегодня

воскресенье. И праздничный день.

– Дерби? Извини, что разбудила. Это Саванна Кармайкл.

– Саванна. Саванна? А. Ну да. Привет. Слушай, ты не рано?

– Знаю. Прости. Я отниму у тебя буквально секунду. У тебя есть номер сотового Макнаба?

– Мэддокса? Да. Где-то был. О, он у меня в телефоне. Переслать тебе?

Саванна представила, как Дерби лежит и с закрытыми

глазами держит телефон, готовая перевернуться на другой бок и снова заснуть.

– Дерби, это очень важно.

– Хорошо. Я перешлю его прямо сейчас. – Саванна услышала, что голос ее знакомой прояснился. – Как только повешу трубку.

– Спасибо. Прости еще раз, что разбудила.

– Да ничего. Эй... все в порядке?

Выглянув в окно, Саванна увидела Ашера. Он шел по

тропинке из леса – высокий, с гордой осанкой, с золотистыми солнечными бликами в темно-каштановых волосах. Выражение его лица было задумчивым, а на губах играла легкая улыбка, словно он размышлял о чем-то приятном. Внезапно, словно почувствовав, что она за ним наблюдает, он взглянул на окна своей спальни и, увидев ее, в знак приветствия поднял руку. Чувствуя, как к горлу подступают слезы, она тоже подняла руку и приложила свою трясущуюся

ладонь к разделяющему их стеклу.

– Нет, – ответила она. – Все далеко не в порядке. Пока, Дерби.

Не отводя глаз от Ашера, она отключилась, а он, поскольку на расстоянии не мог разглядеть выражения ее лица, улыбнулся, прижал к губам палец и послал ей воздушный поцелуй.

В отчаянии она цеплялась пальцами за стекло. Сама того не желая, она совершила предательство: раскрыла самого закрытого человека из всех, что ей

встречались. Сможет ли он простить ее?

Но сперва... *Динь*. Пришла смс от Дерби. Сперва нужно поговорить с Мэддоксом Макнабом.

***

Вытерев грязные подошвы кроссовок о коврик, который мисс Поттс постелила возле порога, Ашер бодрым шагом зашел на кухню. Кофе был уже сварен, а Саванна проснулась. Он очень переживал из-за того, что она

проснулась в слезах, и, зная, что сегодняшний день будет тяжелым для них обоих, принял во время прогулки одно решение. Он был пока не готов сделать ей предложение, однако хотел, чтобы она знала о его серьезных намерениях. Он хотел заверить ее, что она – его вечность, что главное – беречь связавшие их бесценные чувства, и тогда после шестимесячной разлуки они обязательно встретятся снова.

Когда на стене зазвонил телефон, он вздрогнул он

неожиданности, потом оглянулся, ожидая, что на кухню вот-вот ворвется мисс Поттс, и, не дождавшись ее, снял трубку сам.

– Алло?

– Ашер Ли?

– Да.

– Мистер Ли! Здравствуйте!

Это Дженнифер Дюран и «Друзья телеканала Fox», нам интересно, возможно ли подписать вас на участие...

– Боу! – сказал он. – Давайте-ка чуть помедленней. Вы из телевизионного шоу?

– Угу-м. Кстати, как к вам предпочтительней обращаться: Ашер или же... *Хэрроу*?

– Что? О чем вы...

Женщина кокетливо

хихикнула, потом продолжила более профессиональным тоном:

– Нам хотелось бы, чтобы вы пришли к нам на передачу и рассказали о том, как вы познакомились, как вспыхнула искра – обо всем со *своей* точки зрения.

– Вспыхнула искра? Вы о статье? О взрыве?

– О, нет. Нет, этой темы мы касаться не будем. История любви – вот во что влюбилась Америка.

– История любви?

– Саванна и Ашер:

Всеамериканская история любви. Мистер Ли, я, видимо, позвонила невовремя?

Что? Что она такое несет?

– Именно так, мисс Дюран.

Мне нужно идти. Перезвоните в другое время.

Прежде чем она успела ответить, Ашер повесил телефон

обратно на стену и задумался. Да, сегодня было Четвертое июля, а значит статья Саванны о его службе в Афганистане и о том, как неприветливо его встретили дома, вышла в печать. Он планировал дождаться, когда она проснется, чтобы они могли прочесть ее вместе. Быть может, медиа зацепил тот факт, что статью написала молодая одинокая женщина? Он покачал головой, разливая по кружкам кофе, а потом, внезапно кое-что вспомнив, застыл.

*Как к вам предпочтительней
обращаться: Ашер или же...
Хэрроу?*

Его лицо запылало. Какая-то
незнакомая женщина
использовала интимное
прозвище, которым его иногда
называла Саванна. Может, она
тоже была поклонницей сериала
с Ричардом Хэрроу, а ему
позвонила из-за схожести их
увечий? Его сердце забилось
быстрее. Нет. Что-то не
сходилось.

Динь-динь.

Динь-динь.

Быстрым шагом Ашер пересек кухню.

– Алло? – в смятении ответил он сжато. У него возникло ощущение, словно что-то произошло без его ведома, и это ощущение ему не понравилось. Наверное, если подняться наверх и поговорить с Саванной, то можно попробовать выяснить, что все это значит.

– Ашер Ли, это Клифтон Уинтер, вице-президент Van Cleef & Arpels...

– Что? Кто?

– ...первоклассного

ювелирного салона на

Манхэттене. Мы всячески

поддерживаем вернувшихся с

войны ветеранов, и хотели

сообщить, что, если вы изучаете

рынок на предмет изысканного

обручального кольца для мисс

Кармайкл, то у нас имеется...

– Мистер Уинтер! Мне

кажется, вы ошиблись...

Его собеседник обратился к кому-то рядом.

– Черт, я же просил тебя

достать мне Ашера Ли, Дэнверс,
Виргиния!

На фоне зазвучал женский
голос.

– Это он и есть.

– Это мистер Ли?

– Да, но...

Связь оборвалась. Ашер
поднял голову и увидел Саванну –
ее палец зажимал кнопку на базе.
Молча она забрала у него
телефон, осторожно положила
его на стол, и на ее лице
появилось какое-то странное –
покорное и убитое – выражение,

когда трубка начала издавать короткие злые гудки.

– Саванна, – произнес он, пристально всматриваясь в ее глаза, – что за черт происходит?

***

– Сядь, пожалуйста, – попросила она, отходя в другой конец кухни, где стояли две кружки, куда он, должно быть, только что налил кофе.

Он сел за стол, а она, поставив перед ним кружку, заняла место напротив.

– Ашер...

– Почему мне звонят телешоу и ювелирные магазины?

Она закусила губу, не представляя, с чего начать.

– Я использовала псевдонимы. Клянусь богом, Ашер. Я не брала наши настоящие имена.

– Ты имеешь в виду, в статье? – Он непонимающе уставился на нее. – Но я не возражал против использования своего имени. Я же дал тебе согласие на интервью.

– Да. Я знаю. О твоих... о твоих

увечьях, об Афганистане и о возвращении домой.

Он кивнул.

– Верно. Так что...

– Но в итоге статья получилась совсем не об этом. – Его лицо не изменилось. Оно по-прежнему выражало только осторожное любопытство. Он еще доверял ей. Он еще ни о чем не догадывался. Она крепко зажмурилась, пытаясь придумать какое-то объяснение. И не смогла.

– А о чем тогда? – спросил он.

– Ашер... – начала она, глядя

на него со слезами в глазах.

– О чем получилась твоя статья, Саванна? – настойчиво повторил он.

– О нас.

Его глаза потемнели, а губы сжались в тонкую линию.

– О нас.

Саванна взяла его за руку, умоляя небеса сделать так, чтобы он смог понять, как произошла вся эта катастрофа.

– *О нас.* О том, как мы узнавали друг друга. Как начали все больше и больше времени

проводить вместе. Как стали друзьями, а потом полюбили друг друга и...

– Господи боже, Саванна. Ты написала *нашу* историю?

Когда она стесненно кивнула, он забрал у нее свою руку.

– Я не разрешал тебе этого делать.

– А я не разрешала *им* делать то, что они сделали. У моей статьи был другой заголовок.

Кассандра и Адам:

Всеамериканская история любви.
Я отдельно попросила их

использовать псевдонимы. И ни словом не упомянула Дэнверс. Клянусь, я сделала все, чтобы защитить твою прайвеси.

– О да, сейчас я ощущаю себя *очень* защищенным.

– Прости... Я...

– Дай мне ее прочитать.

Плечи Саванны с облегчением опустились. Да. Да, если он прочтет оригинальную версию, то поймет, что она, пусть и использовав их историю, защитила их анонимность и описала в самых прекрасных

словах то, как они узнавали друг друга, то, как они полюбили друг друга, и то, что его увечья, как только она узнала его ближе, перестали иметь для нее значение.

– Я принесу лэптоп и покажу тебе свой оригинал...

– Нет. Я хочу увидеть то, что сегодняшним утром прочел весь мир.

– Но... – Она сглотнула. – Они многое изменили.

Взглядом он бросил ей вызов.

– Но суть написанного тобой

сохранилась, ведь так?

– Пожалуйста, не читай ее, –
взмолилась она.

– Почему же?

– Потому что там не то, что я
написала. – *Страшилище. Монстр.*
Она смотрела на благородного,
удивительного мужчину,
который сидел перед нею, и ее
сердце обливалось кровью от
того, каким его изобразили в
статье. – Ее всю перекроили. Я
написала совсем другое. Я не
думаю так о тебе. Я не думаю так
о нас.

В его глазах загорелась тревога,
а потом ярость.

– Принеси свой лэптоп,
Саванна. *Сейчас же.*

Она вышла из кухни. И
увидела сидящую на лестничной
ступеньке мисс Поттс.

– Ох, не знаю, сможет ли он
простить тебя, – произнесла она
тихо Саванне вслед.

– Я тоже, – пробормотала
Саванна. *А еще я не знаю, смогу ли
простить себя.*

***

Ашер ощущал на себе ее взгляд все время, пока читал статью – гадкий, «желтый» материал, где все было извращено для большей сенсационности. Где он был изображен полупомешанным Квазимодо, а она – американской красавицей, которая сжалась над чудовищем.

Отрывок за отрывком читая об их отношениях, он каждый раз с трудом сглатывал шок. Их первое прикосновение, когда во время интервью он дотронулся до ее

руки. Их первый поцелуй. Его первое признание в любви. Роща. Поездка в горы. Столкновение с Лэнсом. Выходные в Мэриленде. Ее рассказ о Ричарде Хэрроу. Там было все. Но подано оно было так, словно она, полюбив его вопиющие недостатки, очеловечила зверя. Она была представлена образцом женской добродетели, которая каким-то образом умудрилась за увечьями разглядеть его сердце. И весь текст был пропитан тошнотворно-приторными

намеками. Ему снесло поллица и оторвало руку, но – ах! – до чего же сладким он оказался в постели.

В некоторых местах у него перехватывало дыхание, потому что они напоминали об идеальных моментах, проведенных с ней рядом, однако его лицо помрачнело, когда он понял, что лучшие моменты его жизни, выставленные на первой полосе, разнесутся по всем новостным каналам, подхваченные желающими разместить у себя

душещипательную историю в честь национального праздника.

«Красавица и чудовище» со «Звездно-полосатым» на фоне.

Кто бы ни написал эту строчку, он явно обладал талантом, печально подумал Ашер. Он дочитал статью до конца, до последнего абзаца, где Саванна выражала надежду на то, что, несмотря на агорафобию Ашера и его отпугивающую внешность, у них есть-таки будущее.

Смятение и злость, ударившие

его после, были настолько острыми, а боль от ее предательства – так велика, что он усомнился в том, сможет ли поговорить с ней, удержавшись от непростительных слов. С тихим щелчком он медленно закрыл крышку ноутбука.

– Я этого не писала, – тихо произнесла она, ломая руки.

– Забавно. – Он поднял голову.

– А здесь говорится обратное.

– Можно показать тебе оригинал?

Он покачал головой.

– Что-то меня больше не тянет читать.

– Ашер, мы пострадали оба. Клянусь, я такая же жертва, как и ты.

Взгляд Ашера взметнулся к ее глазам, и он покачал головой, чувствуя, как внутри медленно разгорается ярость. Его сердце стиснула боль, потому что она была так прекрасна, и он так сильно любил ее, несмотря на этот унижительный, выхолощенный, предательский текст. Он вычленил из потока

эмоций гнев и ухватился за него.

– Нет, детка. Неправда. У тебя был выбор. А у меня – нет.

Он впервые назвал ее деткой, не вложив в это слово ни капли любви, и она вздрогнула, в то время как он остался совершенно бесстрастен.

– Ашер, я ничего не могу поделать с тем фактом, что они опубликовали наши реальные имена, или с тем, что они, искромсав статью правками, сделали из нас карикатуры. Но пожалуйста, можно я объясню,

зачем я ее написала?

Он кивнул, отчаянно желая услышать от нее что угодно, что помогло бы ему понять. Чтобы он мог и дальше доверять ей, любить ее, сохранить ее в своей жизни.

– Мне был нужен этот сюжет, Ашер. После истории с Патриком Монро мне нужен был шанс. Мне нужно было доказать, что я не какая-то посредственная бездарность. Помнишь, как я пришла к тебе и сказала, что Макнаб хочет что-то сексуальное

И...

– Стоп! – Лицо Ашера
опалило жаром. – Пожалуйста,
будь осторожна с тем, что ты
скажешь дальше.

– Нет, все нормально. Они
захотели что-то более
сексуальное, и я...

– И ты спуталась с калекой... с
чудовищем, по ночам
нападающим на маленьких
девочек.

– Ашер, замолчи! – Она
вздрагнула как от пощечины. –
Нет! Господи, нет! Я ничего

подобного не писала, и все было не так! *Не смей* говорить о нас такими словами.

– Не смеет говорить правду? О да. Теперь я вижу, что от правды тебе не по себе.

На глазах у нее заблестели слезы, и она, не сводя с него глаз, закрыла рот. Ее грудь тяжело вздымалась. Она дышала так часто, что он слышал короткие всхлипы в глубине ее горла, но отчаянно старался их игнорировать.

Внутри него начала

разворачиваться боль, до странного похожая на то, что он пережил в первые месяцы в Сан-Антонио, когда решал, жить или умереть. И когда он оценил ситуацию и осознал, что их прекрасные отношения могли быть всего лишь частью ее плана, то на мгновение пожалел, что не выбрал смерть.

Сделав глубокий вдох, он попытался взять себя в руки. Быть может, все это время она писала о взрыве. Быть может, она изменила статью в последний

момент, когда ее отказались печатать.

– Ладно, – произнес он, удерживая голос ровным. – Ответь мне на один вопрос. Как давно ты знала?

– О чем?

– О том, что подача будет другой. О том, что в центре будем мы, а не взрыв и не мое неудачное возвращение в общество.

Судя по ее лицу, она знала, что он задаст ей этот вопрос. Он хотел знать, когда начались их отношения – до или после. И она

явно собиралась назвать второй вариант. Он закрыл глаза.

– Ашер, прошу тебя, –
прошептала она.

– Как давно? – сверкая глазами,
потребовал он ответа.

Ее голос надломился.

– С того вечера в роще.

– Вау, – выдохнул он,
отвернувшись. – С того вечера,
когда мы впервые поцеловались.
Когда мы впервые ласкали друг
друга. – Его дыхание стало
хриплым и затрудненным. –
Какое коварство. Так

правдоподобно исполнить роль искусительницы.

– Все было *совсем* не так. Это была не роль. Мэддокс знал, что ты нравишься мне, он захотел, чтобы статья была именно об этом, и я просто...

– ...спуталась с калекой. Ради сюжета. Чтобы спасти свою карьеру.

– Замолчи! Нет! – воскликнула она с неожиданной силой. – Мои чувства к тебе не были ложью. Я ни секунды не притворялась. Мне было неловко рассказывать нашу

историю, и я решила использовать псевдонимы, чтобы опубликовать ее без ущерба для нас. Но им, очевидно, захотелось, чтобы история была максимально реальной. Если б я знала... Ашер, я бы никогда не отправила статью, если бы знала, что они используют наши настоящие имена.

– Ты думаешь, для меня важно именно это? Раскрытие моего имени? Саванна, то, что случилось со мной в Афганистане, было ужасно,

однако оно не было каким-то неприкосновенным секретом. Ты – вот, что я считал неприкосновенным. И нас. И то, что у нас было. – Ероша волосы, Ашер проглотил выросший в горле ком. Он взглянул в лицо женщине, которую любил и на которой хотел жениться, и с ощущением тошноты в желудке понял, насколько сильно они, как оказалось, не совпадали. – Ты взяла самые значимые, самые чудесные моменты моей жизни и на потребу публике выплеснула

их на газетную полосу – вот, что меня тревожит. Ты взяла слова, которые мы говорили друг другу, наши чувства, наши самые личные, самые интимные моменты и использовала их. Ради всеобщего развлечения. Ради того, чтобы вернуть свою драгоценную карьеру. Неважно, нарочно или случайно, но ты использовала нас. Ты рассказала не просто какую-то милую анонимную историю. Ты рассказала *нашу* историю – без моего согласия. Ты раскрыла те

особенные детали, которые определяли, кем мы были друг другу. Момент, когда я сказал, что влюбляюсь в тебя был личным. По-настоящему личным. Таким не делится со всем светом. Я даже не знаю теперь, чем были для тебя наши отношения. Потому что для меня они были всем. Раем. Смыслом жизни. А ты... ты видела в них всего лишь тему для громкой статьи. – Тяжело дыша, Ашер замолк. Он устал, у него кружилась голова. Он хотел свернуться, как ребенок, в кровати

и заплакать. – Для тебя *хоть что-нибудь* из того, что у нас было, имело значение? Хоть какое-то?

Она потянулась к нему, но он убрал со стола руку и откинулся на спинку стула.

– Для меня *все* имело значение. Ашер, ты для меня важнее всего на свете.

– Нет. Не смей говорить так. – Он встал из-за стола и отвернулся, потому что смотреть на нее было выше его сил. – Это все ложь. Я совершенно точно не важнее твоей карьеры, ведь, пусть

тебе, как ты утверждаешь, было неловко, но ты знала, чем ты рискуешь. И все равно написала эту статью. Твоя карьера перевесила все.

– Нет, Ашер. Так было в начале, но сейчас это не так.

– Даже если я поверю, ты не думаешь, что совесть проснулась в тебе несколько поздновато?

– Не говори так. Пожалуйста, не говори, что уже слишком поздно. Я сказала Макнабу, что мне не нужна его проклятая работа. Я сказала, что никогда не

буду работать на него после того, что он совершил.

– Жаль. Ведь ты так упорно добивалась этого места.

Его тон был холодным, как лед, но ничего поделать с этим Ашер не мог. Он не знал, чему верить. Он хотел верить ей, но с его точки зрения все выглядело далеко не так, как она расписала. Она использовала его, не говоря уже о том, насколько обжигающе-гадкой получилась сама статья. Некоторые ее куски, впрочем, тронули его – или могли бы

тронуть, если б статья была не о нем. Однако ее героем был именно он, и то, как его изобразили, было хуже, чем унизительно.

– Ашер, – всхлипнула она, вставая. Потянулась к нему и, когда он от нее отшатнулся, опустила руки.

– Саванна, я понятия не имею, что правда, а что нет. Мы сблизились очень быстро, но я верил, что так вышло, потому что нас переполняли чувства, и мы просто последовали зову наших

сердец. Но теперь я вынужден спрашивать себя, что тобой двигало. Не была ли ты в первую очередь мотивирована статьей, о которой тебя попросили. Не были ли твои чувства сфабрикованы ради смачной истории. Прекрасные вещи, которые мы говорили друг другу, оказались вырваны из контекста и обесценены, выставлены напоказ, точно разгуливающая на панели шлюха.

С залитым слезами лицом она сделала шаг вперед и положила

ладони ему на грудь.

– Мне очень жаль, что все так случилось. Мне жаль, что я вообще взялась за эту статью. Мне жаль, что я доверяла им, а они нас предали.

Он выдохнул, его тело встряхнуло от прикосновения ее рук – и от неточности ее слов.

– Ты сама предала нас, Саванна. В момент, когда отправила им статью и выставила нас на всеобщее обозрение.

– Я не хотела.

– Не хотела да сделала, детка.

Увы.

– Ашер, пожалуйста, скажи, что ты все еще меня любишь.

Пожалуйста, скажи, что ты просто злишься, и что для нас еще ничего не поздно.

У него перехватило дыхание, и он застонал от боли, которую причинили ему эти слова. А потом, стиснув челюсти, убрал ее руки, пока они не сделали его слабым. Его голос дрожал от усилия выстроить между ними дистанцию, потому что она была магнитом для его стали, и ему

хотелось лишь одного: быть с нею, каким бы неправильным это ни было.

– Саванна, прямо сейчас все это меня убивает. У меня и так оставалось сил лишь на то, чтобы попрощаться. Я не могу разбираться с этим сейчас. Завтра мне уезжать в Мэриленд. Во вторник у меня операция. Я больше не могу, мне слишком тяжело.

– Пожалуйста, скажи, что ничего не кончено. – По ее лицу струились слезы. – Я совершила

ошибку. Огромную ошибку. Я так сильно тебя люблю.

– Думаю, себя ты любишь гораздо сильнее, – вырвалось у Ашера до того, как он успел остановить себя или взвесить свои слова. Но он был настолько зол, что ухватился за них и ощутил, как омывающая его тело капитуляция ложится бальзамом на его шок, гнев и грусть. Его голос стал горьким и тихим. – Ты получила свою историю. И вернулась в игру.

– Ашер...

– А теперь я попросил бы тебя уйти.

Он развернулся и пошел к выходу из кухни.

Сердце разрывалось от того, как мучительно она всхлипывала за его спиной.

– Боже мой, Ашер,
пожалуйста, не делай этого.

– Я ничего не сделал, – ответил он надтреснутым голосом.

Оглянувшись, и в лучах утреннего солнца, которые струились сквозь кухонное окно, она показалась ему настолько прекрасной, что

он, будучи не в силах этого вынести, быстро отвел глаза. – Кроме того, что дал маху, по-настоящему влюбившись в тебя, пока ты, – он пожал плечами, – давала оscarоносное представление, спасая свою карьеру.

Она ахнула и на миг задержала дыхание, словно ей было больно дышать, а он приказал всем клеткам своего тела не прикасаться к ней, и они подчинились, но ценой резкой боли из-за острого чувства

потери. Дойдя до двери, он остановился, услышав ее голос.

– Ашер, я знаю, ты сердишься, но это было не представление. Я не притворялась, ни на секунду, – охрипшим от слез голосом проговорила она ему в спину. – Я совершила ошибку. Я просто совершила ошибку.

Его глаза обожгли слезы, и он, переступив через порог, захлопнул за собой дверь.

Глава 17

**Когда ты впервые
понимаешь, что он твоя**

половинка

На следующей неделе Саванна сделала одно пугающее открытие.

Она поняла, что, когда у тебя разбито сердце, то тело тоже прекращает работать.

Ее глаза – опухшие, каждое утро наливающиеся слезами – тщетно искали то единственное лицо, которое могло облегчить ее боль. Ее уши, вспоминая тембр любимого голоса, оставались глухими к любым внешним звукам. Ее пальцы тянулись по

ночам в пустое пространство в попытке найти его теплое тело. И сколько бы она не наполняла воздухом легкие, ужасная тяжесть в груди не уходила, оставаясь постоянным напоминанием о ее утрате.

Пропать ее раскаяния с каждым днем становилась все глубже.

И в ее сердце, впервые разбитом, установилась пустота, словно нечто прекрасное, однажды поселившееся там, внезапно без предупреждения

выбыло, оставив после себя только след, неуловимый и острый, точно засевший глубоко осколок, который постоянно болел, напоминая ей:

Я потеряла его.

После их ссоры за ней приехала Скарлет и увезла домой. С тех пор Саванна множество раз писала и звонила Ашеру, но по домашнему номеру шли короткие гудки, а на звонки и на сообщения на сотовый он не отвечал. Во вторник, не желая отвлекать его перед операцией,

она прекратила попытки, но в среду не выдержала и позвонила ему еще раз, чтобы сказать, как сильно она его любит. У нее выработалась привычка без конца проверять телефон, и каждый раз дело заканчивалось слезами, потому что среди потока сообщений с просьбами об интервью и приглашениями на телевизионные шоу *от него* не было ничего. К субботе она решила: достаточно. И выбросила телефон в туалет.

Расправой над сотовым она

отключила себя от внешнего мира, но только почти. Когда раздавался звонок домашнего телефона, ее сердце по-прежнему вздрагивало в надежде, что это Ашер... чтобы после, когда выяснялось, что это не он, вновь начать кровоточить.

Два раза Саванна садилась в машину с намерением отправиться в Мэриленд и потребовать, чтобы он выслушал ее и дал еще один шанс объясниться. Но несмотря на свое отчаянное желание быть с ним,

на стремление окружить его любовью и заботой, пока он проходил через болезненные процедуры, оба раза она останавливалась, зная, что она – последний человек, которого он хотел бы видеть и рядом с которым ему было бы хорошо. Он ведь даже не верил, что их любовь была настоящей.

Иногда она злилась на него. Разве он не говорил, что любит ее? Разве не клялся, что принадлежит ей? Каким образом какая-то газетная статья смогла

заставить его полностью от нее отвернуться? Но когда она заново оценивала в голове ее содержание, ее тон, то понимала, почему он попросил ее уйти. Можно было хоть до посинения обвинять Макнаба, но если бы она не написала и не отправила этот текст, если бы она поставила Ашера выше своей карьеры, то ничего этого не случилось бы. Она сама была виновата в том, что их жизни теперь разделились.

Ашер не произнес слов «все

кончено», но когда он просил ее уйти, в его глазах стоял такой гнев, такая боль от предательства, что она почувствовала, словно ее выгоняют и из его жизни тоже. Без него она словно сорвалась с якоря и, неприкаянная, поплыла во тьму холодного океана – такого же бескрайнего, как ее чувство вины. Она знала, что совершила крупнейшую в жизни ошибку. Пытаясь свести счеты с Патриком Монро и «Сэнтинел», она поставила на карту любовь всей своей жизни. И проиграла.

Вчистую. И это было невыносимо.

По иронии судьбы карьера, ради которой она рискнула всем, перестала иметь для нее какое-либо значение. После публикации статьи она отказалась работать в «Финикс Таймс», а затем, пока телефон был жив, отвергла несколько предложений из других газет. Никогда в жизни она больше не хотела писать.

Ха. В жизни. Если ее жизнь можно было назвать жизнью.

Саванна смутно осознавала, что мир вокруг нее продолжает функционировать – Скарлет по утрам уходила на работу, мать пекла для местного кафе сладости, отец время от времени заглядывал к ней с напоминанием, что в море есть и другие рыбы, – но раскаяние отделило ее от всего человечества. Она потеряла интерес ко всему на свете, кроме одного-единственного занятия: описания каждой детали проведенного с Ашером времени,

над чем она трудилась как одержимая.

После ужина – если Саванна вообще спускалась поужинать – она опять забиралась в кровать, закрывала глаза и восстанавливала в памяти какой-нибудь из проведенных с ним дней, начиная с самого первого, когда она перехватила в зеркале его взгляд. Она вспоминала все прикосновения, все взгляды и все слова, которые были произнесены между ними, а потом кропотливо воссоздавала

их на бумаге, максимально точно описывая каждый эпизод, пока глаза не начинало жечь, а небеса за окнами не озарял рассвет. Только так ей удавалось поддерживать в себе жизнь – теперь, когда они были врозь.

Будущее без него погрузилось во тьму, и потому она отчаянно цеплялась за прошлое, отказываясь думать о том, что будет, когда она вспомнит все бесценные дни до последнего и отправится дрейфовать в мрачном вакууме долгой жизни

без Ашера Ли.

***

– Вэн, проснись.

– Уходи, Скарлет, –

пробормотала она в подушку.

– Уже четыре часа дня. И уже понедельник. Вставай. Сходим с тобой на прогулку.

– Нет. Не хочу.

– Вэн, твоя вечеринка «пожалейте меня бедную-насчастную» начинает немного надоедать. Я знаю, что тебе больно, но давай-ка надевай

штаны большой девочки и бери себя в руки. Бога ради, через шесть дней я выхожу замуж.

Эти слова вырвали Саванну из сна – чего, как она подозревала, и добивалась Скарлет.

– О, ну прости, что мешаю тебе со своим разбитым сердцем.

– Ты не мешаешь. Ты приросла к кровати. И поэтому мы отправляемся на прогулку. – Скарлет набросила ей на голову футболку и джинсы.

Саванна, качнувшись, села.

– Ты хуже дьявола.

– Я знаю, сестричка, что на самом деле ты так не думаешь.

– Черта с два. – Она натянула футболку поверх спортивного лифчика, который не снимала третий день подряд.

– Нет, не думаешь. И еще я знаю, как сильно ты скучаешь по Ашеру, – тихо прибавила Скарлет, и Саванна на миг застыла, глотая всхлип, который чуть не вырвался из ее горла при одном только упоминании его имени.

Скарлет протянула ей пару

кроссовок.

– Вот. Надевай. Я хочу поговорить с тобой.

Скарлет спустилась по лестнице, а Саванна, встретив обеспокоенный взгляд матери, остановилась на последней ступеньке.

– Идешь прогуляться, пуговка?

– Скарлет заставила.

– Ей будет полезно выйти на улицу, мама.

Кивнув младшей дочери, Джуди снова перевела взгляд на Саванну.

– Милая, прошло уже больше недели. Не пора ли...

– Не пора ли *что*? Забыть его? Зажить себе дальше? – Ее голос был полон мучительной ярости. – Мама, я люблю его. Он для меня – все. Я не собираюсь забывать его и жить дальше, словно ничего не было.

– Ничего подобного я говорить не собиралась, но раз уж ты подняла эту тему, то больше похоже, что ты сдалась. – Мать ласково приложила ладонь к ее горячей щеке. – Не пора ли

перестать жалеть себя и начать придумывать способ, как вернуть его? Вот, о чем я хотела тебя спросить.

Саванна втянула в себя воздух. *Вернуть его.* Ее мать произнесла эти соблазнительные, вселяющие надежду слова так, словно их было возможно воплотить в жизнь. Словно Саванна не предала его, не унизила, не солгала ему. Словно она не обесценила их отношения ради спасения своей разваливающейся карьеры. Вернуть его? Сначала он

должен ее простить, что было крайне маловероятно.

Слеза, скатившись по щеке, капнула на ладонь ее матери.

– Ступай со Скарлет, пуговка. И послушай, что она тебе скажет.

Джуди вернулась на кухню, и от аромата чего-то сладкого и лимонного, донесшегося оттуда, у Саванны впервые за неделю увлажнилось во рту.

Скарлет взяла ее за руку, вывела за дверь, потом на крыльцо, за калитку и повела за собой вниз по тротуару.

Вернуть его. Сердце

подпрыгивало у нее в груди, пока она повторяла про себя эти обнадеживающие слова. Но как? Как ей исправить то, что она разрушила? Как убедить Ашера, что, несмотря на все свои ошибки, она любит его больше, чем свою карьеру? Она вспомнила, с каким суровым гневом в глазах он приказал ее уйти, и поникла.

– Я сделала одну вещь, – вдруг выпалила Скарлет, когда они дошли до конца квартала.

– Да? Какую же?

– Я нашла в туалете твой сотовый, ну и... я читала, что, если подержать намокший телефон в емкости с рисом, то он сам собой починится.

– И что, получилось?

– Да.

С участившимся сердцебиением Саванна остановилась, и все мысли в ее голове оказались вытеснены одним-единственным вопросом.

– Ашер...

– Нет. Нет, милая, – сказала Скарлет, сочувственно качая

головой. – Нет. Прости, что заронила в тебя надежду. От него вестей не было. – Она помолчала немного, затем продолжила более оживленным тоном: – Но с тобой хочет пообщаться множество других людей.

– Я не хочу ни с кем разговаривать, Скарлет! Именно так я и вляпалась в эту ситуацию! На свете есть только один человек, с которым я хочу говорить!

– Ну, а он, очевидно, такого желания не испытывает, нет?

– Иди к черту!

Скарлет поймала сестру за руку и промаршировала вместе с ней до детской площадки рядом с начальной школой.

– Саванна Калхун Кармайкл, не смей разговаривать со мной в таком тоне. Твое разбитое сердце тебя не извиняет. – Она плюхнулась на качели и подняла на старшую сестру лицо, взглядом обрывая все ее возражения. – Садись. Качайся. И слушай.

Застигнутая врасплох этим

требованием, Саванна
подчинилась и, сев на качели,
осторожно оттолкнулась от
земли ногой.

– Ты уже приготовила подарок
на мою свадьбу? – спросила
Скарлет.

Саванна съежилась. Нет, не
приготовила. Она была так
отвратительно эгоистична, так
поглощена чувством вины, своей
печалью и сожалениями, что ей
даже не пришло в голову
позаботиться о подарке.

– Прости, Скарлет. Я сейчас не

в себе.

– Все ясно. Значит, нет, – строго сказала Скарлет. – Знаешь, положив руку на сердце, ты *худшая* подружка невесты из всех, с кем я сталкивалась и о которых слышала и читала за всю свою жизнь. Я знаю, что моя свадьба не в топе твоих интересов, но ты моя сестра, и пусть я понимаю, как ты тоскуешь по Ашеру, однако в это положение ты загнала себя сама, но до сих пор и пальцем не пошевелила, чтобы все исправить или вернуть его. – Она сердито

фыркнула в конце этой тирады. –
Послушай. Сделай для меня кое-
что – и можешь забыть о подарке.
Только выполни то, о чем я тебя
попрошу.

– О чем ты?

– Сначала пообещай, что
со согласишься.

– Ладно. Как хочешь.

– Я хочу, чтобы ты позвонила
Тодду Северингтону, редактору
издательства «Истинная любовь».
Он ждет твоего звонка, и я хочу,
чтобы ты выслушала, что он тебе
скажет. Это и будет твоим

подарком на мою свадьбу.

– Звонок редактору женских романов? – Она с трудом удержала голос спокойным. – Ты спятила?

– Если дело касается букетов и бутоньерок, то, по мнению Трента, – возможно. Но в остальном я вполне вменяема.

– Нет, Кэти, Скарлет Кармайкл, ты точно выжила из ума, если думаешь, будто я стану звонить этому твоему редактору.

– Господи, как же ты меня утомила! – Скарлет ухватила за

цепь качелей, на которых сидела Саванна, и рывком остановила ее. – Ты в депрессии. Ты почти ничего не ешь. Ты перестала следить за собой. Ты ничего не делаешь, только всю ночь своим щелканьем по клавиатуре мешаешь нам с мамой и папой спать. Ты превратила свою жизнь в кавардак, а я пытаюсь помочь тебе, упрямая ты голова. Я предупреждала, одной задницей на двух стульях не удержишь, но разве ты послушала меня? Нет. Так что слушай меня теперь. Ты

поговоришь с Тоддом

Северингтоном и *выслушаешь* все, что он тебе скажет. Поняла меня?

Лицо Скарлет стало пунцового цвета, и Саванна испугалась, что, если не согласиться, то она, чего доброго, может взорваться.

– Ну хорошо, хорошо. Я его выслушаю.

Сразу заулыбавшись, Скарлет выудила из заднего кармана своих капри в цветочек ее сотовый.

– И ты сделаешь это здесь и сейчас. – Потыкав по кнопкам, она протянула ей телефон.

Саванна посмотрела на экран и побледнела, поняв, что сестра набрала телефонный номер.

– Алло? Алло? – слышался из трубки мужской голос.

Пока Саванна безмолвно качала головой, Скарлет прижала телефон к ее уху и одними губами потребовала:

– Поздоровайся.

– Здравствуйте, – сказала Саванна.

– Мисс Кармайкл? Саванна Кармайкл?

– Да.

– Замечательно. Скарлет сказала, что сегодня днем вы позвоните.

– Моя сестра умеет быть убедительной, – натянуто произнесла она, сужая глаза на Скарлет.

– Согласен. И еще она совершенно очаровательна.

Саванна покосилась на сестру.

– Так думают далеко не все.

– Она говорит, что каждую ночь вы пишите. И что получается очень хорошо.

Прикрыв телефон, Саванна

прошептала:

– Ты что, читаешь то, что я пишу?

Несколько виновато пожав плечами, Скарлет уставилась на песок у их ног, словно там происходило нечто очень захватывающее.

Саванна сглотнула.

– Сэр, буду с вами откровенной. Ничего из того, что вы хотите сказать, меня не интересует. Но я обещала Скарлет выслушать вас, поэтому давайте выкладывайте, что у вас

есть, я откажусь, мы
попрощаемся и прекратим
тратить ваше и мое время.

– Ясно. Что ж, мисс Кармайл,
я ценю вашу прямооту и поэтому
перейду сразу к делу. Как и весь
издательский мир, мы хотели бы
получить права на вашу историю.
Настоящую историю о том, как вы
влюбились в Ашера Ли.

– Мне жаль, сэр, – глухо
вымолвила она, и к ее печали, к
ее усталости примешалось
чрезвычайное раздражение на
сестру. – Но моя история не

продается. Спасибо за предложение, но...

– Что ж, здóрово, потому что покупать ее я не хочу.

Она подумала, что ослышалась.

– Ч-что?

– Я не хочу покупать вашу историю, – отчетливо повторил он. – Я хочу выставить ее на аукцион. На благотворительный аукцион фонда «Операция „Восстановление“». Слышали о таком? Это мой любимый фонд, поскольку мой брат,

подорвавшись на mine в Ираке, получил ожоги двадцати двух процентов тела. «Операция „Восстановление“» помогает ветеранам вернуть былую внешность. В День труда они устраивают крупную благотворительную акцию в Вашингтоне, и, если у вас будет желание написать свою историю, мы могли бы выставить первую копию на аукцион, а оставшийся тираж продать и все сто процентов прибыли за вычетом расходов на печать перечислить в

фонд. Вы с мистером Ли сейчас очень популярны, и я подумал, вдруг вы...

С залитым слезами лицом Саванна молча кивала. Кое-как найдя в себе силы взглянуть на Скарлет, она увидела, что сестра, перестав качаться, улыбается – тоже сквозь слезы.

– Мисс Кармайл, ну как, будет вам интересно обсудить мое предложение?

Зажав телефон между плечом и ухом, Саванна вытерла тыльной стороной ладони глаза, а второй

взяла за руку свою умную,
сострадательную, потрясающую
младшую сестру.

– Да, мистер Северингтон, –
ответила она дрожащим
шепотом, и в ее сердце впервые за
все время проникла робкая
надежда. – Безусловно.

***

Окинув взглядом дом Ашера,
Саванна опустила глаза на
рукопись, лежащую на
пассажирском сиденье. И сделала
глубокий вдох, в сотый раз

спрашивая себя, не было ли все это грандиозной ошибкой.

После разговора с Тоддом Северингтоном миновал месяц. И весь этот месяц – за исключением дня, когда Скарлет выходила замуж – она ежедневно занималась тем, что описывала, как они с Ашером полюбили друг друга. Она показала рукопись только матери, Скарлет и Тодду, и все единодушно признали, что у нее получилась прекрасная история о том, как двое сломленных людей встретились и

обрели любовь. Именно такую историю Саванна хотела увидеть на страницах «Финикс Таймс» – правдивую, пронизанную красотой.

Новелла уже прошла редактуру и через три недели должна была быть выставлена на аукцион. Но сначала было необходимо заручиться разрешением Ашера.

Проглотив ком в горле, она открыла дверцу машины, забрала с сиденья рукопись и под мышкой понесла ее ко входной

двери. Мисс Поттс ответила после второго звонка.

Когда дверь открылась, на Саванну нахлынули воспоминания о времени, проведенном с Ашером, и она сделала судорожный вдох. День, когда они познакомились... его глаза в отражении зеркала... то, как он смотрел на нее, стоя в ярких лучах солнца на верхней ступеньке лестницы... как уводил наверх в свою спальню. Коротко всхлипнув, Саванна заставила себя сосредоточиться на причине,

по которой пришла сюда. Лицо мисс Поттс не выражало привычного гостеприимства. Однако дверь перед ее носом она не захлопнула.

– Ну здравствуй, Саванна Кармайл.

– Здравствуйте, мисс Поттс. Я рада вас видеть.

– Хм. – Она взглянула на рукопись, потом опять на Саванну. – Ты же знаешь, что Ашера здесь нет.

– Знаю. – Она сделала глубокий вдох. – Как он?

– Потихоньку.

С языка Саванны рвались вопросы, но она понимала, что, защищая Ашера, мисс Поттс не проронит ни слова.

После того, как сестра вернула ей телефон, Саванна стала каждый день в четыре часа отправлять Ашеру сообщение с одним и тем же текстом: «Я совершила ошибку. Прости меня. Мне тебя не хватает. Я люблю тебя больше всего на свете и надеюсь, что когда-нибудь ты дашь нам второй шанс».

Ответа ей еще не пришло, но, работая над рукописью, она заново пережила всю нежность и глубину их отношений. И в памяти у нее то и дело всплывали слова, сказанные им после их совместных выходных в Мэриленде. Когда они обсуждали ее предстоящий переезд в Финикс, Ашер сказал: «Такая любовь не заканчивается, а живет вечно. Неважно, что ты уедешь в Финикс, а я на какое-то время останусь здесь. Мы снова найдем друг друга».

Саванна знала: на то, чтобы обида и гнев прошли, требовалось немало времени, особенно если человек проходил через травматические медицинские процедуры. И тем не менее она не теряла веры в то, что их любовь действительно будет жить вечно и что они снова найдут друг друга.

– Он совсем не приезжает домой?

Губы мисс Поттс сжались в тонкую линию.

– Так чем я могу помочь тебе,

дорогая?

– Меня попросили написать книгу.

Мисс Поттс бросила взгляд на рукопись и безглаголиво скривила лицо.

– Думаю, дорогая, лучше всего нам с тобой попрощаться.

Дверь начала закрываться, но Саванна успела вставить в щель кроссовок и остановить ее.

– Прошу вас!

Под убийственным взглядом мисс Поттс она заговорила тихим, дрожащим от нервного

напряжения голосом:

– Это наша с Ашером история. Такая, какой она должна была быть рассказана. Какой я хотела, чтобы ее рассказали. Какой я ее вижу. Она прекрасная, она нежная, в ней – все хорошее о нем и о нас. Обещаю вам, на сей раз я все сделала правильно.

Лицо мисс Поттс смягчилось... чуть-чуть.

– Что ж, молодец. Но делать деньги на истории бедного парня...

– Нет, что вы! – воскликнула

Саванна. – Клянусь, я не заработала на ней ни цента. Я порвала чек от «Финикс Таймс» и сказала, что не стану работать на них, даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

– А это, в таком случае, что? – Трепеща ноздрями от отвращения, Мисс Поттс указала на рукопись таким жестом, словно то была какая-то гадость.

– Это ради благого дела.

– Которое послужит твоей карьере?

– Н-нет. Я написала это для

аукциона... в пользу фонда
«Операция „Восстановление”».

С нескрываемым удивлением
мисс Поттс опять покосилась на
красный переплет – но уже так,
словно рукопись, быть может, и
не источала зловоние до небес.

– «Операция
„Восстановление”»?

– Да, мэм. Да, это история о
нас с Ашером, но вся выручка
будет перечислена в фонд.

– Хм. – Ее взгляд стал изрядно
теплее. – Ну, а от меня-то что тебе
нужно?

– Я надеялась, что вы дадите мне его адрес. Мне нужно получить его разрешение...

– Это совершенно исключено.

– Опустив взгляд, она несколько раз моргнула. И, когда заговорила вновь, ее голос был резким: – Ты не представляешь, как сильно ранила этого мальчика.

– Представляю, – прошептала Саванна. По ее щеке скатилась слеза. – Честное слово. Если сложить все раскаяние в мире, оно и тогда не сравнится с моим.

Когда мисс Поттс вновь

подняла лицо, ее глаза блеснули.

– Я не могу дать тебе его адрес, Саванна.

– Но вы можете переслать ему рукопись? Я заплачу за срочную доставку. Вы попросите его прочитать то, что я написала?

– Сначала ее должна прочесть я.

Приоткрыв от изумления и благодарности рот, Саванна с энтузиазмом закивала.

– Конечно! Конечно, прочтите! Пожалуйста.

– И потом я решу, отправлять

ее или нет. И платить мне не нужно.

Из ее глаз заструились свежие слезы, когда она протянула рукопись своей бывшей учительнице.

– Та статья вышла кошмарной, Саванна. Ее править и править.

– Да, мэм, но я этого не писала. Я знаю, Ашер не верит мне, но клянусь, я отправила им совсем не то, что они напечатали. Вот, – она показала на рукопись, – наша подлинная история.

– Посмотрим. Что ж, до

свидания?

Мисс Поттс начала было закрывать дверь, и внезапно Саванна испытала жгучую потребность сказать что-то еще, сообщить самому близкому Ашеру человеку, что ее чувства к нему остались неизменными.

– Мисс Поттс?

Та высунула голову наружу, и Саванна торопливо заговорила:

– Я люблю его. Очень сильно. Больше всего на свете. Я умираю без него.

Мисс Поттс задержала на ней

взгляд. А потом, неодобрительно качая головой, громко вздохнула.

– Несмотря на все, – сказала она, – он тоже все еще любит тебя. Хотел бы разлюбить, да не может. – Она пожала плечами, пока Саванну сотрясали безмолвные всхлипы. – Многие всю жизнь ищут то, что у вас есть. От этого не отмахнешься так просто – как бы вы не обижали друг друга.

– Спасибо вам, – с трудом вымолвила Саванна, потрясенная великодушием мисс Поттс, и

прикрыла глаза, впитывая ее волшебные слова. – Большое спасибо.

– Тебе стоит знать кое-что еще, дорогая. – Прижав рукопись к боку, мисс Поттс покопалась в кармане и достала оттуда сотовый Ашера. – Он понимал, что в Мэриленде ему будет необходимо сосредоточиться на операциях, и потому оставил телефон мне. И, говоря по правде, правильно сделал. Сколько на него приходило ужасных звонков... Он бы такого не вынес.

В общем, ты, наверное, не заслужила знать правду, но если я промолчу, то каждый день в четыре часа буду чувствовать себя виноватой. Он не игнорировал твои сообщения, Саванна. Он просто не получал их.

И мисс Поттс, пообещав быть на связи, закрыла дверь.

Он все еще любит ее.

Несмотря на все.

Сделав полной грудью глубокий вдох, Саванна впервые за последние недели не ощутила боли. А ее осиротевшее без него

сердце вспомнило – без
болезненного укола утраты, – что
сердце Ашера – ее половинка.

Глава 18

– Черт!

Младший сержант Фред Нот,
сидя напротив Ашера,
безуспешно пытался снять с
колоды карт верхнюю.

– Попробуй еще раз, – сказал
Ашер, собирая своей новой рукой
стопку карт и с небольшой
помощью левой руки раскрывая
их веером.

– Вам легко говорить.

– Эй, мне тоже пришлось
всему учиться. У меня осталось на
тебя всего пять недель, солдат.
Пять недель – и ты станешь
таким же ловким, как я. – Ашер
сложил колоду. – Давай.
Попробуй еще раз.

Фред наклонился вперед. Его
покрытое сильными ожогами
лицо превратилось в маску
сосредоточенности, пока он
пытался указательным пальцем
своей бионической руки сдвинуть
и поднять верхнюю карту.

Наконец у него получилось, и он просиял.

– Смотрите!

Ашер усмехнулся.

– Ну вот. Я же говорил.

Глядя на карту, Фред помрачнел.

– Знаете, я так привык воспринимать все как должное. – Он коротко моргнул. – Самые глупые, самые ничтожные вещи, которые мог делать раньше. Я не был за них благодарен.

– Мы *все* воспринимаем свои руки-ноги как должное. Так и

должно быть. Не нужно заикливаться на этом, Фредди. Лучше давай потренируемся с зубочистками. – Он подвинул через стол коробочку с зубочистками, и к Фредди, когда он попытался достать одну, вернулась сосредоточенность.

За прошедшие пять недель Ашер не только научился пользоваться бионической рукой, которую он носил теперь почти постоянно, снимая только на время сна, но и сделал операции на лице. Под кожу ему – в том

месте, где раньше находилось правое ухо – поставили магнит, а поверх установили протез. Когда Ашер впервые увидел в зеркале свое новое ухо, то не поверил своим глазам – настолько естественно оно выглядело. Едва оправившись от шока, он пошел в ближайшую парикмахерскую и сделал опрятную стрижку, какую носил в старших классах.

С его лица удалили поврежденную ткань и трансплантировали на место ожогов здоровую кожу, а также

приподняли опущенное веко, исправив очертания глаза. Еще с помощью небольшого кусочка кожи, срезанного с правой стороны лба, Ашеру восстановили ноздрю. Осталось только вставить силиконовые импланты в области челюсти и скулы, но эти операции были запланированы на сентябрь. Постепенно Ашер начал чувствовать себя ощутимо иначе. С каждым днем он все больше узнавал себя прежнего, словно его внешность из расплывчатой

становилась все четче.

Но пока облик Ашера удивительным образом изменялся к лучшему, ничто в мире не могло помочь ему склеить осколки своего разбитого сердца.

Когда Ашер потерял родителей, он с помощью первоклассного терапевта научился разделять свое горе на части, чтобы оно не заполонило его жизнь целиком. Он разрешал себе вспоминать мать и отца, перебирать фотографии с ними

или воссоздавать в памяти любимые моменты прошлого всего один раз в день, но когда отведенный на воспоминания час заканчивался, заставлял себя переключиться на другие вещи – звонил друзьям или придумывал себе какое-нибудь занятие.

Той же стратегии он придерживался и сейчас. В моменты уединения он позволял себе вспоминать Саванну, но смесь эмоций из злости, обиды, любви, тоски и ноющей печали, которую он при этом испытывал,

была настолько свирепой, что даже пятнадцать минут мыслей о ней оставляли его физически истощенным. Он часто молился о том, чтобы боль утихла. Чтобы прошло чувство одиночества и пустоты. Чтобы небеса подсказали ему способ жить без нее или вернуть ее, потому что существовать в этой черной неопределенности было невыносимо.

После приезда в Мэриленд Ашер перечитал статью еще дважды. После второго раза боль

хлынула через край, и он
безмолвно расплакался.
Чудовище? Монстр? Он для того и
скрывался от мира – чтобы
избежать подобных
уничтожающих прозвищ. А
получить их в лицо от Саванны –
женщины, которую он любил
больше всего на свете... Его
словно разорвало в клочья.
Нарушив свои собственные
правила, он впустил ее в свою
жизнь, и каким оказался
результат? Унижение,
неловкость, предательство и

вдребезги разбитое сердце. Удар с разворота под дых не мог причинить ему больше боли, чем мрачные воспоминания о том ужасном утре на кухне.

Вспоминая то утро со всеми его душераздирающими подробностями, он разрывался, не зная, кем считать ее: бездушной, амбициозной обманщицей, заслуживающей награды за актерское мастерство, или молодой женщиной, подло преданной нечистоплотным редактором, пока она была

ослеплена шансом возродить карьеру, выстроить которую стоило ей немалого времени и труда.

Выйди статья с псевдонимами, он все равно рассердился бы на Саванну, однако в таком случае ему было бы проще поверить в то, что она просто пыталась сделать яичницу, не разбив яиц: создать историю, на которую подписалась, и одновременно защитить их анонимность. Ему не понравилось бы, что она воспользовалась их романом, не

спросив его разрешения, но без острого чувства унижения ему было бы проще простить ее за то, что она совершила ошибку, позволив амбициям затмить здравый смысл.

Он скучал по ней – больше, чем по чему бы то ни было. Он хотел найти доказательство тому, что их отношения были настоящими, что да, она совершила серьезную ошибку, но не намеревалась унижать или предавать его. Он не знал, как со всем этим разобраться.

Ему снилось ее лицо. То, как она рыдала на кухне. Как умоляла сказать, что еще не поздно. После этих снов он просыпался в холодном поту, как в первые месяцы после возвращения домой, потому что – о боже – он хотел верить ей. Никогда еще он не испытывал такую любовь, которая была у него к Саванне – и у нее, хотелось верить, к нему. Познав, что такое жизнь с Саванной, которая любила его, жизнь без нее была едва переносима.

Как и многие ампутанты,
Ашер сталкивался с фантомными
ощущениями. Ему часто
казалось, будто ниже локтя у него
по-прежнему есть рука, и когда
по инерции он пытался ею что-
либо сделать, то в очередной раз
вспоминал, что оставил ее на
операционном столе в Кадагаре.

Незримое присутствие
Саванны преследовало его, как
фантомная боль. Как она лежала в
постели с ним рядом. Как она
жила в его сердце. Как улыбалась
ему, как стремилась к нему своим

телом, как признавалась, что влюбилась в него. Как ее взгляд наполнялся любовью, когда она на него смотрела. Он старался, но не мог убедить себя в том, что это было притворством. Несмотря на все шокирующие доказательства, его сердце сопротивлялось голосу разума. Ему не хватало ее точно так же, как не хватало руки – словно нечто, принадлежавшее ему, в один кошмарный, жестокий момент оказалось от него оторвано.

Несмотря на все, Ашер по-

прежнему страстно любил ее – и ненавидел себя за это, потому что теперь, когда он понял, чем на самом деле являлись их отношения, любить Саванну было небезопасно и глупо. Как бы сильно ему не хотелось простить ее, он, увы, больше не доверял ей.

***

– Ашер, все заживает просто отлично, – сказал полковник Маккаффри, осматривая его лицо. – Мне нравится, как быстро спадает отек. Думаю, к следующему этапу

можно будет перейти на несколько дней раньше. Завтра я проверю расписание операционной. Поглядим, получится ли найти для тебя окно.

Ашер кивнул.

– Я слышал, ты помогаешь некоторым нашим пациентам, которым недавно ампутировали конечность и которые учатся с этим жить.

– Я знаю, каково им, сэр. Вернуться в никуда. И вот так выглядеть.

– Судя по тому, что мне рассказывали, ты нашел к этим ребятам верный подход. Не думал заняться этим более плотно?

– В каком смысле, сэр?

– Поработать за деньги или стать волонтером. Рассказывать свою историю, предлагать поддержку. А если подтянешь медицинскую базу, то, возможно, сможешь даже получить диплом, который не успел получить в университете Хопкинса.

Ашер вынужден был признать, что ему нравилось

работать с новыми пациентами
клиники. Он был в уникальном
положении, поскольку мог
понять этих молодых,
отчаявшихся парней.

– Я подумаю, сэр.

– Прости, если выхожу за
рамки, Ашер, но ты кажешься
немного подавленным. Когда мы
встречались в июне, ты упоминал
одну юную леди.

Ашер отвернулся.

– Все сложно, сэр.

– И ты из-за этого
переживаешь. – Врач сделал

глубокий вдох. – Я читал ту статью, Ашер.

Ашер неловко поморщился, чувствуя, как щекам становится жарко.

– Я тебя понимаю. Там есть на что злиться.

По-прежнему глядя в сторону, Ашер кивнул.

– Писатель из нее так себе, но вот сама история... Не знаю. У меня сложилось впечатление, что вы, ребята, крепко влюблены друг в друга.

Ашер проглотил выросший в

горле ком и наконец-таки поднял глаза на врача.

– Я люблю ее. Бóльшую часть времени мне хочется убить ее, но я люблю ее. Я просто не знаю, что с нею делать.

– Ох уж эти женщины... Не дают нам покоя. Но вот убивать их лучше не надо. Ты пробовал поговорить с ней? Теперь, когда шумиха утихла.

– Я старался сконцентрироваться на своем пребывании здесь.

Маккаффри кивнул.

– Понимаю. Как и то, почему ты больше не хочешь ее видеть. Она назвала тебя страшилищем.

– Она этого не писала, сэр.

– Ах вот как?

Ашер моргнул, осознав, что, не раздумывая, кинулся на ее защиту.

– Ну, по крайней мере, так она утверждает.

– Хм. Полагаю, тебе есть над чем поразмыслить, Ашер.

– Думаю, да, сэр.

– Можно сказать тебе одну вещь?

Ашер кивнул.

– Ты столько лет приезжал сюда на осмотры, и никогда нам не удавалось уговорить тебя попробовать новый протез или пройти через повторные операции. И вот внезапно ты возвращаешься. Хочешь новую руку, хочешь поработать над своим лицом. Что до статьи... Да, это история любви пополам с унижением. Но пойми, та девушка изменила тебя – и к лучшему. Благодаря ей ты снова почувствовал вкус к жизни. Мы не

всем подряд разрешаем изменить себя, а только особенным людям. И если ради нее стоило измениться, то, возможно, она стоит и того, чтобы поговорить с ней.

– Спасибо, сэр.

Маккаффри встал, Ашер последовал его примеру и, протянув правую руку, испытал прилив гордости, когда смог твердо ответить на рукопожатие своего врача.

– О, Ашер, и еще... – проговорил Маккаффри, когда

Ашер повернулся, чтобы уйти.

– Да, сэр?

– Я искал ее фотографии в интернете. Симпатичная она штучка. Если для тебя она не годится, то, думаю мне, надолго в одиночестве она не останется, а? – С этими словами он усмехнулся и, усевшись обратно за стол, немедленно переключил внимание на разложенные перед ним бумаги.

Закрыв за собой дверь, Ашер остановился посреди маленькой приемной, и его здоровая рука

сжалась в кулак. Стоило ему представить Саванну с кем-то другим – *не с ним*, – как он пришел в такое отчаяние, в такую ярость, что захотел что-нибудь расколошматить. Он по-прежнему не понимал, что делать, но невыносимо тосковал без нее, и пусть разговаривать с ней он был еще не готов, однако меньше всего ему хотелось узнать, что она начала забывать его.

***

– Ашер! – Трент Гамильтон был удивлен, однако явно обрадовался его неожиданному звонку. – Как вы? Мы с отцом пьем теперь только тот бурбон, которым вы угощали меня у себя дома.

– Рад, что смог приобщить тебя к классике. – Было до странного приятно слышать в голосе Трента тягучий домашний акцент. – Полагаю, тебя можно поздравить?

– Да, сэр. Я теперь женатый человек.

– Мои поздравления, Трент.
Как Скарлет?

– Прекрасно. Мы неделю
пробыли на Мауи и отлично
провели время.

– Рад за вас.

Ашер замолчал. Почувствовал,
как по виску скатилась капелька
пота.

– Хм, Ашер... не хотите узнать
о Саванне?

Еще одна долгая пауза. А
потом он услышал свой хриплый
голос:

– Как она?

– Ну, сэр, какое-то время после вашего отъезда ей было не очень-то хорошо. Она не вставала с кровати. Не ела. Спала не по часам. Похудела и всегда ходила с опухшим лицом. Скарлет кое-как уговорила ее выйти на прогулку на свежий воздух.

Сердце Ашера дернулось при мысли о том, как она несчастна.

– Ты сказал «какое-то время». А сейчас?

– Сейчас ей намного лучше. Как только она начала писать книгу...

– Саванна пишет книгу?

– Угу. Ее неделями доставали всякие журналисты и издатели, и в конце концов с одним из них она договорилась.

Его нутро точно кислотой обожгло яростью. Она попереживала всего неделю, а потом – очевидно, уже жалея о своем поспешном решении отказаться от должности в «Финикс Таймс» – заключила контракт на книгу. Проклятье. Она оказалась именно такой бездушной, как он боялся.

– Что ж. Надеюсь, она получила приличный аванс. Мне пора идти, Трент.

– О, ну... Хорошо. Было приятно слышать вас, Ашер.

– Всего доброго.

Повесив трубку, Ашер достал из шкафчика бокал и наполовину наполнил его тем самым бурбоном, который так полюбился Тренту. Потом, дрожа от гнева, прошелся по кухне. Она скорбела о нем и о гибели их отношений всего лишь одну жалкую неделю, но как только

получила предложение написать о них книгу, ей резко стало намного лучше. Он опрокинул в себя содержимое бокала и уже был готов запустить им в стену, как вдруг раздался дверной звонок. Поставив бокал на стойку, он вышел в коридор и открыл дверь.

Курьер за порогом протянул ему большой бумажный конверт.

– FedEx. Распишитесь, пожалуйста.

Поставив на квитанции подпись, Ашер занес посылку в

квартиру. Положил ее на стойку и налил себе еще выпить. Пока его сердце растекалось кровью по всему Мэриленду, она начала писать о нем книгу. Ей оказалось мало распотрошить его в газетной статье. Она захотела повторить это еще и в книжном формате.

Довольно. На сей раз он точно подаст на нее в суд. Он оставит ее без штанов за клевету, за злословие и за все, что только сможет придумать. Не обращая внимания на жжение под веками,

он высосал остаток бурбона.

– К черту все! – взревел он и со всхлипом швырнул-таки бокал в стену так, что осколки разлетелись по всему полу. Нет. Он *не станет* из-за нее плакать – как бы ему ни было больно.

Стремясь чем-то отвлечься – хотя бы еженедельной почтой от мисс Поттс, – Ашер забрал со стойки конверт и, надорвав его, сел в гостиной. Перевернул его, встряхнул, и в руки ему выскользнула рукопись в красном переплете. С запиской на желтом

стикере, где было написано всего несколько слов: «Дорогой Ашер. Прочти. Я бы не просила, не будь это важно. Мисс Поттс.»

Он уставился на неподписанную рукопись, гадая, что же внутри.

И, когда открыл ее, оказался совершенно не готов к шоку.

*Саванна Калхун Кармайкл.
Однажды.*

Пальцами здоровой рукой он пробежался по строчкам. Касалась ли их Саванна? Каким-

то образом он понял, что да.
Касалась. Взглянул на ее имя, и
его веки, которые и так горели,
обожгло слезами.

– Однажды, – выдохнул он.

Закрыв рукопись, он
перечитал записку мисс Поттс,
потом снова открыл ее и
несколько секунд смотрел на
заголовок, думая о том, хватит ли
ему духу это прочесть. Мисс
Поттс, которая любила его как
внука, утверждала, что это важно.
Он сделал глубокий вдох и
перевернул страницу.

Однажды солнечным майским днем я подошла к дому Ашера Ли. На мне был одолженный у сестры сарафан, а в руках я, как принято у нас на Юге, держала тарелку с угощением – свежеиспеченными брауни. Если честно, я понятия не имела, что ждет меня впереди.

Вот, что я знала об Ашере Ли. Он был родом из Дэнверса, Виргиния. Служил в армии. Получил в Афганистане увечья, после чего вернулся в наш городок, и с тех пор его никто больше не видел.

Я еще не знала, что в тот день

начнется главное путешествие моей жизни. Что я в буквальном смысле встречу мужчину своей мечты. Что влюблюсь так безотчетно и безоговорочно, что, потеряв его, во многом потеряю себя. Я не знала, что моя самая большая в жизни любовь обернется самым большим моим сожалением, и я окажусь в ловушке бессмысленного существования, тоскуя о человеке, который больше не может на меня даже смотреть. И тем не менее, знай я обо всем этом заранее, я бы все равно одолжила у сестры тот

сарафан и испекла те брауни,
потому что любовь к Ашеру Ли
стала величайшим подарком,
который я когда-либо получала, а
то, что он подарил мне за то
короткое время, пока мы были
вместе, научило меня всему, что я
хотела знать о настоящей любви. И
пусть даже ничего подобного у меня
никогда больше не будет, теперь я
знаю, каково это было – быть для
другого человека всем... однажды.

– О боже, – проговорил Ашер,
пока строчки расплывались у
него перед глазами. – Саванна...

Он откинулся на спинку кресла и на протяжении трех с половиной часов читал, двигаясь только затем, чтобы перевернуть страницу. Он смеялся и плакал. Закрывал, страдая, глаза. Останавливался на некоторых моментах, когда эмоции переполняли его настолько, что продолжать было невозможно.

Это была самая красивая история любви из всех им прочитанных. Самая. За всю его жизнь. С нею не могла сравниться ни одна история из его

библиотеки. И, читая ее, он вспоминал заново каждое слово, каждый взгляд и каждое прикосновение. Запах ее лимонного шампуня и вкус запеканки с гренками. Гладкий жар ее живота под кончиками его пальцев и то, как она выдыхала в его рот, когда они занимались любовью.

Его сердце разбилось на осколки, а потом срослось вновь. Только сейчас он понял, как тяжело ей далось решение написать эту статью, как она

боялась его реакции, но
надеялась, что он сможет понять.
Как после мучительных
сожалений о том, что другого
выхода нет, она доверилась
своему редактору, а тот ее
предал. Ашер не ставил под
сомнение ее искренность; он ее
чувствовал. И еще он наконец-то
понял, как все произошло, как она
влюбилась в него, как верила, что
их любовь сможет пережить одну
маленькую статью в одной
маленькой газете за много штатов
от Дэнверса. Она не

предполагала, что статью вывернут наизнанку. Не ожидала, что их история станет вирусной и разнесется по всем новостям.

Она отвергла все до единого предложения о работе – не только в «Финикс Таймс» и прочих газетах, но и в «Нью-Йорк Сэнтинел», которые предложили ей вести рубрику «Жизнь». Как, наверное, больно – или здорово? – было послать их к черту. Он почти усмехнулся.

Единственное, чего он не понимал, так это ее решения

заработать на их истории. Да, книга была написана замечательным языком, а их образы получились очень точными, хоть и немного романтизированными. Такой новеллой можно было гордиться, но превращать свое фиаско в «Финикс Таймс» в деньги... Этот момент вызывал у Ашера неприязнь. Казался неправильным.

Наконец он добрался до эпилога.

Я думала, что самое главное для меня – вернуть карьеру, но я ошибалась. Самым главным был Ашер, а потерять его стало самым тяжелым испытанием за всю мою жизнь.

Но я заставила себя жить. И обнаружила, что когда после трагедии ты решаешь жить дальше, то худшее ждет тебя впереди. С этим столкнулся Ашер, когда вернулся из Афганистана в пустой дом, в город, который его не принял. Раньше я верила, что он остался в живых ради меня. Теперь

я не знаю, правда ли это, ведь я причинила ему чудовищную боль.

Как я уже говорила, я ошибалась, поставив превыше всего свою карьеру. Теперь я знаю, чего лишилась, и мне остается одно: бесконечно раскаиваться, стараясь когда-нибудь стать тем человеком, которого однажды он так сильно любил. А я... я буду любить Ашера Ли вечно.

Конец

Ашер сделал глубокий, дрожащий вдох. По его лицу текли слезы. Срываясь с

подбородка, они тихо капали на страницу, и когда бумага намокла, он понял, что на следующей странице тоже есть текст.

Когда он увидел, что там, то его самообладание, уже пошатнувшееся под впечатлением от прочитанного, окончательно превратилось в руины.

100% средств, вырученных за книгу «Однажды», будут переданы в некоммерческую организацию

*«Операция „Восстановление”»,
предоставляющую необходимую
медицинскую помощь получившим
увечья ветеранам войны.*

Зажмурившись, Ашер крепко
прижал рукопись к груди. Очень
долго он сидел неподвижно,
впитывая прочитанное,
примираясь с тем, что Саванна
говорила правду. Страстно желая
увидеть ее, обнять, поговорить с
нею и сказать, что еще не поздно,
что поздно не будет ни сейчас, ни
потом, потому что он никогда и
никого не полюбит так сильно,

как любит ее.

Когда он больше не мог этого выносить, то вернулся к первой странице и начал читать заново. Он читал долго, всю ночь, пока не заболели глаза, и не пришла пора уходить в клинику на новую операцию.

Глава 19

Когда ты впервые понимаешь, что он любит тебя так же сильно, как ты любишь его

– Саванна Калхун Кармайкл,

ты меня вообще слушаешь?

Держа своими изящными, наманикюренными пальчиками толстый журнал для молодых родителей, Скарлет наградила Саванну привычным укоризненным взглядом, и та, поерзав на перилах крыльца, повернулась к младшей сестре лицом. Не далее, как сегодня утром, Скарлет поняла, что беременна.

– Слушаю. Двенадцать рекомендаций о том, как выбрать для своего ребенка лучший

детский сад. – Саванна вздохнула.

– Не рановато об этом думать?

– В самый раз, – отрезала

Скарлет, захлопнула журнал и положила его на колени. –

Майский малыш. Разве не чудесно? Рада, что скоро станешь тетушкой?

– Чудесно. И я рада, что у моего племянника или племянницы будет лучшая мама во всем городе.

Скарлет улыбнулась и перевела взгляд за перила, где медленно кружил над газоном

разбрызгиватель.

– Даже не верится, что лето подходит к концу. До Дня труда осталось всего две недели.

Думая об Ашере, Саванна кивнула.

На прошлой неделе мисс Поттс передала ей записку: «Ашер сказал, можно публиковать. Мисс Поттс». Сначала Саванна было воспряла духом, поскольку это значило, что Ашер все-таки прочел ее книгу – ее любовное письмо, на каждой странице которого она обнажала

перед ним свое сердце в надежде, что, прочитав их истинную историю, он сможет понять, что ею двигало. Но проходили дни, а он все молчал, и мало-помалу ее радость померкла. По мере того, как вечера становились все прохладнее, она все чаще задумывалась о Рождестве, гадая, смогут ли они с Ашером начать все с начала, когда он вернется домой. Только этой мечтой она и жила.

– Я так довольна, что ты продолжаешь писать, –

произнесла Скарлет. – По-моему, это замечательно – то, что Тодд предложил тебе аванс за следующую книгу.

– Угу, – пробормотала Саванна. – Я подумываю снять маленькую квартиру где-нибудь в городе. С большой светлой комнатой, где я смогу писать.

– А мы с малышом будем навещать нашу тетю Вэн, прославленную писательницу. Кто бы мог подумать, что в итоге ты станешь писать романы.

Саванна улыбнулась. С

некоторых пор она снова научилась улыбаться. Пусть она не была счастлива, но жизнь продолжалась, подстегивала ее, а Саванна, как и Ашер, была борцом от природы.

– Уж точно не я. Это ничуть не похоже на журналистские расследования, но я чувствую, что занялась правильным делом, хотя совершенно этого не ожидала. И никто больше мои тексты не искромсает. Утверждение всех редакторских правок было первым пунктом, который я

внесла в свой новый контракт.

– Вэн, книга вышла замечательной. И Ашеру она наверняка понравилась. Иначе и быть не может.

Саванна пожала плечами.

– Он должен был прочесть ее пять или шесть дней назад. Я так надеялась получить от него весточку, но...

– Дай ему время, – сказала Скарлет. – Быть может, у него была назначена операция, и он не хотел отвлекаться. Я знаю, это непросто, но запасись терпением.

Саванна кивнула, хотя надежда в ней едва теплилась.

– Знаешь, я только так могла рассказать ему, что совершила ошибку и что ужасно в этом раскаиваюсь. Что он был, есть и будет любовью всей моей жизни.

Поднявшись, Скарлет обняла Саванну за талию.

– Я уверена: все наладится.

Хотела бы Саванна разделять ее оптимизм. Но увы.

– Спасибо тебе, Скарлет.

– За что?

– За то, что заставила меня

снова начать жить. За то, что любила меня, когда я была противна сама себе. А я-то говорила, что ты хуже дьявола.

– Помню-помню. Я при этом присутствовала.

– Я была худшей подружкой невесты в истории.

– О да, – согласилась Скарлет.

– Ну ничего. Зато ты станешь лучшей в истории крестной матерью, договорились?

Саванна рассмеялась.

– Почему ты продолжаешь давать мне вторые шансы?

– Потому что человеку, которого любишь, можно простить многое, если не все. Именно поэтому я твердо уверена, что Ашер к тебе вернется. Потому что он любит тебя. Я еще не видела, чтобы мужчина так сильно любил женщину. Такая любовь не проходит.

На глаза Саванне навернулись слезы.

– Скарлет, спасибо тебе, – одними губами прошептала она.

Скарлет бросила взгляд на

часы.

– Ну, мне пора. Впереди – ужин и большие новости. Бедный Трент. Надеюсь, он готов стать папочкой.

– А если нет, – сказала Саванна, притягивая сестру к себе, – то ты быстро настроишь его на нужный лад.

Скарлет спустилась с крыльца, дошла до машины и, оглянувшись, еще раз улыбнулась Саванне.

– Вэн, я серьезно. Однажды он обязательно к тебе вернется.

Скарлет говорила настолько уверенно, словно ей было известно нечто, чего не знала сама Саванна. Но этого не могло быть. Ашер точно не связывался ни с нею, ни с Трентом. Нет. Она просто пыталась ее утешить. Глаза Саванны обожгло слезами, но она заставила себя улыбнуться и на прощание помахать сестре.

Когда машина Скарлет скрылась из виду, Саванна опустилась на качели. Наступал вечер. Лето подходило к концу. Ярκο-алая герань поблекла, а

азалии отцвели. По улицам
носились на велосипедах дети, а
парочка молодых матерей
неспешно прогуливалась с
колясками по тротуару. Вокруг
кипела жизнь, и Саванна, устав
принуждать себя оставаться ее
частью, закрыла глаза и
откинулась на спинку качелей.

Она скучала по Ашеру.

Каждый день. Каждую
секунду.

И пусть боль стала терпимей,
но она никуда не делась.

После Четвертого июля

прошло почти полтора месяца.
Полтора месяца без единого слова
от Ашера. Она пыталась
представить, о чем он думал, пока
читал их историю. Плакал и
смеялся, как плакала и смеялась
она, вспоминая лучшие моменты
их отношений? Или же он
пролистал ее книгу с холодным
безразличием, а согласие на
печать дал лишь затем, чтобы
фонд получил средства?
Вспоминает ли он ее? Любит ли
до сих пор?

– Уверена, больше нет, – тихо

прошептала она, пока
прохладный вечерний ветерок
ласкал ее щеки.

– В чем ты уверена, радость
моя?

Она ахнула, затем призвала
себя успокоиться. Голос Ашера.
Ну конечно. Она не могла
прожить и часа, чтобы не завести
с ним мысленный разговор. Ее
разум воссоздавал его голос
настолько правдоподобно, что
порой ей казалось, что он на
самом деле находится рядом.

Саванна зажмурилась еще

крепче, полная решимости
насладиться иллюзией до конца.

– Я уверена, что он больше не
любит меня.

– И ты ошибаешься.

– И я... – Сердце Саванны
быстро забилося, и она сделала
судорожный вдох. Этого не может
быть. Это не может быть
действительно он. Боясь
вздохнуть, она замерла. – Ашер?

– Саванна, не открывай глаза.

С трудом находя в себе силы
выполнить его просьбу, она
услышала, как он поднялся по

ступенькам крыльца. Ее руки приподнялись над коленями и зависли в воздухе, пальцы задрожали в отчаянном желании дотронуться до него. Он обошел стол и сел на качели с ней рядом.

– Ты пришел, – всхлипнула она. – Ты наконец-то здесь.

– Да. Я здесь, – промолвил он тихим, глухим от эмоций голосом. Дотянувшись до ее руки, он сплелся с ней пальцами.

– Я хочу открыть глаза.

– Сначала выслушай меня, радость моя, ладно?

Крепче сжав его пальцы, она кивнула. Это на самом деле был Ашер. Ашер вернулся к ней – как и предсказывала Скарлет.

Саванна была готова сделать все, о чем он попросит. Абсолютно все, лишь бы он сказал, что ничего не кончено – и никогда не было кончено, – и что в будущем они будут вместе.

– Та статья...

Она уронила голову на грудь.

– Ашер...

Он снова заговорил – торопливо, но мягко, с

нежностью.

– Я знаю, ты написала все совсем по-другому. Я знаю, ты бы не стала... – сделав паузу, он сглотнул, – называть меня такими словами. Я знаю, ты собиралась защитить нашу анонимность и была шокирована тем, сколько шума наделала эта статья. Я тебе верю.

– Клянусь тебе...

– Ш-ш. Саванна, если ты не перестанешь перебивать меня, мне придется поцеловать этот ротик, чтобы заставить его

замолкнуть.

Ее сердце отчаянно затрепетало, и она всерьез задумалась над тем, не перебить ли его при первой возможности. Но она понимала, как важно для них сначала поговорить.

– Тем утром я не знал, чему верить. Прости, что не поверил тебе. Я был не прав. Я должен был...

– Нет, – надломленным голосом произнесла она, сминая его пальцы. – Не проси у меня прощения. Я сама во всем

виновата. Я...

Ощутив тепло его губ, она выдохнула, а затем, не в силах больше сдерживаться, заплакала и потянулась к его лицу, но была решительно остановлена чем-то... напоминающим руку. Ее мозг заработал, пытаюсь понять, что это было, но потом ее коснулся его язык и, как только она погрузилась в блаженство, вспоминая вкус его поцелуев, все мысли из ее головы мигом выветрились. То, что удерживало ее руку, разжалось, и внезапно ее

обняли две руки, а на спину, когда Ашер привлек ее к себе, легли две ладони. Он впивался в ее рот, целуя ее ненасытно, бездумно, словно любил ее не меньше, чем раньше, и она ощущала на губах соль своих слез – а может, и его слез тоже.

Отстранившись от нее, он быстро изменил их положение, так что ее подбородок уткнулся ему в плечо, а груди прижались к его торсу. Она открыла глаза. Опустила взгляд на свои руки, сцепленные за его спиной, и

щекой легла ему на плечо.

– Ты держишь меня двумя руками.

– Именно так.

Сквозь слезы она рассмеялась.

– Ты не дал мне дотронуться до лица... правой рукой.

– Верно.

– Ашер, я хочу увидеть твоё лицо.

– Позже, – ответил он тихо. – Сначала нам нужно закончить разговор о прошлом. Когда мы заговорим о будущем, тогда ты сможешь меня увидеть.

Глубоко вздохнув, Саванна закрыла глаза и поблагодарила небо за то, что оно вернуло ее в его объятия, и за то, что в его планы входил разговор о будущем.

– Хорошо.

– Детка, я получил и прочел твою книгу еще в понедельник. А потом прочитал ее снова. И еще дважды – пока не взошло солнце, и не пришла пора ложиться на операцию.

– О, – выдохнула она. Скарлет была права. Он не избегал ее. У

него просто не было возможности с нею связаться.

– Больше всего на свете мне хотелось приехать или позвонить тебе, но я не мог пропустить операцию, а потом мне было нужно немного прийти в себя, прежде чем отправляться в дорогу.

– Конечно.

– Твоя книга... – У него перехватило дыхание, в груди вибрировали эмоции, и она жадно впитывала ощущение близости к его телу. – Твоя книга

– самое прекрасное, что я когда-либо читал. Она рассказала все, что мне было нужно знать. Я... я теперь понимаю. Саванна, я понимаю, как все произошло.

Ее глаза вновь наполнились слезами, и она прижалась к нему крепче.

– Не стану обманывать, я пришел в бешенство, когда узнал от Трента, что ты пишешь книгу, но потом мисс Поттс прислала мне рукопись и... ах, Саванна, мне так жаль, что я в тебе сомневался.

– У тебя есть на это п-полное право, – всхлипнула она, вздрагивая в его руках.

– И ты написала ее не просто так, а ради благого дела. Наша история поможет собрать деньги, чтобы помочь многим раненым парням. И я... Я так горжусь этим, и хотя скрытная сторона моей натуры по-прежнему желает, чтобы наша история принадлежала лишь нам одним, я понимаю, что желать этого эгоистично, ведь ее публикация принесет столько добра. Так

будет правильно. Больше, чем правильно. Это значит, что я могу еще раз послужить людям, сделать что-то хорошее. И все благодаря тебе.

– Благодаря *нам*, – поправила его она. – Ашер, мне нужно тебя увидеть.

– Через одну минуту, хорошо? Прежде я должен сказать тебе еще пару вещей.

– Почему мне нельзя посмотреть на тебя?

– Радость моя, потому что теперь я выгляжу иначе и хочу

договорить то, что собирался сказать, оставаясь тем Ашером, в которого ты влюбилась... то есть, если предположить... если ты все еще...

– Неужели ты сомневаешься?

– Я не поверил тебе. Я от тебя отвернулся.

– Я обидела тебя. Очень сильно. О, Ашер, мне так жаль.

– Ш-ш. Я знаю, детка. Я знаю. – Он ласково погладил ее по спине.

– Ашер, я никогда не переставала любить тебя. Ни на секунду. Я была идиоткой, выбрав

карьеру, но быстро поняла, что важнее тебя для меня ничего не существует. Я выживу одна... но жить *по-настоящему* без тебя не смогу.

Саванна почувствовала, как по его телу пронеслась дрожь, и старые качели скрипнули, когда он изо всех сил притиснул ее к себе. Ее голые ноги вклинились меж его бедер, спина ощутила ласку его пальцев, и она отчаянно захотела, чтобы они прямо сейчас оказались в постели – обнаженные, с крепко

сплетенными руками и ногами.

– Я тоже люблю тебя, – в конце концов хрипло шепнул он ей на ухо. – Так сильно, что быть вдали от тебя похоже на медленную смерть.

– Для меня тоже.

– С этого момента я больше не хочу с тобой разлучаться, – выдохнул он ей в шею, и по ее спине побежали мурашки. – Ни на миг.

– Я тоже, – не дыша, вымолвила Саванна. Она была счастлива, как никогда в жизни.

Щекой она ощутила, как напряглась его челюсть, словно он набирался храбрости.

– Ладно, – выдохнул он. – Ты готова меня увидеть?

– Я всегда готова, Хэрроу.

***

– Хэрроу, – повторил он тихо. С изумлением. Сломленный мужчина ее мечты.

В самые темные часы одиночества он боялся никогда больше не услышать, как она называет его этим именем. И

услышать его сейчас было так чудесно, что он рассмеялся ей в щеку, отчего напряжение между ними ослабло настолько, что они оба расслабились. Он отпустил ее, а она отклонилась назад и открыла глаза.

И ахнула. Задержала дыхание, ахнула снова, а потом ее лицо исказилось, и она зарыдала.

– О... боже... – прошептала она, нерешительно касаясь его лица дрожащими пальцами. – О, Ашер.

Мысленно он перебрал

открывшиеся ей изменения:
новое ухо, более гладкая щека,
нормальное веко и последнее –
полностью восстановленный нос.
Не хватало имплантов в челюсти
и на скуле, но его облик уже
значительно отличался от того,
каким она видела его в последний
раз, и на мгновение, пока она, не
отрываясь, смотрела на него,
зажав рот, он занервничал. Вдруг
ей не понравились изменения?
Вдруг она предпочтет того
мужчину, которого полюбила?

Но она, как всегда, шокировала

его, проговорив сквозь слезы:

– У тебя такие короткие волосы.

Он рассмеялся, она тоже начала смеяться за ним следом, и ее прекрасное лицо озарила широкая улыбка, пока по мокрым щекам струились слезы, а плечи вздрагивали от рыданий и смеха.

– Мне перекроили половину лица, а она о новой прическе. – Он протянул свою новую руку и под едва слышное жужжание мотора вытер указательным пальцем слезинку с ее щеки.

Усмехнувшись, она осторожно поймала его за палец и потянула кисть его руки вниз.

– Мой частично бионический человек, – произнесла она, рассматривая обтянутую силиконом искусственную конечность.

Наконец она подняла лицо и немного грустно ему улыбнулась.

– Ты выглядишь хорошо. Но иначе. Непохоже на того Ашера Ли, которого я встретила четыре месяца назад.

– Возможно. Но, тем не менее,

я и есть он. А ты все та же девушка, что любит его?

– Да, – ответила она, кивая. –
Та самая.

Здоровой рукой накрыв ее щеку, он смотрел, как она закрывает глаза и тянется к нему, обнимая его ладонь своими руками.

– Саванна?

– Хм-м?

– Сегодня вечером я должен вернуться в Мэриленд. Вообще мне было нежелательно уезжать, но осмотр утром прошел

нормально, и я сказал, что больше не в силах ждать, а доктор Маккаффри ответил, что не может помешать мне вести себя, как одержимый женщиной болван. – Он усмехнулся, вспоминая озорную улыбку врача. – Мне осталось еще несколько операций. Еще я работаю там с некоторыми ранеными парнями. Подбадриваю их и напоминаю, что за воротами клиники лежит целый огромный мир, и что они должны найти способ стать его частью.

Стараясь удержать лицо, она молча кивнула, и он, хорошо зная ее, понимая, что она старается быть храброй, поспешил успокоить ее поцелуем.

– Но я не хочу возвращаться в Мэриленд без тебя.

Он заглянул ей в глаза, чувствуя и душой, и сердцем готовность сделать большой шаг вперед.

Опустив в карман пиджака свою бионическую кисть, он нащупал двумя пальцами и извлек наружу золотое кольцо,

которое мисс Поттс по его просьбе достала из шкатулки с украшениями его матери. Он заезжал домой по пути к Саванне, и его экономка – она же приемная бабушка – со слезами обняла его и пожелала удачи:

– Саванна Кармайкл не чертова дурочка, так что не надо нервничать.

Здоровой рукой Ашер осторожно повернул кольцо так, чтобы наверху ярко засиял бриллиант.

Когда он взял ее за руку, она

всхлипнула и снова расплакалась.

– Саванна Калхун Кармайл.

День, когда ты пришла ко мне, одетая в чужой сарафан и с тарелкой брауни в руках, стал первым днем моей жизни. Узнать тебя, полюбить и обрести твою любовь было словно родиться заново. Словно ангел спустился с небес и подарил мне второй шанс. Однажды ты сказала, что я остался в живых ради тебя – пусть в то время мы еще и не познакомились. А я ответил, что никогда тебя не отпущу. И я

сдержал свое слово. Даже во время разлуки, когда меня переполняли обида и злость, ты была со мной рядом – ты, твоя улыбка, твой смех, твои прикосновения и слова любви. Каждую минуту ты была рядом. Ты так глубоко вошла в мое сердце, так тесно переплелась с моей душой, что, как оказалось, меня без тебя не существует.

Ашер всмотрелся в ее нежное лицо, и она ответила ему взглядом, обещающим любовь, которая будет длиться дольше,

чем длится жизнь.

– Саванна, ты выйдешь за меня замуж? Радость моя, пожалуйста, скажи, что станешь моей женой.

Не сводя с нее глаз, он задержал дыхание. По дороге домой ему приходило в голову, что она могла сказать «нет». Она могла сказать, что он недостаточно доверяет ей, что им нужен еще один перерыв для того, чтобы увериться в своих чувствах. Вдруг его опасения сбудутся? Что ж, тогда он не сдастся, пока не услышит «да».

Он будет как можно чаще приезжать домой, а после Рождества поселится у нее на пороге. Рано или поздно она поймет, что он не отступится, что его любовь к ней бессмертна. Он будет ждать, сколько придется, но боже, как же он надеялся, глядя в ее карие глаза... Как он надеялся, что девушка его мечты скажет...

– Да! Конечно, да!

Саванна подняла дрожащую руку, и он, всем телом содрогнувшись от облегчения, надел на ее безымянный палец

обручальное кольцо своей матери, а она, накрыв его щеку ладонью, притянула его лицо к себе. Их губы встретились, и Ашер, сжимая ее в объятьях, пообещал себе никогда, никогда больше ее не отпускать. Когда они, задыхаясь, оторвались друг от друга, он прижался лбом к ее лбу.

– Просто чтобы ты знала: твой отец сказал «да» первым.

– Я бы согласилась, даже если бы он сказал «нет».

Он поцеловал ее – снова,

потому что она принадлежала ему. Потому что он был безмерно счастлив тому, что отныне ему не придется проводить вдали от нее ни единого дня. Потому что она была его лучшим другом, его любовницей, его невестой и матерью его будущих детей. Потому что, когда он потерял надежду, она стала его вторым шансом, а потом – его «долго и счастливо».

– Ашер Ли, я буду любить тебя до конца своих дней, – прошептала она, овеявая теплым

дыханием его губы, и он задумался о том, успеют ли они перед возвращением в Мэриленд на пару часов заглянуть в спальню. – Обещаю больше никогда не ставить что-либо выше тебя. Я люблю тебя больше всего на свете и клянусь, что так будет всегда.

Нет, мы просто обязаны хоть ненадолго, но зайти в спальню, подумал Ашер, усмехаясь своей невесте.

– Я обещаю тебе то же самое, – поклялся он голосом хриплым от

любви, от желания и облегчения.
– Я буду любить тебя каждый
день до конца своей жизни.

***

Саванна как наяву услышала
голос Скарлет, донесшийся из
того далекого майского вечера.
*Номер двенадцать. Когда ты
впервые понимаешь, что он любит
тебя так же сильно, как ты
любишь его. Отстранившись
немного, она заглянула в его глаза
– те самые глаза, которые впервые
пленили ее в отражении зеркала*

много месяцев тому назад.

– Что ты сейчас сказал? –
спросила она шепотом, не дыша.

– Я обещаю тебе то же самое, –
повторил он. – Я буду любить
тебя до конца своей жизни.

– Номер двенадцать, –
изумленно пробормотала она,
качая головой. – Скарлет была
права.

– Номер двенадцать? Скарлет?
– Он улыбнулся с выражением
нежности и легкого
замешательства на лице. – Что
это значит?

Обмирая от нежности, она улыбнулась своему прекрасному мужчине, приблизилась к его губам и, прежде чем поцеловать его со всей любовью, что жила в ее сердце, шепнула:

– Это значит, что мы готовы любить друг друга вечно.

Конец.

**Перевод группы Love in
Books**